

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС

О ПРОЕКТЕ ЦК КПСС К XXVI СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА «ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СССР НА 1981—1985 ГОДЫ И НА ПЕРИОД ДО 1990 ГОДА»

- 1. Одобрить проект ЦК КПСС к XXVI съезду партии «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».
- 2. Опубликовать проект ЦК КПСС «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» 2 декабря 1980 г. для всенародного обсуждения.
- 3. Провести обсуждение проекта «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» в трудовых коллективах, учебных заведениях, воинских частях, в партийных, профсоюзных и комсомольских организациях, на собраниях актива и пленумах партийных комитетов в районах, городах и округах, на областных, краевых партийных конференциях и съездах компартий союзных республик, в печати, по радио и телевидению, в системе партийной, комсомольской и экономической учебы, а также беседы по месту жительства граждан.

Р. ГЕОРГИЕВА

27 ноября стартовал к орбитальной станции новый трехместный космический корабль «Союз Т-3». Экипаж в составе командира подполковника Леонида Де-Кизима, бортинженера Олега Григорьевича Макарова и космонавта-исследователя Геннадия Михайловича Стрекалова приступил к работе.

Сколько стыковок, перестыковок происходило у причалов стан-ции, и у каждой свой почерк. Юрий Малышев и Владимир Аксенов полгода назад подводили «Союз Т» вручную, а сейчас всю «Союз і» вручную, а сенчас всю операцию решили доверить авто-матике. Работает бортовой вычис-лительный комплекс. Такого на серийных «Союзах» не было. Он выводит полную информацию обо всем, что происходит, на экраны всем, что происходит, на экраны Центра управления полетом. И точно такую же информацию сейчас видит экипаж на сво-ем дисплее. Пожалуйста, глядите: вот с какой скоростью я веду корабль, вот расстояние до станции, вот как расходуется топ-ливо на корабле. Со стороны кажется, что против старых «Союз Т-3» продвигается как-то ме-

Центр подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагари-на. Энилам космического корабля «Союз Т-3». На симимо (с л вва и на пр в во): именер-исследо-ватель Г. М. Стрекалов, бортиниенер О. Г. Макаров и командир корабля Л. Д. Кизим.

Фото А. Пушкарева [ТАСС]

IPFATE

нее решительно. «Нет, нет,- возражает Владимир Аксенов,— в бортовой вычислительный комплекс заложен именно такой алгоритм, и системы работают в точном ему соответствии».

Дальнейшие события поясняют мысль Аксенова. Есть режим при стыковке, когда корабль подойдет к станции и остановится, зависнет. Он берет как бы тайм-аут на размышление перед последсамой важной операцией. А сейчас «Союз Т-3» неспешно приблизился к станции и без всяких задержек уверенно причалил к «Салюту». Затем прочно, с усили-ем 20 тонн, соединяется со стан-цией. Все! Теперь на станции появились три новых хозяина. Тринадцатая по счету экспедиция приступила к исследованиям.

- Привет, ребята, поздравля-

ем!- несется с Земли.- Олег, ты киносвет укрепи резинкой к вело-сипеду, чтобы телевизионная кар-тинка с борта была хорошая. А подключать,— слышится в эфире знакомый бас,— лучше всего к розетке под душем.

— Валера, это ты? Откуда ты взялся?— кричит в ответ Олег Ма-

Валерий Рюмин объясняет, что он звонит из санатория, где они с Леней Поповым проводят послеполетный отдых. Не выдержала душа, подумал, хозяйство сложное, да еще за эти полгода они все так перекроили на станции, и помощь их сейчас будет как нельзя кстати. Спасибо связистам - помогли организовать такой необычный радиомост. И пошло обсуждение, для чего такая-то крышечка, где спрятаны запасПролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

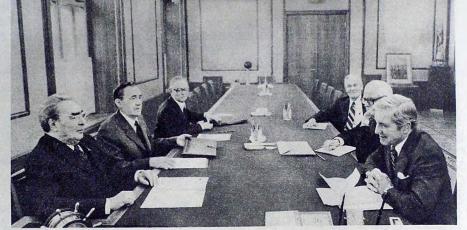
Основан 1 апреля № 49 (2786)

1923 года

6 ДЕКАБРЯ 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

Во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ АМЕРИКАНСКОГО СЕНАТОРА Ч. ПЕРСИ

26 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Прези-днума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле вид-ного политического деятеля США, сенатора-республиканца Чарльза

пото политического деяталя США, сенатора-республиканца Чарльза пере.

пере.

Сера принял участие член Политоборо ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыно.

В ходе бесда Л. И. Брежнев обратил виниание на серьезмое обостренне, которое произошло в советско-американских отношениях, что
мене, каторое премения очатам комфинкто в мире прибавились другие, начался новый, не нами зателиный виток гоним вооружения, возрожа вееная оласноств в мире, что при взамимов мелании
сторои улучшить положение можно. Для этого необходимо проявить построй улучшить положения мене. Для этого необходимо проявить построй примене подеренные завешениям, реалистический куре.

Питатами, сказал Л. И. Брежнев. Тем более не хотим, чтобы оказалось
примене подеренные оста польжения усилимии рамее. Советский Союз — стороними усилимии рамее. Советский союз — не та страна, с которой момно разговаривать на таком союз — не та страна, с которой момно разговаривать на таком союз — не та страна, с которой момно разговаривать на таком союз — не та страна, с которой момно разговаривать на таком союз — не та страна, с которой момно разговаривать на таком союз — не та страна, с ко-

В этой связи Л. И. Брежнев отметил важность того, чтобы не создавалось застоя в усимиях сторон по ограничению елед не соверждения образовалось застоя в усимиях сторон по ограничению елед не соверждения в соверждения соверждения соверждения соверждения соверждения соверждения соверждения и пробом, для решения которых у Советского союза, заявия Л. И. Брежнев, нет недостатка в готовности всети дело с Соериненными Штатами конструктивно, при взаимном учете законных интересов друг друга, ми втолие моготория у советского союза, заявия Л. И. Брежнев, нет недостатка в готовности всети дело с соериненными Штатами конструктивно, при взаимном учете законных интересов друг друга, и в положения союза с законных интересов друг друга, с законных систем союза с законных интересов друг друга, с законных с зак

ные детали, как лучше использовать шланг, помеченный красной изоляцией, а не синей...

Здесь у вас такой идеальный порядок - ахнешь, в принципе не понимаю, как вы этого добились,— восхищенно бормочет Макаров.

Порядок действительно прежние хозяева любили, хотя и трудно блюсти его в космосе. Например, как-то повредили пластмас-совый резервуар с водой для полива растений. Мгновение — и два с лишним литра воды преврати-лись в гигантский шар. Леонид и Валерий нашли решение, котя и мало приятное, но единственно правильное. Выпили этот водяной шар, ни капельки не осталось. Не дай бог попасть воде на аппара-туру или иллюминаторы! Трудно от нее избавиться в невесомо-

сти — физика другоя. Чего только геромческого, смещного и грустного не видел «Салют» аз три года службы на порбите! Когста пообразить не могли, что их детище окажется таким живучим. Конечно, за эти годы не раз ремонтировали аппаратуру, много приборов заменили на мовые. Польза от весх работ, проведенных и аз от есх работ, проведенных и

операций в невесомости. Поэтомуто в мовом эмпламе дая инмемуто в мовом эмпламе дая инмеповета — Келитание корабля «Совересом в морабом в морабом довересом в морабом в морабом довересом в морабом в морабом достранционного «Союза», не поступившись главным — надежномузногох спеца дажно за морабом домузногох спеца в морабом домуже принципально инме. Интеменная двигательная установка, от
муже принципально инме. Интеменная двигательная установка, от
муже принципально инмеморабом морабом домуже домуже дражумные, замостым домуравам немужные, замостым дамуравам немужные, замостым дамурамостым дамурам немужные да-

ет право на перергулирование скачала доведет до 30, в потом бу новой комаланди. Сейчас подобнее параметры решили менять вручную по необходимости, это проше обходимости, это проше обходимости, это проше обходимости, это проше обходимости, а смере обходимости, а смере выглядит тан, изменять сей выстания стана стана стана стана причили нас фантасты предстанть сей выстания стана стана стана пределя стана стана стана пределя пределя стана пределя пре

Непривычно видеть троих в корабле. По нашим земным представлениям, им, пожалуй, тесновато. В центре — командирское кресло. Сейчас его занимает Леонид Кизим, 48-й советский космонавт.

Есть люди, которые могут жить только одной идеей, не разбрасываясь, не отвлекаясь, все в себе подчиняя ей. Таков Леонид. Сейчас он просто фанатически предан новому кораблю, может рассказывать о машине бесконечно и все в превосходных степенях — какая она умная, замечательная, тонкая; говорит о ней, как о любимой. Но любовь эта трудная... Потребовались годы тяжких усилий, чтобы она стала взаимной.

— Леонид очень много рабо-Макаров,тал, — рассказывал Макаров, — причем если я какую задачу решаю, то выбираю тот минимум информации, который необходим именно для ее решения, а Леню задача так увлекает, что он подчас забывает, что из нее надо выйти. Он ищет все шире, шире, потом, когда его спрашиваешь, зачем ты сюда-то влез, ведь задача этого не требовала, он как-то удивляет-ся, долго на тебя смотрит, а потом отвечает смущенно: «Да, действительно, но это меня очень заинтересовало».

Вот так же беззаветно он меч тал когда-то стать летчиком. В журналах рылся, выискивая, нет ли рецепта, как стать повыше ро-стом, уж очень был маленьким, самым малорослым из сверстников. В училище дважды поступал: комиссия в первый раз по этой самой причине его не пропустила. Чего только он не делал и действительно вырос на три сантимет-

Леонид Кизим знает практиче-ски все типы самолетов, 1600 ча-сов — таков его налет. Крепкий,

МЕТАМОРФОЗЫ РАЗРЯДКИ

Сергей ЛОСЕВ

Мадридская встреча, которую администрация Картера замышмадридская встреча, которую администрация картера замощ-ляла превратить в «словесную корриду», приобретает неожиданный для зачинщиков пустопорожней болтовни оборот: многие западно-европейские делегации высказываются за рассмотрение конкрет-

европейские делегации высказываются за рассмотрение монкрет-ных шагов в сфере военной разрядки на континенте .

— контемь континенте образовать права на то, что в их речах содер-жится и немало набивних оскомину элобных выпадов — дежурное блюдо в угору «аглантической солидарности». Но главное все же, пожалуй, забоченность, провлениям за судьбы разрядки в Европе, стремление продолжать поэттинный процесс, начало которому было положено подписанием Хельсинкских соглащений. Новые мириые инпушнативы СССР, отражающие чаяния наро-

дов не допустить развязывания ядерной войны, встретили широчайдов не допустить развизывания ядерной войны, встретили широчай-шую поддержку в мире со стороны многих политических партий разных направлений, общественных и профосновных организаций, государственных и политических деятелей. Западные правительства не в состоянии инторировать этот бурный прилив антивоенных на-строений. Н с тому же перекиваемый всеми странами ЕЭС да и США глуборкий оковомический спад, инфалция и обострение энер-тегических турдностей выпуждают зациться вързывопасными внут-тегических турдностей выпуждают зациться вързывопасными внут-тегических турдностей выпуждают зациться вързывопасными внутренними проблемами.

так или иначе, на Мадридской встрече представителей госу-дарств — участников Совещания по безопасности и сотрудниче-ству в Европе, из 35 участников дискуссии не менее 25 делегатов прямо говорили о желательности и необходимости созыва конфе-

ренции по военной разрядке, ренции по военной разрядке,
Инициатива созыва такой конференции — лишь один из элементов программы упрочения мира, выдвигаемой Советским Союзом совместно с братскими странами социализма. На XXXV сессии
Генеральной Ассамблеи ООН СССР выдвинул развернутые предложения о прекращении гонки ядерных вооружений и отказе от
применения силы, об ограничении и сокращении стратегических вооружений и военных расходов, о предотвращении несанкционированного нападения, укреплении режима нераспространения ядерного оружия, запрещении других средств массового уничтожения, отказе от расширения существующих военно-политических группи-ровок, прявала все государства начиная с 1 ниваря 1981 года не расширять свои вооруженные силы и не увеличивать обътчыме во-

Мы с пониманием относимся к инициативам всех государств, мы с пониманием относимся к инициативам всех государств, открывающим перспективные пути в мировой политике в противо-вес конфроитации, к которой ведут дело агрессивные круги. На недавних советско-физиндских переговорах, например, СССР вновь поддержал выдвинутый президентом У. Кенконеном план превращеним Северкой Европы в безъядерную золу и выравяля го-товность стать вместе с другими ядерными державами гарантом статуса этой безъядерной зоны.

товность стать вместе с другими ядерными державами тарантом статуса этой бестьядерной зоны. Но что же предлагают нынешняя администрация США и блок НАТО? Пока только безудержное наращивание военных расходов, создание все более варварских средств массового уничтожения, формирование мистемеционистских селя быстрого развертывания с целью подавлени права пародов на свободное и независимое риманского империальнам, даниен глобальной экспансии американского империальнам, претення глобальной экспансии американского империальнам, претензия, что «нет такого района мира, который выходил бы за пределы сферы интересов США».

На комбрыской сессии группы ядерного планирования НАТО в Брюсселе Пентагон протащил в коммонике сессии оробрение авантористической президентской доктрины № 59, снижающей поро ядерной войны. Одиако снояминик, видимо, не забыли, что Вашинитон однажды уже обманул их, обязавшись ратифицировать договор ОСЕ-2, сели голько европейские страны НАТО согласается на размещение 600 новых американских ракет, призванных отвечь обмень и преговоры с Моской об ОСВ как важный элемит сохранення «Солояния США», сетует «Нью-Иорк таймс», — рассматриватот переговоры с моской об ОСВ как важный элемит сохранення от переговоры с моской об ОСВ как важный элемит сохранення поем быти преговоры с моской об ОСВ как важный элемит сохранения по доской быти прегомогания на селоданских праветь и прегомогания на селоданских праветь и прегомогания на селоданских праветь и преговора боль об составления и прегомогания на селоданских праветь прегомогания на селоданских праветь по доском праветь по доском предоставления по доском прегомогания на селоданских праветь прегомогания на селоданском праветь по доском праветь по доском праветь прегомогания на селоданском праветь прегомогания на селоданском праветь по доском праветь праветь по доском праветь праветь прегом праветь праветь

Эти настроения созвучны советской программе укрепления мира в Европе, предусматривающей сокращение ядерных вооружений,

ра в Европе, предусматривающей сокращение ядерных вооружения, обычного вооружения и принятие мер доверия, «Ито может возражать против столь закономерной постановки вопроса? Лишь определенные круги, которые, судя по планам размещения американских ракет в Европе и разбуханию военного бюдьета США, не отказались от бесперепективных польток добиться военного превосходства над СССР. Но, как подчеркнул Генеральный секретары ПК КПСС, Председатель Президума Верховно советс ССР Л. И. Брежнев в бесере с американским сенатором О. Перси, «Советский Союз — не та страва, с которой можно разговаривать на такой основе. Единственно надежный путь развития советска-мериканских отмошения — соблюдение пуминия двемы советско-американских отношений — соблюдение принципа равенства и одинаковой безопасности».

Нелишне напомнить, что администрация Картера начала свою деятельность с порочного поиска односторонных военных преимуществ, но в июне 1979 года — правда, с запозданием — вернулась в Вене к признанию тщательно выверенного военно-стратегического баланса сил США и СССР.

СССР чуждо стремление к достижению военного превосходства. Наши предложения об укреплении европейской безопасности ие направлены против США. В упрочении разрядки на континенте, откуда брали свое начало две мировые войны, кровно заинтересо-откуда брали свое начало две мировые войны, кровно заинтересованы все народы мира.

веселый, ладный, доброта у него прямо на лице написана.

бортинженер совсем иной. Имя Олега Макарова давно и прочно вписано в летопись космонавтики. Работал он еще над первым спутником, уже тогда проявлял дерзость и резкость в суждениях. Говорят, спорил даже с Королевым. Поначалу был бит, но прощен, потому что оказался прав. Дважды побывал в космосе. Работал с Василием Лазаревым в 1973 году на «Союзе-12» и с Вла-димиром Джанибековым в 1978 году на «Салюте-6». Была еще и авария в космосе: 293 секунды полета и... зависли на склоне ущелья в снегах Алтая. Однако это от космоса его не отвратило.

В противоположность Кизиму добрым по внешнему виду его на как не назовещь. Колючий он. А с журналистами он просто издевательски ядовит. Недоволен он, как пишут о космонавтике, слишком ровненько все выходит. Скучных людей, скучных задач, скучных ре-шений он не любит, в любом очевидном деле решение ищет не очевидное. Там, где Макаров, там все немножечко бурлит. На веру он тоже ничего не принимает. Судите сами. Вот его стенографически точный ответ на вопрос, как ему нравится новая машина: «Верить нам противопоказано. С одной стороны, мы должны знать машину настолько, чтобы в нее верить. Отлетала беспилотная машина хорошо, прекрасно себя показала в пилотируемом полете — у Аксенова и Малышева. Но всетаки машина очень свежая, новая, и я думаю: надо быть все-таки настороженным. Наша задача состоит в том, чтобы ждать и искать, где она ошибется неожиданно для всех и для нас тоже. И вот тогда, значит, мы хлеб свой едим не даром. Пока мы не имеем пране даром. Пока мы не имеем пра-ва верить. Мы должны сделать так, чтобы когда-то можно было позволить себе роскошь летать на ней спокойно».

Я читала этот отчет и думала: нет, в ответах не недоверие ма-шине, а желание получить прежде всего собственные доказательства ее надежности в космосе, которые нельзя получить на Земле.

Геннадий Стрекалов, космонавт-исследователь. как и Макаров, выпускник МВТУ имени Баумана. Но в космонавтику он пришел сразу со школьной скамьи работал учеником медника на космическом производстве. Медник это ручная работа. Стрекалов наблюдал, как медники делали, точнее, доводили до идеальной формы, оболочку первого искусст-венного спутника. И сам уже умел вручную по специальному шаблону придавать разные немыслила. И такая схема жизни: рабочий, студент, инженер, космо-навт — для него, мне кажется, очень закономерна. Он основательный. Это в нем главное. Есть конструкторы — голова полна идей, они видят день завтрашний, видят перспективу. Но чтобы это завтра стало реальностью, нужно скрупулезно и честно решать де-ла сегодняшние. Стрекалов, пожалуй, относится именно к такому типу инженеров.
— Надо быть прежде всего реа

листом,— считает Геннадий.— В технике не бывает, чтобы вдруг Геннадий.— В произошел какой-то, качественный скачок. Это только в научнофантастических романах можно выдвигать смелые проекты, а в реальной обстановке накопление информации идет очень постепен-но. Вот и «Союз Т» родился не из ничего. Из идей, которые были очень тщательно продуманы, проверялись по тысяче раз в различных экспериментах.

На станции космонавтам предстоит еще много работ. Например, заменить программно-временное устройство,— отказов в нем, прав-да, нет, но гарантийный срок кончился. Надо выяснить, нет ли где эрозии на металлических конструкциях. И провести несколько научных исследований и экспери-ментов. И здесь нужны рабочие руки Геннадия Стрекалова, его основательный характер, его сметка.

Три человека, три разных ха-рактера. Все, что было у каждого на Земле, взято в космос. И вот там их разноликость, все то, что имело право существовать на Земле порознь, должно стать одним тем, что называют экппажем. Космическим экипажем

ПРИМЕР МОСКВЫ

Обложку сегодняшнего номера «Огонька» украсил снимок Москвы, сделанный за не-сколько дней до выхода журнала в свет. Красная площадь. Мавзолей. Спасская башня. Кремлевская стена.

Сколько бы раз ни видел эти места, они неизменно трогают сердце.

Удачлив, умен и расчетлив был тот далекий наш предок, который первым «со други своя» пробрался сквозь непроходимые чащобы к глухому троеречью — Москвы, Яузы и Неглинки. Так и представляется, как стоял он меж могучих сосен на тогда еще безымянном Бо-ровицком холме. Огляделся, увидел в просвете между медно-красными духмяными стволами сосен речную опояску холма. Сметливый, он оценил все выгоды этого щедрого дара природы: многоводье защитит град, кодара природы: многоводье защили гред, ко-ему быть, от набегов воинственных соседей, а леса окрест помогут поскорее поставить до-ма. И застучали тяжелые топоры в жилиястых руках наших пращуров, которые одинаково

мели ладить дома и держать меч. В нашей стране много чудесных городов.

У каждого из них своя история, своя слав свои памятники и достопримечательности. Но Москва занимает особое место в сердцах советских людей, где бы они ни жили. Москва является для нас всех чем-то очень личным сокровенным. Не, только коренные москвичи нежно и горячо любят свой город, гордятся Москва объединяет сердца всех народов нашей многонациональной Родины, вызывает гордость всенародную.

Вот почему все мы с такой радостью встретили недавний успех трудовых коллективов столицы, досрочно выполнивших задания десятой пятилетки, и теплое приветствие Леонида Ильича Брежнева москвичам по случаю этой большой победы.

Товарищ Л. И. Брежнев отметил в письме, что москвичи, как и прежде, идут в авангарде социалистического соревнования за выполнение пятилетнего плана, являются инициаторами многих ценных патриотических начинаний, направленных на изыскание и использование внутренних резервов производства, повышение эффективности и качества работы.

Добрые почины новаторов столичных заво-дов и фабрик «Пятилетке эффективности и качества — рабочую гарантию», «Рабочей инициативе — инженерную поддержку», широкое внедрение встречных планов нашли всеобщую поддержку на предприятиях и стройках огромного города, были подхвачены по всей стране. Пример Москвы дал добрые плоды. Вслед за столицей свою трудовую пятилетку завершиколлективы промышленных предприятий Белоруссии, Грузии, земледельцы Молдавии и Киргизии. С каждым днем эта славная когорта победителей полнится.

москвичи пошли дальше. До конца года сверх пятилетнего плана они выпустят 26 тысяч автомобилей, 450 станков с числовым программным управлением, более ста тысяч электродвигателей, свыше 120 тысяч телевизоров и много другой продукции. Десятки тысяч передовиков производства столицы поддержали новый почин: выполнить свои личные задания двух первых месяцев одиннадцатой пятилетки к 23 февраля — дию открытия ХХУІ

пятиления в 23 факурам — Може Оправила под 100 года.
Пример Москвы... Еще 6 марта 1920 года, выступая на заседании Московского Совета, Владимир Ильич Лении, говоря о строительстве и реконструкции столицы первого пролетарского государства, произнес призывные, про-зорливые слова: «Мы должны провести это, чтобы стать примером для всей страны... Мы должны дать этот пример здесь, в Москве, пример, какие Москва уже не раз давала».

Часы истории отсчитывают последние недели 1980 года, нашей десятой пятилетки. Ди-намично и масштабно развивалась столица за эти пять лет во всем многообразии своей ки-пучей жизни. Чище стало небо Москвы, Нет дымных шлейфов над трубами ее заводов и фабрик: на сотнях предприятий за пятилетку поставлены надежные пылезолоулавливатели. К тому же за городскую черту выведены десятки производств, загрязняющих воз-дух или создающих чрезмерный шум. Мощнее стали «зеленые легкие» столицы — выросли ее лесопарки, бульвары и скверы,

А как не сказать о невиданном по размаху жилищном строительстве в главном городе Союза — ведь здесь сдается ежегодно около ста тысяч квартир!

За пятилетку Москва — одна из самых водообеспеченных столиц в мире — стала еще мно-говоднее: свежие ключевые воды Вазузы верхнего притока Волги пополнили голубые чаши ее водохранилищ.

...Еще прекраснее станет наша столица в одиннадцатой пятилетке. В опубликованном на днях проекте «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» предусмотрены дальнейший рост ее промышленности, комплексное развитие всего городского хозяйства.

Советские люди верят и знают, что коммунисты, все трудящиеся Москвы и в новой пятилетке будут идти в авангарде социалистиче-ского соревнования, достойно встретят XXVI съезд КПСС, явят новый пример борьбы за претворение в жизнь планов нашей партии по дальнейшему подъему благосостояния народа, строительству коммунизма.

А. ПАНЧЕНКО

поэтический гений россии

«Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».писал Александр Блок, Твердо и безоговорочно он принял Октябрь и действенно включился в строительство социалистической культуры. Один из первых певцов революции, великий поэт и граждании, Александр Блок занимает почетное место в отечественной и мировой литературе.

В поллинный праздник многонациональной советской культуры вылились юбилейные торжества, посвященные столетию со дня рождения Блока. На тор-жественном вечере, состоявшемся в Большом театре Союза ССР, присутствовали товарищи В. В. Гришин, А. П. Ки-риленко, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зи-

В президнуме — члены Всесоюзного

юбилейного комитета, деятели науки и культуры, представители общественно-

Великий лирический поэт, безоговорочно ставший на сторону ленинского государства в самую трудную пору его становления, - таким остается Блок в сознании людей. Его поэзия — бесценное достояние всего многонационального советского народа. Об этом говорили на

вечере посланцы братских литератур. В тот же день в Москве, в Государственном литературном музее, была торжественно открыта большая юбилей-ная выставка, посвященная Блоку. Уникальные материалы, представления ней, рассказывают о жизни и творче-

ском пути поэта.

Исполком Моссовета принял решение отметить памятной доской дом № 6 по улице Алексея Толстого, где в 1904 году жил А. Блок.

На юбилейном вечере в Большом театре Союза ССР.

Фото А. Гостева

Блоковская выставка в залах Государственного литературного музея Фото Э. Эттингера

29 ноября мировая общественность широко отметила Международный день солидарности с борь-бой арабского народа Палестины. Большой резонанс в мире получи-Большой резонанс в мире получи-по послание Генерального секре-таря ЦК КПСС, Председателя Пре-зиднума Верховного Совета СССР. Л. И. Брежнева председателю Ис-полкома Организации освобожде-ния Палестным Ясиру Арафату. В своем послании Л. И. Брежнев пожелал дружественному палестинскому народу и его политическо-му авангарду — Организации ос-вобождения Палестины дальней-ших успехов в борьбе за справед-ливый и прочный мир на Ближнем Востоке, за обретение национальнезависимости и создание собственного государства.

Недавно в редакции журнала «Огонек» побывала делегация руководства Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов (ВСППЖ). В состав делегации входили видные палестинские писатели, журналисты, общественно-политические деятели: заместитель Генерального секретаря ВСППЖ, главный редактор бейрутской га-зеты «Ас-Сафир» Биляль Хасан, ответственный секретарь ВСППЖ, директор Центра иорданских ис следований Ганем Зурейкат, член Генерального секретариата ВСППЖ писатель Решад Абу Шавер, писательница и журналистка, сотрудница журнала «Аль-Хуррия» Лиана Бадр.

Глава делегации, Генеральный секретарь ВСППЖ, известный палестинский прозаик, член Ревосекретарь люционного совета организации «Фатх» Яхья Яхлаф ответил на ряд вопросов, заданных сотрудниками редакции журнала «Огонек». Предлагаем нашим читателям за-пись этой беседы,

Охарактеризуйте, помалуйста, роль Всеобщего союза палестин-ских писателей и журналистов в Организации освобождения Палес-

— Всеобщий союз палестин-ских писателей и журналистов одна из народных основ Организации освобождения Палестины. Его Генеральный секретариат, который был избран в апреле этого года в новом составе на III съезде пале стинских писателей в Бейруте,это сплоченный отряд, который представляет надежды и чаяния Организации освобождения Палестины, всего палестинского народа. Он объединяет в своих рядах работников литературы, культуры и печати. Наш Союз — это объединение всех прогрессивных творческих сил нашего народа на оккупированных территориях и вне их. Кроме той огромной культур-ной роли, которую он играет в нашем общем деле, он активно участвует и в политической жизни. Союз представлен в Палестинском национальном совете, котоявляется высшим законным руководящим органом нашего народа. Всеобщий союз также является членом многих международных литературных и журналист-ских объединений и организаций, — Между павестинской и совет-ской литературой существует дав-ния и прочнай сель». Расскаючи-нем — Палестинская национальная

культура — это древняя и в то же время современная культура. Наш народ всегда оставался носителем ее традиций. Еще в прошлые века ло хорошо развито языкозна-е, что представляло в то время большую редкость для арабских «СЧИТАЕМ СЕБЯ СОЛДАТАМИ»

Члены делегации руководства Всеобщего союза палестинских писателей и журналистов во время беседы в редакции журнала «Огонек». Фото А. Козьмина

народов. Это дало возможность представителям творческих сил нашего народа ознакомиться с сокровищницами и достижениями мировой культуры. Возможно, не все знают, что в период, предше-ствовавший первой мировой вой-не, русский язык был наиболее распространенным языком в Палестине. В конце XIX века было основано Российское Палестинское общество. Тогда в нашей стране стали появляться переводы рома-нов русских писателей. В 1908 году нас были изданы произведения Пушкина. Одним из первых переводчиков русской литературы арабский язык был палести язык был палестинец Сидки. Он был также исследователем, литературоведом. Его перу принадлежат известные в палеследования о произведениях Пушкина. Кроме того, Сидки сам был новеллистом, прозаиком: на его прозу оказали большое влияние произведения великого русского писателя Максима Горького. Не могу не упомянуть еще одного палестинского писателя — Махмуда Сейфеддина аль-Ирани. Он прожил долгую и яркую творческую жизнь. Нам было очень приятно узнать, что один из его рассказов включен в изданный у вас сборник палестинской новеллы.

Нельзя не упомянуть также имен двух исследователей, двух мыслителей — Пантелеймона Жузе и Кульсум Оде-Васильеву, палестинцев, проживших много лет в вашей стране и оказавших большое влияние на развитие искус-ствоведческой науки. Наш Всеоб-щий союз палестинских писателей и журналистов займется в скором времени сбором и изданием их работ на арабском языке. Мы говорим о палестинской культуре и, вспоминая имена, делаем маленькие остановки на станциях нашего большого пути. Говоря о нашей культуре, мы не можем не упомянуть двух поэтовноваторов, новаторов не только палестинской, но и всей арабской поэзии, таких, как Ибрагим Тукан и недавно ушедший из жизни Абдель-Керим аль-Карми (по поэтическому прозвищу Абу Сальгом их ученика Абдеррахима Мах-

гом их ученика модеррахима мах-муда.
— Что видится наиболее важ-ным для палестинских писателей в наши дни?
— В 1948 году враг захватил часть нашей родной земли. Пале-стинский народ превратился в бе-женцев. Часть палестинцев жила в таких районах, как западный берег реки Иордан и сектор Газы. Вскоре была оккупирована и эта территория. Не осталось на географической карте мира такого названия страны — Палестина! Положение, в котором оказался наш народ, естественно, негативно отразилось на его культуре и лите ратуре. Но лишь до середины шестидесятых годов. Это было освободительной борьбы и национального самосознания палестинцев. Революционный подъем способствовал становлению выдающегося палестинского писателя Гассана Канафади, такого крупно-го поэта, как Кемаль Насер. Впоследствии оба они погибли от рук сионистских агентов, врагов нашего народа. В это же время мы наблюдаем взлет творчества такого автора, как поэтессы Фадва Тукан. И все эти годы столпом неумирающей палестинской литературы яв-лялся живший в это время в Сирии уже упомянутый нами выда щийся палестинский поэт Сальма.

Литература и искусство современных палестинцев — это культурное лицо народа и его революции. Многие представители палестинской литературы были удостоены международной премии «Лотос», которой награждаются писатели стран Азии и Африки. Это погибшие герои Гассан фади и Кемаль Насер, поэт Абу Сальма, поэт Моин Бсису и другие. Все эти высокие награды свидетельствуют о той большой роли, которую играет палестинская культура в развитии общеарабской мировой литературы и культу-

Основание нашего Всеобщего союза палестинских писателей журналистов было вызвано желанием создать целостный, полнокровный образ палестинского. борцареволюционера, представителя передовой палестинской культуры. Это было сделано для того, чтобы полно, многогранно отразить развитие палестинской культуры в настоящее время. Палестинская литература — это литература национально-освободительного движения. И, таким образом, это проправлена против империализма, реакции и сионизма. Наши писатели на оккупированной территории и вне ее борются под знаменем Организации освобождения Палестины, единственного законного представителя палестинского народа. И считают себя солдатами, борющимися под знаменем револю-

Сцена из спектакля «Полк идет».

Фото М. Лаябенко.

УСПЕХ ШОЛОХОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

В ростовень-Дону состоятся большой теетнами ф. сичиваль по произведениям М. А. Сичиваль по произведениям М. А. Шолохо-ва, дважды Герол Социалистиче-ского Труда, двуреат Мениской, премий. В пременной премий. Фестнааль за шеле двурениям премий фестнааль за шеле двурения премий повазами спектаким по замеча-тельным шолоховстим произведа-тельным шолоховстим произведа-тельным шолоховстим произведа-ских успехов. Шолохов» таком ные эригель (Недаю за и тору-ских успехов. Шолохов» таком премий респий премий премий премий респий премий премий премий респий премий премий респий премий премий премий респий премий премий респий премий пр

елеи. С успехом прошел и «Нахале-ок» Ростовского ТЮЗа по пьесе . Агафонова. Спектакль, кстати казать, был поназан в трехсотый

Очень талантливо осуществлен полоховский спектакль «Полн

идет» Курским областным драматическим театром имений А. С. уш-ману обли срамались за Родину», поставленная заслуженным деяте-лем искусств УССР В. Бортко. Ус-терскому ансамблю, всем, кто был занят в спектакие. Петра Лопахи-ная велиноленно сыграл заслужен-ный артист РСФСР В. Шитова-

ный артист РСФСР В. Шитова«Подмугой целниой» выступими гости из Навъника — артисты
ми гости из на применента и предостава — артисты
ми гости и гости и гости и гости
ми гости и гости и гости
ми гости и гости и гости
ми гости
м

М. Шолохова каписал композитор

Птичини,
Припоминается: могота телавный
рожимсер Ростовского телтра и

композитор

все участники шолоховского праздника встречались с трудяпраздника встречались с трудящимися промышленных предприятин города, Актеры отправили Мыму с помеланием доброго здоховы и новых творческих успеховы и новых творческих успе-

хоя. На большом заключительном концерто присутствовали член центрального Комитета КПСС, пер-вый секретарь Ростовского обко-ма партии И. А. Бондаренко и за-меститель председателя Ростов-ского облиснолисма П. и. Маева.

Михаил АНДРИАСОВ

2 ДЕКАБРЯ — ПЯТЬ ЛЕТ СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ЛАОССКОЙ НАРОДНО - ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ

GTPA

A. WAKOB. соб. корр. АПН Специально для «Огонька»

БАБУШКА ВА

Деревня будто заснула и оживится лишь ближе к вечеру, ког-да удлинятся на земле тени и легпрохладой повеет с гор. А сейчас жара, звенящая, плотная. Семидесятилетняя Ва прикорнула серой тени тутового дерева. Чуть подрагивают прикрытые веки, словно тонкой паутиной опу-TANULIO CHUORATLINU WURVANU YV. дые, натруженные руки спокойно сложены на коленях. Лучи полуденного солнца пробивают зеленую листву. Солнечный дождь ярким горохом усеял темную юбку старой Ва, желтые шелковичные коконы сложены у ее ног в большую плетеную корзину. Ря-дом нехитрый деревянный станок, где шелковые волокна, соединенные умелыми руками Ва, превращаются в ровную гладкую нить, Пять-шесть больших мотков пряжи уже аккуратно сложены на расстеленном на земле зубчатом пальмовом листе.

С бабушкой Ва меня познан мил ее сын, почтальон Пхон. Недалеко от деревни, километрах в 60 от Вьентьяна, наша машина застряла на глинистой дороге, рас-кисшей после дождя. Пока ее сын созывал нам на помощь односель-чан, я присел рядом с бабушкой Ва, и она вспоминала...

Малышкой Ва звали ее в детст- ве. Первое воспоминание — пря-моугольные чеки рисовых полей, отец, мать, старшие братья в длинных запыленных рубахах, придлинных запыленных русахох, при-липающих к мокрым спинам, и она, малышка Ва, впервые в жизни преодолевшая дорогу от дома до поля. В руках желтые плетеные корзиночки с плотно утрамбованным клейким рисом. Действиего таким вкусным, или это только казалось в те несытые годы?

Однажды, глядя на яркий зеленый ковер молодого риса — знатный будет урожай!- Ва спросила у отца: «Ведь это мы растим его, куда же пропадает наш рисі» Отец ласково прикоснулся к черным коротким волосам девочки и промолчал.

По нескольку раз в год приезжали к их ветхому домику неболь-шие грузовики. Из них выходили какие-то люди и забирали мешки с рисом. Это были черные для семьи дни. На глазах старела мать. Дети ходили присмиревшие, боягромкое слово. лись сказать громкое слово. Мрачнел отец, по нескольку дней пропадал у приятелей. Пили крепкий деревенский самогон, подолгу разговаривали, спорили, размахивали руками. А толку-то что? Как заведено издревле, так и шло. Отец крепкий был, работать любил. Худо-бедно, до следующе-го урожая держались. Потом отца убили на войне. Много войн было на лаосской земле, всех не упомнит старая Ва.

Она медленно поднимает руку и лениво отгоняет назойливую муху, жужжащую возле самой головы. Солнце ярко высвечивает деревенскую площадь. Воздух дрожит от жеры. А в тени хорошо, и плавно бежит рассказ.

В восемнадцать лет от парней отбою не было. А выбрала самого тихого в деревне. Зато на кхе-He I не играл—все соседи собира-лись слушать. Ласковый, рабо-тящий. Хорошие это были годы, хоть жили бедно. Но рано умер муж, подкосила малярия. Только одного сына и успела Ва подарить ему. Пхон теперь взрослый. Уважают его в округе: сколько радости доставляет он людям, когда привозит в своей потертой брезентовой сумке, крепко привязанной к багажнику велосипеда, вести от родных и друзей, свежие газеты, последние городские но-BOCTH

Сегодня сын заберет мотки шелковой нити, изготовленные матерью за неделю, и наутро отвезет их на текстильную фабрику. Да, кончились времена перекупщиков, еще недавно бессовестно обкрадывавших крестьянские семьи. Теперь никто не мо-жет обмануть старую Ва. Деньги на фабрике платят хорошие. помогают одеждой, продуктами. Сын уговаривает бросить работу — отдохнуть, мол, пора, Государство, говорит он, поможет, теперь старикам почет, о них особая забота. А Ва не может без работы.

Сын рассказывает про революцию, про новые отношения мех ду людьми, про будущую прекрасную жизнь. Словно сказку слушает Ва его рассказы. И нетнет, да защемит сердце. Вот бы прожить еще лет десять, посмотреть каким это псе булет! Ла и сегодня уже сколько перемен в деревне. Открыли медицинский пункт, аптеку, магазин — торгует городскими товарами. Люди другими стали: уверенней, веселей, грамотней. Вот и внучка в школу ходит. Другое у нее детство, чем у старой Ва. Книжки бойко читает и письмо поможет старому человеку написать. «Скоро,— гово-рит,— бабушка, ни одного неграмотного в нашей стране не будет. Совсем другим станет Лаос, Нам учительница говорила, а она всеace sugerly

Легкий ветерок шевелит тонкие листья деревьев, мягко касается лица старой Ва. Длиннее становятся тени. В соседних домах слышатся голоса, резко скрипят ступени. Деревня просыпается.

мой друг даопинг

Традиционная встреча выпуск-ников учебных заведений СССР в Советском культурном центре во Вьентьяне. Громкий гул голосов. Бывшие студенты вспоминают го-

Кхен — национальный духовой инструмент.

ницы новой жизни

ды учебы в Москве, Ленинграде, Киеве, делятся планами на буду-щее. Я медленно перехожу от од-ной группы к другой. У меня здесь много друзей, и все хотят услышать, чем живет сегодня Советская страна, что волнует и радует ее народ, ставший родным сердцу каждого из собравшихся здесь сегодня. И мне всегда интересны подобные встречи.

Метеоролог Даопинг Панкхасит метеоролог даопинг Панкхасит невысок и круглолиц, Черные гла-за с небольшим пришуром, У него две очаровательные дочурки четырехлетняя Алин и трехлетняя Ала. Сейчас он заведует технической частью метеослужбы Министерства сельского хозяйства, лес и водных ресурсов ЛНДР. Учился в гидрометеорологиче-ском техникуме в Туапсе, вернулся во Вьентьян в середине 1975 года, всего за несколько месяцев до победы национальнодемократической революции.

— Учиться мне всегда и хотелось и нравилось, — рассказывает Даопинг. - Но ты же знаешь, каким был уровень преподавания в CTADOM Лаосе. Единственный путь — учебные заведения за границей. Чтобы попасть туда, и протекцию нужно было иметь и взатку дать некоторым чиновникам. А нто мог я? У матери еще шестеро. отец умер, когда мне едва исполнилось пятнадцать лет. Был небольшой клочок земли на горолской окраине, он и кормил нашу семью. Мне удалось поступить во семью. мне удалось поступить во вьентьянский электротехнический коллеж. Преподавали тут в ос-новном иностранцы: французы, американцы, англичане. Не оченьто их интересовали наши успехи в учебе. Считали, что занимаются благотворительностью для «недоумков», так они нас называли. Однажды ученика из нашей группы преподаватель схватил за волосы — и лицом по классной доске: неправильно, мол, формулу написал, вот и стирай собственной головой! А парень три ночи не спал. дежурил у кровати тяжело боль-ной сестры. Организовали мы в коллеже забастовку, и я попал в «черные списки». Никакой надежды на продолжение учебы не осталось. Но мне повезло: с помощью друзей удалось вылететь на учебу в Советский Союз. Уже позднее я узнал, что многие из них входили в тогдашнее городское революционное

Он учился сначала в Кневе, затем в Туапсе. Даопинг часто вспокурсников, помогавших изучать трудный и прекрасный русский язык, многочисленные митинги в поддержку справедливой борьбы лаосского народа за национальную независимость, отдых в туристском лагере на берегу Черного моря, экскурсию в Ленинград, последний выпускной бал и щемящее чувство расставания со всем тем, с чем сжился за пять

— Когда и вернулся, Вьентьян был совсем другим,— продолжает Даопинг,— Все уверенней дейст-

На субботнике.

вовали патриотические силы. Приближение революции чувствовалось во всем.

Он хорошо помнит 2 декабря 1975 года, когда Национальный конгресс народных представителей упразднил монархию и провозгласил создание Лаосской Народно-Демократической Республики. Звучали песни и радостный смех, гремели длинные барабарод, вся страна. А когда закончился праздник, наступили будни тяжелого, самоотверженного тру-

Начинать приходилось на пу-стом месте. Немногие имеющие-ся предприятия были разграблены или стояли из-за отсутствия сырья. В сельском хозяйстве царазруха. Страна томилась под гнетом неграмотности и феодальных пережитков. Знания и умение немногочисленного тогда отряда молодых специалистов с первых дней были поставлены на службу республике.

Моя работа оказалась полезной людям,— с гордостью говорит Даопинг.— Она применима к любой сфере народного хозяйства. быстро отремонтировали имеющееся оборудование, организовали по всей стране сеть метеослужб, подготовили ряд рекомендаций для земледельцев. рад, что в общих успехах моей страны есть и доля моего труда. Сейчас в Лаосе работают сотни

предприятий и мастерских, уве-DENHO MART SPONECE MODIEDADORAния сельского хозяйства действуют школы, высшие и средние специальные учебные заведения. Тысячи специалистов готовятся в ву-зах Советского Союза, Вьетнама, других социалистических стран. Растет авторитет республики на международной арене. В нынешнем году страна завершает трехлетний план развития народного хозяйства и приступает к осущесткосмотва и приступаст к осущественню задач первой пятилетки. За всем этим—самоотверженный труд людей, выбравших своей дорогой социализм, и среди них - Даопинг Панкхасит, метеоролог. Он много читает, использует любую возможность для совершенствования в своей профессии Лао-— активный член организации Народно-революционной молодежи Лаоса, непременный учачинаний. Дважды в неделю Лаопинг ведет кружок по изучению русского языка, рассказывает и о Советской стране, годах своей учебы в СССР. На прощание он попросил меня: «Получишь новые книги о Советском Союзе—позвони». «Обязательно»,— ответил я.

FOURTHINE MACH

Солнце и тень, падающая с крыш, резкой чертой разграничи-ли узкий тротуар. По нему, при-WARRINGL V CTOWAY TOHOR - 3 BOCK прохладнее, — движется шумная детская ватага. В руках — портфели, сумки или просто свертки с учебниками и тетрадями. Окончены занятия, ребята торопятся домой. Мелькнуло знакомое лицо. Маленький Тадам сразу же узнал MENS. YOTS MAI HE BUDERNICH VICE больше года.

Год назад я побывал в одном из детских садов Вьентьяна, там и познакомился с маленьким Тхао Тадамом. Он родился спустя четыре месяца после и после исторического де-

Мололая воспитательника Куанмуан рассказывала о мероприятиях новой власти, направленных на улучшение жизни детей, о профилактике детских заболеваний, развитии сети дошкольных учрежде-Мало осталось в сегодняшнем Лаосе уголков, где не действовали бы ясли, детсады, меди-цинские пункты. Каждая семья, в зависимости от того, сколько в ней детей, получает от государства определенные льготы. Создатовке воспитательниц детских са-

 Что, черноглазенький¹, не по-лучается?— прервав свой рассказ, ласково спросила Кхаммуан.

— Да, тетя воспитательница,ответил малыш склонившийся над небольшим деревянным сооруже-

«Тадам» в переводе с лаосско-

Студенты польтехнического тех-HHKYMB. Фото Н. Ивановой

нием на полу комнаты.- не знаю. что и делать с Большими часами

Я присмотрелся виниательнее Из деревянных кубиков Талам сооружал Московский Кремль, сверяясь с лежащей рядом картинкой. Высокую башню венчала вырезанная из картона красная пятиконечная звезда. Не хватало тиконечная звезда. Не хватало только курантов. Я нарисовал их на листке блокнота, и через мину-ту они уже были укреплены ку-ском клейкой ленты на надлежа-HIEM MECTE.

— В Кремле работал дедушка Ленин, - неожиданно заявил малыш.— Я обязательно побываю в Москве, вот только стану взрос-лым. Не верите?

ым. не верите: Я поверил Тадаму. И вот спустя год новая встреча. Сегодня суббота, детский сад закрыт, и Тадам астречает из школы своего брата. Брат большой, уже второй год ходит в школу. Он научил Тадама писать первые бук-вы лаосского алфавита. Школа совсем рядом с домом. Через несколько дней детский сад пойдет туда на экскурсию. «Мы ведь то-же скоро станем учениками! А недавно заболела наша собака. Глупая, хотела поймать ядовитую жабу, еле вылечили. А папа недавно летал к родным на юг и привез огромный колючий плод дуриана. Очень вкусно, не пробовали?... Сколько нового произошло за это время в жизни Тадама, и рассказать ему хочется сразу обо всем. слушаю непоследовательную болтовню малыша, и на душе у меня спокойно. И за Тадама и за всех его сверстников. Пройдут годы, и, как знать, может, мы встретимся где-нибудь в Москве?

встретимся где-ниоудь в Москве! ...В Паксе, на юге Лаоса, на са-мом высоком месте города стоит недостроенный королевский дворец. Сыростью и плесенью тянет из темных коробок, стен которых не успели коснуться придворные художники и резчики по дереву. Облетела нанесенная кое-где позолота потрескалась недоконченная лепка потолка. Дворец в Паксе должен был затмить своим размахом две другие королевские резиденции — на севере, в Луанг-прабанге, и во Вьентьяне. План этот не удалось осуществить, но и сегодня здание поражает размерами, оригинальной прими рой. А в нескольких шагах от дворца темнеют крыши свайных домиков со стенами из покоробившейся фанеры, кусков прогнивших досок, картонок с едва проступающей надписью «Пепси». Это жилища простых людей, чьи судьбы так же разнились от судеб знатной лаосской верхушки, как контрастен вид недостроенного дворца и лачуг рядом с ним.

Революция помещала завершению дворца в Паксе. Но она воснию дворца в наксе, по она вос-становит его для народа. Здесь разместится большой туристский комплекс. И, может быть, среди первых его посетителей будут внучка старой Ва, или метеоролог Даопинг, или мой маленький прия-

A J Y I M PAAOCTM

А. В. Куприн.

В записях Александра Васильевича Куприна есть такие строки: «Художник не должен быть безразличен ко всему тому, что он изображает. Одно ему нравится, к другому он равнодушен, а что-то его необычайно волиует. Пусть это последнее вдохновляет его...»

Его самого вдохновляла природа средней России, волновали пропитанные солнцем горы и долины Крыма и одновременно виды индустриальные. Он писал также многочисленные композиции из цветов, фруктов и различных предметов, находя в них полный очеровения мир новсок.

врасова чего рождаются особенности живописной речи! Отгуда их стоик, в чем керни! Менопись Куприны глубока, благородна, ботате смыслом и формами выражения. В ней стразились живородна, ботате смыслом и формами выражения. В ней стразились живородна ботате смыслом и формами выражения в ней стразились и себя ботачомы, и объясных «Человек, у которого было хорошее детство,—человек ботатый».

Он родился в уездном городе Борисоглебске Тамбовской губернии (ныне Воронежской области), тихом, зеленом, омурженном тамиже тихими зеленьми полями и перелесками. С детства полюбил деревья, цветы, разнотравье, красоту русской природы. В его сердце рано вошла музыма: мграли мать и старший брат, рано умерший галантливый пиенист. Будущий живописец увлекался Моцартом, Гайдном, Шоленом, но, пожалуй, больше всего — Чайковским, впоследствии отметив, что от его сочинений веет родным, русским, задушевным.

Может, поэтому вспоминногося «Времена года», «Зимине грезлы, когда смотришь на пейзажи художника, написанные в Крилагском, Дорогомилове, Дубровицах. Впереди еще были Песси на Оке, где художник в середине тридцатых годов сделал себе небольшую мастерскую. Здесь родились «Осенкее угро», «Март» и несколько превосходных эмминих пейзажей. Он любил позднюю сосень и лунные вечера (одни и мотивов, к которому не раз обращался), любил полевые цветы, тугую тажесть дубов и трепетность цветущего эблоневого сада.

В Рузе местер создал онду из самых проинкловенных своих работ в Рузе местер создал онду из самых проинкловенных своих работ— «Пейзаж с луной», и если бы он был его единственным полотном о России, то и тогда бы вошел в исторно отечественной живописи столько в нем истинно русского понимания мира, природы, человека, столь ясна и проинкловенны мелодия чистого чувства.

Детские годы соединили художника не только с природой и музыкой. Семья уездного учителя дала ему сильный заряд искренности, честности и огромного трудолюбия. В восемь лет, еще совсем ребенком, он мечтал стать художником. Поводом послужила подореннае ему небольшая книжечка с биографией Лоенфор да Винии. Преклонение перед великим итальянцем он сохранил в себе навсегда, призывая к этому и своих учеников.

В шестнадцать лет, вскоре после первезда семьи в Воронеж, пришлось кули служить конгорициком на железную дорогу, и только толь да апервые Александр смог купить себе масляные краски. За шесть лет работы он сумел скопить немного денег, чтобы поветать учитыся. В Петербург, а потом в Москву. Беря уроки в частных школях н студиях, Куприн, чтобы заработать но жизны, занимался канцелярской работой, переписыванием бумаг, иногда иллострированием, а когда везло — копированием в музее Александра III (теперь это Русский жузай). Помы в двадцать шесть лет он смог стать учеником московского Училища живописи, валиям и зодичества. Через четыре года после поступления в училище он выпужден уйти из него, так иск из-за разлиогласий с руководством не был долущей до конкурса на звание классного зудожника. Но и позже, войда в художественные круги, получия признания, постоянно терпен пеказетки и мешения. Был человеком тихим и нетребовательным, но твердым, последаетельным и уторгымы в своих твороческих помсках, выстрадаеных убеждениях, «Весь мой процесс работы есть не что иное, как борьбах—гокорил он. Пройдет десять лег, и отвергуный учених стану соможениях и преподавателем — сначала Вкутемаса, потом Никиегораских и Сормовских удожественных мастерских, Далее — Вхутеми, текстиличин, институт, Московское высшее художественно-промышленное училище, в которых Кторин был профессором.

В 1908 году, на выставке Московского товарищества художников первой его выставке,— он показал два натюрморта. Впоследствии первая работа, купленная у него Третьяковской галереей, тоже была натюрмортом.

Особенно интенсивно работал он в этом жанре с 1910 года, когда увпекся, как и многие кудожники того времени, французским искусством. Его манила предметная материальность Сезанна, сила цветовой выразительности Ван Гота. Но он, как Кончаловский, Лентулов, машков и другие, изучая приемы работ французов, оставался по суги и духу-инволисцем глубоко русским, национальным. Его работы с искустеньными цветами и фруктами не только красивы, эмоциональны, выразинальных работы с искустеньных они, как саеоебразный худомественный барометр, отразина нестроения времени. Наторморты 1911—1912 годов с книгами и свечой с иконой, с лампой передают беспомбичую, смутную обстановку так легу холсты же 1917—1920 годов полны звонкой радостью, пылаот пунцовыми, альми крассами.

Со ареженем художник все чаще пишет живые цветы (больше полевые), натуральные фрукты. Постепенно исчезают декоративные подносы и драпировки, полвяляются преддисты повседиваюти. Мир его натюрморгов становится естественнее, а заключенные в них чувства более тонкими и сложными.

Начиная с двадцатых и до пятидесятых годов эти работы позволяют напладно представить развитие стиля мастера: от его узлаченности сочной декоративностью, подчерннутой материальностью и орнаментальностью в таких полотнах, как «бълье цеять на черном фоне», «Наторморт с кувшином, корэнной и желтой миской», до сдержанной естестванной манеры, отражающей душенное состояние и быт художника в Песках,— «Букет с желтыми ромашками», «Настурции с глиняным кувшином и кабачком на фоне окна».

шином и касачком на фоне окная.

И в жизни и в искусстве Куприн был большим тружеником. Любил делать мольберты, тобы для красок, шкафы и полки, папки, поступ, вещественность, материальность, которую так ценил в живолиси, художник словно старался почувствовать собственными руками. Александр Васильевич сам прошел свои университеты, учился у мастра прошлого, у своих современников. Работал самозабаению, на практике постикая великую магию хивеолиси. Словно о нем и его жизни слова Проспера Мериме: «Дла того, чтобы понимать и любить форму и крас-

Проспера мериме: «для того, чтооы понимать и люоить форму в эми, нужна особая воспримичность и длительном упражнением:
После революции, не оставляя работы в жанровой живописи, он нечал педаготическую деятельность, принимал самое ажитванов участие
в монужентальной пропаганде, осуществляемой по лениискому плану,
В 1918 году Куприн создал дав больших панно — «Аскусство» и «Цесты» для праздичниого оформления фасада здания, в котором позлнее разместникс Центральный деятский театр. Эскизы, хранимые в
Третъвковской галерее, позволяют судить об их яркости, декоративности, созвучности върмени.

С начала тридизтых годов многие художники готовились к выстаже «Индустрия социализма». Мастер решил поехать в Днепропетровс. По-езд приблимался к городу ночью. Художник по дорожной привычке смотрел в окно, хота и было темно. И вдруг в ночи он будго увидел огиедышащие костры: это полыхали доменные печи завода ммени Петровского. Для него всегдв много значило первое впечатление.

А. Куприн. 1880—1960. БАХЧИСАРАЙ. ВЕЧЕР. РЕКА ЧУРУК-СУ. 1930.

Государственная Третьяковская галерея.

БЕАСАЛЬСКАЯ ДОЛИНА. 1937.

А. Жуприн. ВЕСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ. ЯБЛОНЯ. 1922.

«Поэма», как он сам говорил, из огня, дыма и пара полонила его ум и чувства, руки потянулись к краскам, в воображении стали возникать композиции. Так началась серия его индустриальных полотен. Под впечатлением Днепропетровского завода он создает несколько

Под впечатлением днепропетровского завода он создает послова-работ, позже, в Москве, пишет картину «Завод «Серп и молот», потом едет в Донбасс и посаящает картину Макеевскому заводу. Эти произве-дения приковывают внимание особой — не придуманной, а реальной дения приковывают виимание осооом — не придуманнои, а реальнои — жизненной гармонией, передающей смысл и красоту жизни рабочих заводских цехов. Он писал в 1934 году в журнале «Советское искусство»: «Пафос строительства, борьбы, героического преодоления трудностей... овладел моим сознанием».

С тех пор изменился облик заводов и цехов, но живопись художника не утратила своего волнующего воздействия. Его работы, запечатлевая свое время, смотрели в будущее, вели и продолжают вести разговор со зрителем. Поэтому неверно называть его картины о заводах или о нефтяных промыслах Баку индустриальными пейзажами

они по смыслу шире, глубже.

они по смыслу шире, глусме.
Тщательно изучал художник все заводские процессы, устройства ме-ханизмов, подолгу наблюдал за действиями рабочих, вглядывался в их лица. Они не занимают на полотнах много места, но их настроение

и мироощущение явственно чувствуются.

 Всей жизни Куприна сопутствовала музыка. Он любил играть не пиа-нино и органе, сочинял сам. Это помогало ему писать «музыку кра-сою», живопитсные образы. Он придавал большое значение ритму, считал, что без него живопись не может быть гармоничной, а значит, не может быть искусством. Ритм присутствует в кождом его холсте, явля эсь организующим началом. Мелодии, настроение его работ рождали великую пластику формы, цвета, рисунка, который он называл «живой

«Я строю свою картину на законах контрапункта», — говорил художник, имея в виду искусство соединения в единое целое различных, самих по себе достаточно сложных элементов живописного произведения.

Музыкальный настрой в творческом процессе был не только спед-ствием его влюбленности в музыку и убежденности, что живопись и музыка — искусства общие по внутренней сути. Это было важнейшей стью той эстетической задачи, которую он ставил перед собой, считая, что, не решив ее, художник не добьется подлинности.

тоя, что, не решив ее, аудиллия и дооветь подпитительного единства, секрета-он владел тайнами гармонии, композиционного единства, секрета-ми колорита и тональных переходов. Владел в совершенстве многими приемами и методами, познаваемыми на практике терпеливо и долго. но никогда не пользовался ими рационально, с заранее обдуманным намерением — ни в одном его холсте техника и заданность не пре-

восходствуют над чувством.

Будучи на склоне лет известным живописцем, заслуженным деяте-лем искусств РСФСР, членом-корреспондентом Академии художеств, он продолжал много работать. «Живопись только тогда и искусство, когда она не несет на себе следы упорного труда,— писал Куприн.— Пусть вещь будет страшно много работана, но пусть вложенная в нее энергия, преломленная самим произведением, бросает лучи легкости, радости, свободы, волнует и зажигает нашу душу огнем веселья, жизенным огнем...»

Художник постоянно возвращался в полюбившиеся места. Запечатлев сельский домик в селе Зюзино в 1918 году, он вернулся туда почти через сорок лет, чтобы написать там церковь. Мастер любил Москву, и за многие годы сложилась его не очень длинная, но с теплым чувством многие годы сложилась его не очень длинияя, но с теплым чувством написанная московская скоита: «Пейзаж с церковыю» 1918 года, «Чайная лавка» 1919 года, две акварели «Фили. Кутузовская церковы», написанные двумя годами позме, «Зима. Дом правительства»— работы 1932 года и так далее. Архитектура влекла его везде, куда бы он ни приезжал — в Нижний Новгород, Баку, Кутанси и, наконец, в Крым. Бахчисарай, Су-Нижнин Новгород, баку, кутанси и, наконец, в кувам, подчикария, су-дак, Гурзуф, Феодосия — места, где он подолгу жил и много писал. Приехав в Крым в первый раз лечиться от туберкулеза в 1907 году, он постоянно бывал там в течение почти полувека. Крымская земля стала его вечной любовью.

«Кто не видел моря, тот не видел второй половины мира», -- говорил живописец. Но сам написал море лишь один раз. Его всегда манил центральный Крым — долины рек, сады, тополя, скалы, холмы, закаты. центральным прым — мололе решением, как он сам говорил, сложно-го пластического пейзажа, соединяющего в себе эпичность, обобщен-

го пластического пейзажа, ссединяющего в себе эпичность, обобщени-мость мысли, философские раздумых и одновременно столь важиные ми-человека лирические настроения. И он создал такой пейзаж в лучших скоих картинах — «Гополя», «Дорога в Беассавы», «Окрестности Бахчиса-рая», «Пейзаж с лучой и тополямия и других. Крым был для него ченсчерпеамым. Он писля его в разные меся-цы и часы для, но больше всего влекле тонкость предвечерних и ве-черних достново, когда сумерки постепенно пригушират краски приро-ды, человек отдыхает от диваных забот и особенно слежо, остра вос-принимает халогом зажита. принимает красоту закатов, гор, долин, с удовольствием находя свое место в этом мире, в этой природе, которая дарит радость и вдохновение. Так воспринимается насыщенная нежно-сосредоточенным чувством художника «Беасальская долина».

В Бахчисарае он запечатлел множество улиц и улочек, фонтанов и двориков, скал и старых домов, закатов и тихих вечеров. Последняя его работа, 1960 года, посвященная вечернему Бахчисараю, -- это словно

ано равота, тимо года, посвященияя вечернему разчисараю,—это словно зажетный луч, прощальная умыбка дорогим сердцу местам. В письме 1953 года из Крыма есть такие строки: «...Меня алечет при-рода жак таковая, и хочется писать ее и изображать на холсте так, что-бы она была живая, дышала, сверкала». К жизненности, искренности человеческого вудства он стреммися не только в передаче состояния природы, но и во всем, что изображал, к чему обращался его взгляд. Высомая человечность творчества А. В. Куприна в сочетании с большой художественной культурой дали ему возможность сказать свое — весо-мое и полнозвучное — слово в живолинен. Исполнилось сто лет со дня рождения художника, а работы его живут, волнуют, краски горят, осеняя радостью новые поколения.

MPNHTNRNŇ SFM NAHKU

Посылаю вам письма моего бра-та, Владимира Посысоева, Родился он в 1925 году, учился в 40-й шко города Красноярска. В январе ле города Красноярска. В яквире 1943 года был призван в армию. В сентябре 43-го окончил артиллерийское училище, получил зва-ние младшего лейтенанта и был отправлен на фронт.

А. ПОСЫСОЕВ

Красноярск.

Здравствуйте, мама, брат Анато-лий и все родные и знакомые! Шлю я вам свой сердечный привет. Мама, я до фронта еще не доехал. Сегодня приехали в Харьков. Красивый город, но враг из него сделал развалины. Красивые здания подорвали. Но ничего. Все это восстановят, и город примет тот вид, который он имел раньше.

Пока до свидания. Ваш сын Владимир.

19. XII. 43. Привет с фронта! Здравствуйте, моя мамаша и брат Анатолий! Шлю я вам свой привет из далекого от вас края. Сейчас нахожусь на передовой, от фрица не более 400 метров. Бьем вражеские танки с прямой наводки. Ну, пока до свидания. Привет знакомым ребятам и девчатам. Мама, а почему мне не пишет письма Анатолий? Я о нем соскучился, а он? До

Ваш сын Владимир.

9, 1, 44,

Мама, в первых строках своего письма я хочу сообщить, что я жив и здоров, уже полтора месяца живу в боевых порядках пехоты. Стоим на прямой наводке для стрельбы по танкам. Живу в блиндаже. Днем из него не вылезешь, потому что враг недалеко, не даем обнаружить себя и орудия. Одним словом, живу пока неплохо, питаюсь хорошо, одет тоже неплохо, да и погода здесь стоит теплая, ночью подморозит, а днем хоть плавай. Днепр еще не застыл, а уже январь. Мама, Новый год я встретил не-

важно. Фашисты отошли, а мы заняли новые рубежи и Новый год встретили тем, что копали огнечим воевать, так будем встречать Новый, 1945 год хорошо! А сейчас пока вперед, на Запад, до полного изгнания гитлеровцев с

Мама, писем я от вас не получил ни одного, только предпола-гаю, что живете вы плохо, потому что зима у вас там холодная, сей час стоят большие морозы, а одежей у вас плохо. Мама, я вам вышлю денежный аттестат, все хоть будет маленькая поддержка. Письма пишите мне по адресу: Полевая почта № 57342 «В» Посысоеву Владимиру Владими-

6. 2. 44.

Привет с фронта! Здравствуйте, моя дорогая мамаша и братик Анатолий Вчера получил от вас первое письмо, за которое вас очень и очень благодарю. Как хорошо, когда получишь от вас письмецо и, сидя во фронтовой землянке, читаешь о вашей жизни там, далеко в тылу. И как-то больше воодушевляешься на борьбу с гитлеровскими мерзавцами. Мама. сейчас дела у нас идут хорошо, фашист окружен, отступать ему некуда, мы его жжем все сильнее и сильнее. Мама, я еще жив и здо-ров, пока цел и невредим, не знаю, что будет дальше. У нас обстановка с каждым днем и часом меняется. Сейчас жив и здоров, а через пять минут, может, какая выная пуля и зацепит.

Пока до свидания, Ваш сын

Владимир.

12. 2. 44.

12. 2. 44. Мама, нам сейчас дали отдох-нуть два дня, а то все время на передовой. Сейчас мы хоть помылись в бане, сменили белье и ста-ли походить на людей. Да, поедем добивать фашистов, чтобы законить с ними и жить спокойно, мирным трудом заниматься.

Мама, напишите о вашем здоровье, а то я очень волнуюсь, вы мне не написали о себе ничего. вышлите мне свою и Анатолия фотографию, а то у меня ваша фотография очень старенькая и

замаралась. Анатолий! Опиши мне, как ты учишься, как слушаешь маму. Тобятах кто остался.

Ну, пока до свидания. Передавайте привет всем родным и комым. Остаюсь жив-здоров, Ваш сын Владимир.

15. 6. 44.

Здравствуйте, незнакомая мама моего друга! С боевым приветом незнакомый, но близкий друг Володьки Леонид Р. Сообщаю, что я вашу открытку получил, кото-рую вы писали 1. VI. 44 г. Вы спрашиваете, где и какого числа его убило. 27 февраля в 12 часов дня у нас был большой бой. Это вблизи города Никополя. Упал снаряд в двух метрах от него, и попал осколок в затылок, его сначала повезли в санчасть, не довезли пять километров. Он скончал-ся. Похоронили его. Напишу адрес: Днепропетровская обл., Апокустах.

С ним подружился я в Красноярске, когда учились в училище. Росляков Леонид Г.

Cinuxu of Ungun

Стихи этой подборки взяты нами из выходящей в «Библиотеке

«Отонено конти е въздъты нами из въхгодящем в «въютнотеле» «Отонено конти е въздуме» со б Индино». възние узы, дружбы с вязъявают наши велиное народы. Отсюда и менреходящий интерес русских и советсних поэтов к истории и кулъ-туре нашего южного соседа. В конте представлены стих въслияз Кут-ковского и Алексъв Толстого, Афанасия Фета и Семена Надсона, Валерия Брюсова и Николая Рериха и многих других.

Публикуемая подборка является лишь небольшой частью стихов,

представленных в коиге. В них звучат разные мотивы, но все они объединены любовью к Индин, к ее народу, к ее великой культуре.

Николай ТИХОНОВ

CAMH

Мариэтте Шагинян

4

Хороший Сагиб у Сами и умный. Только больно дерется стеком. Хороший Сагиб у Сами и умный, Только Сами не считает

Смотрит он на него одним

глазом, Никогда не скажет: спасибо. Сами греет для бритья ему

И седлает пони для Сагиба, На пылинку ошибется Сами,-Сагиб всеведущ, как Вишну, Бьет по пяткам тогда

тростниками Очень больно и очень слышно. Но отец у Сами недаром В Беджапуре был скороходом Ноги мальчика бегут по базарам Все уверенней год от году.

Этот год был очень недобрым: Круглоухого мышастого пони /кусила черная кобра, 1 злой дух кричал в телефоне Раз проснулся Сагиб с рассветом, Захотел он читать газету, Гонг надменно сказал об этом. Только Сами с газетою нету. И пришлось для бритья

PMV TASHK Поручить разогреть другому. И — чего не случалось ни разу — Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами, Как отбитый от стада козленок. С исцарапанными ногами, Весь в лохмотьях, от голода тонок

Синяка круглолобая глыба Сияла, как на золоте проба. Один глаз он видел Сагиба. А теперь он увидел оба. «Где ты был, павнан бесхвостый?» -Сагиб раскачался в качалке. Отвечал ему Сами просто: «Я боялся зубов твоей палки хотел уйти к властелину, Что браминов и раджей выше,— Без дорог заблудился в долинах, Как котенок слепой на крыше». «Ты рожден, чтобы быть

послушным: Греть мне воду, вставая рано, Бегать с почтой, следить за конюшней.

Я властитель твой, обезьяна!»

«Тот, далекий, живет за снегами, Что к небу ведут, как ступени, В городе с большими домами, И зовут его люди — Ленни *. Он дает голодным корочку

Даже волка может сделать

человеком Он большой Сагиб перед небом И совсем не дерется стеком. Сами — из магратского рода, Но свой род для него уронит: Для бритья будет греть ему воду, Бегать с почтой, чистить

и за службу даст ему Ленни Столько мудрых советов и рупий, Как никто не давал

во вселенной,-Сами всех сагибов погубит».

5

«Где спыхал ты все это.

несчастный?» — Усмехнулся Сами лукаво: «Там, где белым бывать опасно, В глубине амритсарских лавок. У купцов весь мир на ладони: Они знают все мысли судра, И почем в Рохилькэнде кони, И какой этот Ленни мудрый». «Уходи», — сказал англичанин. И Сами ушел с победой. А Сагиб заперся в своей спальне И не вышел даже к обеду.

Так индийцы произносят имя
 «Лении».

А Сами стоял на коленях, Маленький, тихий и строгий. И молился далекому Ленни, Непонятному, как йоги, Чтоб услышал его малые

просьбы В своем городе, до которого

Долететь не всегда удалось бы, Даже птице быстрей зарницы; И она 6 от дождей размокла, Слон бежал бы и сдох от бега, И разбилась бы в бурях,

как стекла. Огненная сагибов телега.

Так далеко был этот Ленни, услышал тотчас же Сами, мальчик стоял на коленях С мокрыми большими глазами, А вскочил легко и проворно, Точно маслом намазали бедра. Вечер пролил на стан его черный Благовоний полные ведра. Будто снова он родился

в Амритсаре — И на этот раз человеком,-Никогда его больше не ударит Злой Сагиб своим жестким стеком.

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

нидия

И вот я люблю тебя, Индия, Сама удивляюсь тому. Встречаю я, словно открытие, Очей твоих странную тьму,

E. K.

Твой облик, простой и трагический, В скрещенье эпох и миров, Взрыв песни под кровлею

И танца лукавую бровь.

С кофейной похлебкой несладкой, С богами и стонами рикш

Ты, край азиатский, загадкой Еще предо мною стоншь Но Азия — нет, не разделена, А слита единой борьбой, И разве я гением Ленина Не связана кровно с тобой?! И разве Россия и Индия Не рядом живут с давних пор?! И разве друг друга не видели Народы за высями гор?! Полюбишь — и трогают заживо Горячие дали дорог, Деревьев багряное зарево. В деревне обшарпанный бог, Глядящая нашими звездами Чужая небесная ширь, Проказой и оспой исхлестанный, На митингах валыбленный мир. ...Люблю у друзей часпитие, Люблю, как молчат старики, И верю в судьбу твою, Индия. Всем бедам твоим вопреки!

Лев ОШАНИН

РАЗДУМЬЕ ОБ ИНДИИ

Тебя читал я, думал о тебе. Ты возникала из приморской

Вся не такая, вся в иной судьбе, Вся непохожа на мою Россию. История назад несется вскачь. Твонх слонов, монх коней топтанье,

Твоих «неприкасаемых» стенанья. Монх юродивых гортанный плач... Твой Тадж Махал, где зримо божество

И храмы, что, бывало, Русь крестили,

И ясноглядность края твоего-Как ты похожа на мою Россию... Глубокие морщины стариков, Преданья, что страну исколесили, Смещение десятков языков — Как ты похожа на мою Россию! Здесь только что земля была

пуста, И нищета свои являла раны, Но, все сметая, стройка начата,

Как в праздник красок, желто и багряно! Лишь ветер здесь кружил песчаный прах -

Людские руки землю воскресили. О, Индия в строительных лесах, Как ты похожа на мою Россию. И век не тот, и вся земля не та. Любя не то, не то припоминая, Не узнана еще, не понята, Ты не Россия, ты совсем иная, Я знаю это. И еще милей Твое свеченье в самобытной

...Я слышу в небе крики журавлей,—

УЙГУН

HOPTPET

Рабиндранату Тагору

Резьба морщин, волнистые седины —

Как будто гордо высится гора. Да, он вершина. И с его вершины Вся жизнь видна, бурлива и пестра

Он смотрит мудро, строго На свет и зло, на правду и позор. Еще одной громадой больше В семье могучих Гималайских

АЛИМ КЕШОКОВ

СИНЛУР

Не надо мне дома, и поля, и сада,— Без мужа мне жизии не надо, не надо! Из Махабхараты

Кидавшийся весело в пляс. Огонь погребальный угас, И мужа душа улетела, пепел достался костру. И холод вошел в мое тело, И завтра по воле удела Синдур меж бровей я сотру.

Как мака отцвел лепесток Замужества черный кружок. И брат на запястие вдовий Браслет мне надел не к добру. Печальнее всех послесловий Огонь погребальных становий, Синдур меж бровей я сотру.

Женою пробывшая год. Я только пригубила мед. Шелк красный купив на базаре, Сошью, как заря поутру, Подобное огнищу сари. С душою простясь в его жаре, Синдур меж бровей я сотру-

Мой свадебный белый наряд Отныне стать облаком рад. А мне обернуться б звездою, Что льнула к ночному шатру, И вспыхнуть над черной водою. Оставшись вдовой молодою, Синдур меж бровей я сотру.

Валентин СОРОКИН

ПРЕКЛОНЕНИЕ

Памяти Джавахарлала Неру

Земля, трава, цветы, Вдали вода. И лебеди и синева Такая -Колышется, упругая, Без края И плещет величаво Сквозь года!

Здесь прах вождя. Он Индию любил, И присягал Великому народу, И понимал народ, Как ту природу, Ни стужей, Ни грозою не губил.

Он о России Вещие слова Оставил миру. ... Мы пришли склониться: Мы чтим добро! Поет гортанно птица. Разноплеменная листва...

Не бронзою встает он. А душой. Повитый легким тренним туманом, И с родиной, Зеленой и большой, Сливается, как берег

ваний история, нак слагались первые стихи, нак вдруг учителю словые стихи, нак вдруг учителю слоды Евгению Михайловику, Хитому
открымся поэтический дар мальчика за Констатичнова. Трудные перпоэта в Москве и Петрограде,
трудные, но полыве достоинства,
трудные, по поэти всего поэти
слак бы освобождеят нас от слокак бы освобождеят нас от слокак бы освобождеят нас от слокак бы освобождеят нас от сложившихся представлений, и сомаленных и деломное распростразоком подростие, решившем ипотати, счастве в столицях. И зридомное порток по пояти, которого
болы появя продняя посил.
бота в пояти по пояти, которого
болы появя трудные посил.
бота по пояти, которого
болы появя трудные пояти, которого
болы появя трудным сумапольчения по пояти, которого
болы появя трудные по пояти, которого
болы появя трудные, по пояти, которого
болы появя трудные, по пояти, которого
болы появя по пояти, которого
болы появя пояти, которого
боль пояти пояти пояти пояти
боль пояти пояти
боль пояти пояти
боль пояти пояти пояти
боль пояти
боль пояти пояти

ПРЕМЬЕРА РАДИОКНИГИ

Рассиазать о мизни любого из велиних руссних поэтов — дело недеткое, но рассиазать о мизни непричин для этого много, небудем их перечислять, лишь отметимальных современников— Мальмизников современников— Мальмизников современников— Мальмизников современников— Мальмизников современников— Мальмизников будем и помизников по-

свою очеревь, заслуживает при-главьного винавиия.

Вот с этих позиция невъзи не мую литературную, интературо-ведискую и общественную деят-ную литературную, интературо-ведискую и общественную деят-трех деситнентий пистатов, лау-реата Государственной превим трех деситнентий прими с сделавшего для гомерит отсто-бомдения всего есениясного от пут молны и насловний псевомдей-молны и насловний псевомдей-можно и приму с дождения в подвижения деси-му сождающим приму с дождения и подвижения с с в русской житература Сргея в тором приму с дождения приму с на приму с

пени синтетическом, но органически соединившем слово исследователя, стики, музыку, воспоминамин. Именно новый жазир радномине и полительно и по

союзного радно.
Те, кому посчастинемлось в камун молфъеких праздников продиопривенников могит по дегомиству оценить и новый жанар, и полмоту схвата собитий, казалось бы,
ловеческой жизии. Но каной жизмин Осленительно яркой, произительно тревольной деомком соедипо делегом образовать по делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать по
делегом образовать

чертание судьовы поэта. Шесть часов вручит книга, шесть часов, наполненных человеческой болью и радостью, всем, что ро-дила жизнь Есенина, и всем, что родилось уже после нее, но вдох-новленное велянкой, гражданской музой поэта.

музои поэта.
Автор радионниги из этой жизин намеренно скрупулезно отобрал то, что не может не поразить наше воображение. Прелестно-незатейли вал, но полнал душевных пережи-

Их исполниет в передачах артистка Москонцерта Вера Прокушева, в течение многих лет исполнана в течение многих лет исполнана в течение многих лет исполнатурна в правительного правительного об правительное правительное правительное правительное правительное правительное правительное правительное правительное прастания с подоли в менера правительное произвольное правительное правите

А. ЛАРИОНОВ

Юрий БОНДАРЕВ

POMAH

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

И Владимир через силу посмотрел туда, испытывая от припекающего солнца резь в надбровьях, звон в ушах, и арбузы на бахче вдруг ясно представились ему маленькими зебрами, истомленными зноем, устало лежа-щими под деревьями, что нависали наподобие низких пальм с красными плодами. «Нет, мне по себе». Он чувствовал, как накалило солнцем голову и остро нажгло сквозь гимнастерку спину, не охлажденную землей, как необоримо бил его озноб, соединяясь с колючим жаром, и не было у него воли справиться с дрожью зубов. «Что же со мной та-кое, я упаду сейчас?» — подумал Владимир и встал с дурманной неустойчивостью, шагнул к брустверу, упал локтями на бровку, пытаясь наблюдать рядом с Ильей. Но зеркальные вспышки облитой солнцем листвы, движение солнечных бликов в траве под яблонями ослепляли его горячей яркостью. Он не очень отчетима вто горячей яркоство. Он не очень от-четима видел то, что возбуждало внимание Ильи, и, потерев запомившие глаза, наконец освободил из футляра бинокль. И тотчас не-правдоподобно приблизились кусты малины и чье-то молодое, совсем мальчишечье лицо с еле обозначенными полоской усиками, подня-тое к этим кустам, наивно и смешно вытянутые губы, измазанные соком, мягко хватающие крупные ягоды, сочные, спелые, упруго налитые сладкой ароматной влагой, и были странно радостными слегка прижмуренные в потоке солнечных лучиков глаза этого мальчика-немца, завиток прилипших соломенных волос к потному лбу... В благостном изнеможении он лежал на земле под кустами, в жаркой недвижной духоте малинника, и зеленый мундир был до ремня расстегнут, его пилот-ка, наполненная с верхом ягодами, лодочкой стояла в траве, и, наслаждаясь затишьем, золотым днем, безопасностью, он лакомился и ласковым вытягиванием своих улыбающихся губ будто играл с нависшими над его лицом ягодами. И в сознании Владимира на минуту возникла неведомая, пахнущая лавандой Гер-мания, некий островерхий чистый домик в са-ду с подстриженной травкой, желтый песок на ровных дорожках и здесь же немецкий мальчик в белых чулочках, в белой панамке... Где он видел это? На фотографиях, найден-

ных в документах убитых? Все было до отчетливых подробностей раз личимо в бинокль, и так близко было лицо немца, капельки пота на лбу, незагорелая шея, открытая распахнутым воротником мундира, что, почудилось, случайно обнажена была чужое забвение... Но в часть чужой жизни и чужое забвение... Но в безобидной его забаве, его мальчишеском удовольствии, его радостной ловле улыбаю-щимся ртом спелых ягод представлялось одновременно и что-то запрещенное, непо-— Пасется себе, как теленочек! Ах ты, сво-

лочь милая, -- жестко сказал Илья, вероятно, Прополжение. См. «Огонек №№ 38-44, 46хорошо разглядев немца под кустами малины, и, полоснув опасной чернотой глаз по невоз мутимой спине Лазарева, приказал негромко: - Шапкин, дайте-ка мне свой карабин! Разрывными заряжен?

Завсегда разрывными. У пули головка красненьким покрашена, — чересчур браво отозвался Шапкин и, качнув округлыми плеча-ми, подскочил к Илье, выкинул в руке новенький немецкий карабин, с которым никогда не расставался и обычно носил его на ремне. стволом вниз.

Ползаешь там и пасешься? Ах ты, сволочь милая,— повторил Илья и, точно леденея смуг-лым лицом, взял карабин наизготовку, упер раздвинутые локти в покрытую дерном бровку бруствера, прицелился, вжав выбритую ще-

ку в полированную ложу. Никто не успел ничего сказать ему, никто не успел остановить его, - громом рванул тишину, прокатился выстрел, эхом сорвался по лесам окрест — и в то же время солдат испуганно вздернулся, непонимающе озираясь, суматошно застегивая мундир, затем схватил с земли наполненную малиной пилотку, плоский котелок с помидорами, оказавшийся у него под боком, и осторожно, на коленях стал отползать назад, исчез на несколько секунд за кустами малины и внезапно стремительно выбежал из-под крайних тополей сада, бросился вверх по крутой солнечной насыпи, за гребая, оскальзываясь по песку сапогами, одной руке держа пилотку, наполненную малиной, в другой алюминиевый котелок с по-мидорами. И тотчас вторично треснул над ухом выстрел, ударил в нос вонью пороха, и немец на насыпи странно подпрыгнул, качнулся назад, вскинул руки, точно в ужасе хвата-ясь за голову, за растрепанные светлые воло-сы. Выпущенный котелок покатился вниз по насыпи, рассыпая помидоры, пилотка с малиной шлепнулась в песок, и, зачем-то повер-нувшись обезображенным жалким удивлением лицом в сторону выстрела, он, спотыкаясь при каждом шаге, побежал обратно, в сад, и там под крайними тополями упал, зарылся лицом в траву, плечи его дергались, похоже, от рыданий, и было страшно видеть, как белокурые волосы его и трава вокруг начали отблескивать красными жирными пятнами на палящем солнце.

Готов фрицевский птенчик!.. Илья отбросил на бруствер карабин, гневно глянул на Шапкина, сказавшего эту фразу, потом наткнулся на растерянный взгляд Владимира, на угрюмо сверлящие стальными буравчиками глазки Лазарева и сел с выказанной непоколебимостью на снарядный ящик при всеобщем молчании, тонкая смуглость сходи-

 Из-за помидорного дерьма устроили пе-ремирие с врагами? — проговорил Илья тугим голосом.— Забыли, как позавчера половину вашего взвода хоронили? Забыли братску вашего взвода хоронили: Заоыли срасску, могилу вот за этим лесом? Хороши у тебя ежики, Васильев! За жратву маму родную продадут! Дерьма такого не видели

Он выругался и, выхватив из котелка лосня-щийся упругой плотью помидор, неизвестно зачем с размаху влепил его в песчаную стену снарядной имши. Помидор расплылся по стекрасным месивом, стекая мякотью на дощатую крышку ящика, и опять тошнота под-катила к горлу Владимира. Он успел выбежать из орудийного дворика, а на опушке рвота и кашель заставили его схватиться за ствол сос-ны, он долго мучился, едва не плача в бес-силии, его душило отвращение перед чем-то густым, красным, жирно поблескивающим там, в саду, под тополями, и здесь, на стене ниши, на досках снарядного ящика.

В тот же миг гулкий вихрь пронесся над головой, обесцвеченные солнцем молнин просверкали возле орудия, пули звонко и сочно защелкали вблизи, сбитая хвоя посыпалась на пилотку Владимира. Вытирая губы, слезы на глазах, он кинулся обратно к огневой позиции, еще не сообразив, откуда дал очередь по орудию немецкий крупнокалиберный пулемет.

Все на огневой позиции смотрели в одном направлении, где слева за железнодорожной насылью продолжался лес. где издали светились коричневые стволы сосен и ослепительно синело небо меж кронами. Но всюду стояла звенящая кузнечиками тишина. И непонятно было, откуда стрелял пулемет, -- не могли же привидеться Владимиру оранжевые трассы, этот гулкий грохот крупнокалиберных очередей в ответ на два выстрела из карабина. «Мне надо выспаться, все смешалось у меня в голове, бред какой-то...»

— Что ж, ясно, где фашисты окопалисы! Но мне не ясно, почему братание с ними устроили! — заговорил Илья непререкаемым ном.- Впереди нашей пехоты нет, а вы, как

вижу, хорошо живете!
— Зачем стрелял, лейтенант? — скучно спросил Лазарев, и его щекастое лицо угрожающе закаменело.

— Дальше, старшина.— Илья неторопливо поставил ногу в брезентовом сапожке на снарядный ящик, медленно оглядывая железно-дорожную насыпь.— Продолжайте. Я слушаю, старшина.

- Зачем ни с того ни с сего ты нашу обстановку нарушил? — раздувая ноздри, повто-рил Лазарев.— У тебя подчиненный взвод есть, там и фордыбачь. Чуешь? Никто тебя сюда не звал, лейтенант.

Он не повышал голоса, но взгляд его стал свинцовым, остановленный на брезентовом сапожке Ильи, ладно сидящем на ноге (са-пожки эти были выменены на трофейный «парабеллум» у интендантов в тылах стрелкового полка), и Владимир тоже увидел поставлен-ный на снарядный ящик узкий сапожок, ак-куратный на вид, немного облепленный сбоку песком и хвоей. Еще в артучилище и здесь, в полку, Илья по-особому тщательно носил новую форму, полевые погоны, подшивал к гимнастерке непонятно где раздобытый целлулоидный подворотничок (мечта всех молодых офицеров), и форма шла ему, гладко, без складок облегала его плечи и сильную грудь, перетянутую портупеей, продетой под свежевыстиранный или извоженный землей погон, а этот сапожок, уверенно поставленный на снарядный ящик, подчеркивал вроде бы его независимую и леткую силу, так раздражае-шую, наверное, Лазарева, взбешенного этими неожиданными выстрелами Ильи, разом нарушившими безмятежный покой около орудия.

- Сапожки нафигарил на ходули и думаешь, лейтенант, все перед тобой в батарее на задних лапках ходить будут? — выговорил Лазадних лапках ходить будут: — выговорил ла-зарев, и кругло набухли жилы на его толстой широкой шее.— Подмять нас дисциплинкой хочешь, лейтенант? Кишки через нос потянуть, чтоб издали боялись? — проговорил Лазарев с задушливым хохотком.— Ты меня плохо зназадушливым хохотком.— ты меня плохо зна-ешь, в разных взводах были, а ты хоть офи-цер, а я невзичной обидеть шибко могу, еже-ли меня к земле нотгом давят! Понял! — Обидеть! Шибко! Меня! За что! Ах ты,

глупец, Лазарев! Ну, здравствуй, если ты та-

кой нервный! Давай пять, чего смотришь! — сказал несколько недоуменно Илья, обнажая ровные зубы холодной улыбкой, и, не убрав ровные зуов холодной ульшкой, и, не уорав брезентового сепожка со снерядного ящика, протянул старшине руку.— Здравствуй, уважа-емый, здравствуй!...— Чего?

- Здравствуй, говорю. Лазарев разъяренно взглянул на протянутую ему руку, явно не понимая этого жеста, но сейчас же, видимо, мгновенно решив проучить чужого лейтенанта раз и навсегда, с силой ударил огромной бугристой ладонью сво-ей в ладонь Ильи так, что раздался хлесткий звук, и клещами охватил, сдавил его пальцы.

— Тогда гляди, лейтенант, косточки перело-маю, ровно барышне! — пообещал Лазарев с тем же сиплым хохотком и, уже приглашая всех в предложенную игру, подморгнул на-брякшими складками век Калинкину и Шапкину, который присел на станину в удивленном ожидании, заломив на затылок пилотку. — Ломай, Лазарев, не жалей, — разрешил

Илья и с опасным, жестким спокойствием за-глянул в намеренно заскучавшие глазки Ла-

зарева перед борьбой.

Минуты две они стояли друг против друга, соединенные в противоестественном поединке, стискивая поворачивающим один другому кисти рукопожатием, старшина Лазарев все сильнее, все беспощаднее ломал пальцы лейтенанта, пытаясь придать щекастому лицу сонное, скучающее выражение, тупо глядя в бледный лоб Ильи, омытый капельками пота.

 Пошли, пошли сюда, Микула Селянинович,— сказал вдруг Илья и потянул Лазарева к нише, где было посвободнее, и здесь они опять встали друг против друга, сцепленные

мри производута, сцепленные в кир-потом, раскорячив бревнообразные в кир-зовых сапогах ноги, Лазарев не без ленивой уверенности бодающе ударил головой Илью в плечо, предлагая начать борьбу, но тот порывисто и гибко полуотвернулся, и, качнувшись вперед, молниеносно перекинув руку Лазарева через свое плечо, рванул ее так рез-ко, что сустав хрустнул, и тотчас, морщась от горлового вскрика старшины, изданного сквозь оскаленные зубы, как-то боком бросил тяжелое тело на бруствер орудийного дворика и, сделав шаг к поверженному Лазареву, выпрямился над ним, глубоко дыша, оправляя на груди портупею, сбившуюся в борьбе. А Лазарев, весь потный, с широкой, надувшейся шеей, жадными глотками хватал воздух, затрудненно подымался, держась за локоть, и повторял с задышкой:

Ты, значит, хрящ мне хотел сломать, таак? Запрещенным приемом, значит, хрящ сломать?.

 Правильно. Хотел. Но не сломал. В дру-гой раз сломаю. И в госпиталь отправлю дурака чертова.

Одергивая гимнастерку, Илья говорил вполголоса, точно удерживаемый презрительной неохотой объяснять что-либо, а его прищуренные глаза горели неумолимым огоньком, в ко-

ные глаза гораям неумолимым огоньком, в ко-тором было убежденное преимущество.
— Если у тебя в голове есть хоть пара из-влини, то слушай, Лазараев, и запоминай,— продолжая Илья с непреремемой веско-стью— Во-первых, таких, как ты, я встречая-еще в школе и унилище и, уверяю тебя, клал в температирующей в подчи-нения в пределатирующей в подчи-нения в пределатирующей в подчи-нения в пределатирующей в подчи-первого взвода, и жения бателем Т. Тесполять? обязанности командира батареи. Тоже ясно? Все раскусил, старшина? Или не все?

Лазарев стоял перед Ильей, задыхаясь, щетина разительно выделялась на его озлобленном, посеревшем лице; однако он нашел в себе силы, чтобы выговорить тоном ласковой ненависти:

- Может, научишь хитрому приемчику. лейтенант?

— Нет, не научу.

 Смотри, не прогадай, еще моей дружбы попросишь. Я ведь парень ежик, в голенище ножик. Сегодня твоя взяла, завтра — моя.

— Се ля ви , как говорят французы...— ска-зал с ответной деланной любезностью Илья и так передразнивающе нежно похолопал ла-донью по кругому плечу Лазарева, что тот лишь каменно сжал челюсти.— Договорились? Или еще требуются аргументы!

В этой внезапной схватке со старшиной Илья не скрывал своего насмешливого превосходства над командиром отделения разведки, человеком старше его лет на десять, избалованным собственной силой, но все же вынужденным подчиниться ему, офицеру,— мальчишке, пришедшему сюда, на огневую, в новом каестве старшего на батарее, и мигом нару-

шившему установленный здесь порядок.
Владимир знал по школе и по военному учи-лищу нетерпимость Ильи к чьей-либо физической силе, знал, как он одержимо занимался с седьмого класса то гимнастикой, то в секции бокса, нагоняя мышцы беспрерывными упражнениями, подтягиванием на турнике, постоянным сжиманием в кулаке резинового мяча, и уже к девятому классу приобрел славу самого сильного «из четвертого дома», и никто из соперников в замоскворецких переулках не пытался заносчиво вызвать его «на стычку» один на один. Когда в артиллерий-ском училище он, похудевший на скромном пайке, забыв, мнилось, былые увлечения, стал вновь обтираться снегом на утренней зарядке и ходить по вечерам на занятия самбо, это показалось лишним, смешным, подобно довоенной тщеславной игре ловкостью натренированного тела на глазах девочек в гимнастичес-ком зале. И раз Владимир сказал Илье об этом, но тот принял его замечание почти добродушно и ответил, что не только в детстве, но в некоторых случаях жизни необходима отлично развитая мускулатура, дабы не быть униженным силой других.

Унижение Лазарева было явным, и ему ед-

ва хватало воли, чтобы расчетливо справиться бессильным припадком ослепляющей злобы, что еще больше унизило бы его в глазах офицеров, а опытный ум подсказывал вернуть хотя бы видимость равновесия, смягчить по-ражение, и елейным безумием прозвучал его охрипший голос:

- Может, на ножичках еще договориться попробуем? По цыганскому обычаю! У вас, вижу, финочка отечественная, у меня трофейная... разница с гулькин хрен, если до первой

И вытянул из ножен, словно из ненавистной жертвы, тонкую с кровожелобком финку, поплевал на ноготь, потрогал стальное лезв Илья, уже теряя самообладание, упруго шагнул к нему, сказал, гневно кривясь:

 Хватит! Кончай блатной цирк, Лазарев! Или я тебе действительно шею сломаю, ясно? Лазарев не без ритуальной осторожности вытер финку о рукав, и широкощекое лицо его с изобильной сладостью закивало Илье.
— А финочка в деле была. Испробована.

Илья повторил: Я спрашиваю — ясно? Или нет?..

И в его голосе было столько властной силы, столько подчиняющей уверенности в своем действии, готовности пойти на все ради душевного порядка и ради порядка формы взаимо-отношений, что Лазарев, по-видимому, трезво осознал в тот миг, на что может решиться командир первого взвода, назначенный на должность комбата.

— Ясненько, — ответил Лазарев и втолкнул финку в ножны. — Так и запишем. Ясненько. — Ну, то-то. Советую заняться целями для батареи и, пока не поздно, оборудовать энпэ², а не братание устраиваты — посоветовал рез-ко Илья и сказал Владимиру: — Надо поговорить. Васильев

Они шли по лесной дороге, усыпанной хвоей, испещренной солнечными островками, отовсюду наплывало тепло растопленной смолы. накатывало из-за кювета духом нагретой малины, и Владимир опять вспомнил, как губами тянулся к спелым ягодам белокурый мальчишка-немец, как второй выстрел настиг его на открытой насыпи, как упал он лицом в траву, выронив пилотку с малиной, и волосы его стали жирно набухать красным.

— Зачем ты?..— сказал осуждающе Владимр, чувствуя тошное недомогание.— Не надо

— А ты, Володенька, сердобольный, как вижу. Или ты что — вместе с Лазаревым пере-мирие с немцами подписал? Тоже мне — командир отделения разведки, называется! Перекочевал в твой взвод, делает вид, что сидит на передовой, жрет, кантуется, а где не-мецкая передовая— не знает. Твое орудие стоит на прямой наводке, насколько я понимаю, а немцы где?

- Немцы были на насыпи.

— Где на насыпи? На мои выстрелы один пулемет откуда-то слева ответил — и все. Ну, где перед тобой передний край немцев? Куда стрелять будешь?

«Он разозлился и на меня?» — подумал Владимир, сотрясаемый ознобом, опустошенный, еще не опомнившийся после позавчерашнего боя, еще не забыв свое разбитое орудие и погибший расчет во время контратаки танков километрах в двух позади этого соснового

- Ты, пож-жалуйста... за меня не беспокойся,— возразил Владимир, и его слова, смятые стуком зубов, заставили Илью быстро взглянуть на него.

- Слушай, может, тебе в госпиталь надо с твоей контузией? Ты что дрожишь?

 Н-нет, это так, ничего, пробормотал
 Владимир. Контузия не сильная. Пройдет. Илья расстегнул воротник гимнастерки, заилья ресстетул ворогняк тимпестерки, за-держался возле кустов дикой малины, разрос-шейся за обочиной дороги, опахнувших горя-чей листвой, древней духотой леса, и сорвал

несколько крупных ягод, кинул их в рот.
— Пакость... теплые какие-то. Как он их ел?.. Он брезгливо сплюнул и полез за портсигаром, немецким, металлическим, с виньеткаготического рисунка на крышке, вынул папиросу, и в его глазах прошла мрачная тень злого воспоминания, и властно поджались губы, как бывало всегда, когда он не хотел чув-

бы, как оываль выступ-ствовать себя иеправым. — Вот что, Володя,— заговорил Илья, садясь на поваленную сосну неподалеку от просеки, палатками два орудия, и солдаты, закрыв лица пилотками, лежали на траве, грелись и дреца інпоткоми, немали на триве, трипость положения мали на солиценее.— Глупость положения вот в чем. Впереди тебя нет нашей пехоты и нет немцев на насыпи. Мои орудия после боя держат эту дорогу. И, как видишь, солдаты загорают. Приказ стоять, и мы стоим, как слепые. Ты думаешь, танки пойдут на этот лес? Что-то не очень похоже. Позавчера все было ясно. Мы наступали, они драпали. А где сейчас немцы — за насыпью или еще дальше отошли — бог его знает. Таким образом, мон два орудия мы снимем отсюда и поставим метрах в ста от твоего, на опушке. Так будет разумнее. Если и пойдут танки, то они наверняка попрут через железнодорожный переезд, а потом через мост...

Он закурил, пожевал кончик папиросы, бисеринки пота выступали у него над сдвинутыми бровями от духоты парного воздуха. И пахло здесь тяжелой пряностью тлена, сонно жужжали над дорогой зеленые мухи, точками сверкали на солнце, садились на вдавленные колесами в песок разбросанные здесь пред-меты позавчерашнего боя — расплющенные колесами ребристые цилиндры немецких провогазов, железные лотки из-под мин, смя-не коробки сигарет, разбросанные сахарнотивогазов. белые пластинки искусственного спирта — загадочные иноземные предметы, притягивающие любопытство Владимира заключенной них иной жизнью, имеющей свой запах и свой CHLICA

- Где-то поблизости убитые, -- сказал Владимир, ощущая в воздухе липкую струю разлагающейся плоти, как бы приносимую сюда жужжанием зеленых мух.

Илья поморщился, каблуком вдавил в песок пустой магазин немецкого автомата.

— Глупость положения заключается в том.

что мы с тобой во многом зависим от Лазарева, - продолжал Илья раздраженно. - А я неопределенности терпеть не могу!
— Ночью Лазарев выберет энпэ на насы-

пи. И все будет в порядке.

- Her!

— Что «нет»?

— Нет, — сказал Илья. — Во-первых, до ночи тег, — квазал илья. — во-первых, до ночи далеко. А во-аторых, Лазареву что-то я не очень верю. По-моему, мордой в землю его придется тыкать не раз. Поэтому думаю Шапкина назначить командиром отделения разведки, а Лазарева на его место, на связь. Так бу-дет надежней. А там — посмотрим.

Илья без колебаний принял командование

[/] Такова жизнь,

з Наблюдательный пункт.

тремя полковыми орудиями и девятнадцатью солдатами, оставшимися после позавчерашне-го боя, когда погибли командир батареи старший лейтенант Дробышев и командир взвода управления лейтенант Курочкин, убитые вместе со всем расчетом четвертого орудия. Они были убиты прямым попаданием — две самоходки засекли орудийные выстрелы, незамет-но зашли с фланга на поросшие кустарником высотки и ударили с дальности двухсот метров по открытому орудию. Третье орудие сто яло на перекрестке полевых дорог, шагах в ста пятидесяти правее четвертого, самоходки, медля, перенесли на него огонь, а когда Владимир, оглушенный раскаленным грохо-том, засыпанный землей, давясь кашлем, не-освобожденной тошнотой, очнулся, то увидел, что весь край придорожного кювета был раз вален, срезан дымящимися воронками, острые края осколков торчали из обугленной почвы, и это было роковое счастье, везение, снисходительность судьбы, сохранившей его жизнь несколькими сантиметрами уцелевше-го пространства. Он был контужен, и временами слитый в сплошной звон стрекот сверчков заполнял уши, как если бы лежал он на крыше сарая звездной ночью в деревне, порой плотная глухота окружала его, было больно, пьяно в голове, и он не слышал своего голоса. А то, что осталось от четвертого расчета, то, по надо было собирать потом по кускам и хоронить возле исковерканного орудия в наскоро выкопанной могиле, было настолько ужасающе безобразно, что невозможно было икого узнать даже по одежде, назвать по фамилии, невозможно было различить стар-шего лейтенанта Дробышева и лейтенанта Курочкина. Контузия, затмившая сознание Вла-димира, сместила реальность, его охватила димира, сместила реальность, его охватила бешеная неистовость, и, отдавая команды единственному теперь орудию из его взвода, он ругался в злобе, плакал и кулаком размазывал слезы по исполосованному пороховой копотью лицу.

Пекота подымалась в атаку несколько раз, залегала в новь подымалась свыстками, криками и ракетами, вскоре поле до самых немецики траншей густо затемнело бугоркамиубитых, и последняя атака была совершенно обессиленной — редсие фигурки оторвались от земли, двинулись в огненный хаос трассирующих очередей.

В темноте бой кончился, все смолкло. Пехота, потеряв в течение дня половину недавно прибывшего пополнения, неконец захватила траншен немцев, втянулась в лес и поздним вечером заняла железнодорожную станцию за

Орудия получили приказ сняться, первому взводу Рамзина занять позицию в районе просеки, вблизи дороги, на танкоопасном направлении, а второму взводу Васильева (одному оставшемуся орудию) стать на прямую навод ку напротив железнодорожного переезда. К ередине ночи оборудовали огневую позицию, вырыли ровики в полный профиль, и целый следующий день, неподвижный, знойный, про-шел в состоянии полусна, когда не хотелось двигаться, есть, говорить, когда у Владимира, не вылезавшего из своего ровика, звенело в голове и всплывали в памяти рваные, окровавленные куски одежды с металлическими офицерскими пуговицами, воронки между станин, церскими пуговицами, воронки можду сталил, что-то студенисто-красное, ложитым стустком прилипшее к щиту скособоченного орудия, и по всему полю бугорки убитых из недавно прибывшего пополнения—новые шинели, нелепо встопорщенные на спинах, еще не заношенные обмотки, толсто накрученные на HOTAY

Угром его разбудил командир орудия сержант Домин, позвал к ресчету на церский завтрак — мед, огурцы, помидоры, арбуным но Вледимир наотрез отказалск: все возникал перед глазами тот жирный студенистый сгусток на щите разбитого орудия, и разом начинало мутить, выворачивать пустой желудок, вызывая судорожным кашемо обильные, унижающие его слезы, которые он стесиялся показывать солдатам.

Он не хотел вспоминать позавчерашний бой, не хотел, чтобы Илья знал о контузии, завидуя его педантично выбритому смуглому лицу, его несомневающейся силе при утверждении себя в новом положенни командира батарем, и его командный голос, каким он затарем, и его командный голос, каким он заявил сейчас о недоверии командиру отделения разведки, был исполнен решимости и действия.

реаводим, овы пелопием решимости и деяствии.

— Думаю, что лейтенамт Курочкии, пусть земля ему будет пухом, до невыносимости набаловал Лазарева, сам за него все дояла, а он пускал пыль в глаза,—сказал Илья.—Для чего, спрашимовется, мне таква вритыперийская разведка! Не знает точно, тде немецкая передовая! Но ходит по бателее в низиком.

довая! Но ходит по батарее индюком.
— Ты знаешь, что Лазарев сидел до фронта в тюрьме и вообще—темный тип, с ним

не хотят связываться.

— Знаю, но знать не хочу. Мне плевать, кто он был. Мне важно, кто он есть. Гнеть Лазерева из разведки наде, немедленно гнаты В шею! Уднаяляет меня, конечно, то, что этот милый старинне считает себя пупом в батарее. Не хочет, видишь ли, подчиняться. Глу-пец! Я его заставлю выполнять объязиности, как образцового солдате, или сломаю ему хребет, дурку!

— По-моему, ты его уже приложил доста-

точно.
— Так нужно было! А впрочем, ничего про-

щать я ему не намерен.
— Тебе видней, Илья. Разведка и фязь в твоем подчинении.

— Вот именно. В моем.

«Разве можно согласиться с тем, что решение Ильн в тот нюльский день 1943 года сыграло роль в его судьбе, изменило всю его жизны? И я ничего не мог сделать, предугадать? Но можно ли было его остановить?»

Они вернулись к орудию, Илья объявил о перемещении командиров отделения взвода управления. Выслушав приказ, Лазарев мерцающими нацеленными глазами охватил с ног до головы плотную фигуру Шапкина, затем с ленивой яростью сплюнул через бруствер и присел к котелку с медовыми сотами, внешне несокрушимый в собственной правоте. Это перемещение ничего, по существу, не изменяло в жизни Лазарева («что разведка, что связь батареи — один черті»), но по тому, как Лазарев, расширив ноздри, сидел на станине орудия и жевал соты, с напускным интересом глядя на выощихся вокруг котелка ос, по тому, как упорно молчал, видно было, какого усилия стоило ему подчиниться полностью жесткой воле нового комбата, оборвавшего его прочное положение независимости от командиров огневых взводов. Калинкин, вытянув голую шею, принялся озабоченно разрезать арбуз на брезенте, остальные лежали в тени брустверов, негромко похрустывая огурцами, никто не решался посмотреть в лицо Лазарева, который постепенно перестал жевать, широкие его скулы затвердели

— "Так вот что. Два орудия из леса передантаем на опушку, к орудню зазода Васильева,—сказал Илья голосом приказа ни в чем не сомнеавлюцегося человека.—Перемирие с немцами кончено. Это стоит увсинть, Лазарев, и сачкование в кончено. Шелиниу эния занять и оборудовать немедленно на железнодорожной насили. В районе сада и домика, Дво два часа на оборудование. Лазареву двю столько же на связа с пехотой.

Ровно через два часо ему доложили, что наполдательный гунит выбран на железнодорожной насыпи, связь проложена к околанным на опущке трем орудиям, установлена справофланговым стрелковым батальоном, занимавшим станцию, и Илья перебрался на другую сторону ручья, к несыпи, чтобы обосноваться на наблюдательном пункте батарем.

И снова летний покой солнценосного дия потек из чащи соснового лесо, обволакивая орудив жарой, тишиной, однотонным гудом лесных ос, и неполавла влакая пелена дремотьство об держительной поставоряться совой Калинкон сидел на станине кранічест орудия, ктрадия протяжно зевал в сладострастной истоме, по-бабы хлопал корявой рукой по рту, в сержант Демин, крепкогрудый, русоволосьий красавец, устроился под бруствером и, надамнуя на лоб пилотку, жихурился на кучевые облака, силющие кразми в синеве иецепека, с голого места у орудий — кто в отрытые ровики, поближе к земляной прохладе, кто в иншу для снарядов, прикрытую брезентом.

Владимир ложел на плац-плалятие, разостлюнной на опушке лесь, возле огромной сосны (чуть виятный холодок шел здесь от земли,), и чувствовал, как отпускает головная боль, и весь он будто растворяется в этой мириой лен сътото чась, в пестроте бликов, в этом благоления без единого звука войны лета, которое настойчиво обещало вечную неизмемную жизнь с зелеными, светообильными диями, пролитанную любовью, радостью, как когде-то было в дечные сумерки Малаховки, затянутой съзыми самоварными дымажами, озвученной патефонеми из зеросиция сиренью петяния страмены применя петими зеленью пе-

реунков, поздними гудками и шумом звектринки за озренным луной лесом. Мучительнее всего было то, что Илья получал письма от Маши, треугольнички, свернутые из разлинованных листков школьной тетради, и, подняя насмешливые брови, читал их, затем говорил несколько удивленно: «А1»—и не без небрежности засовывал письма в полевую сумку. И всякий раз Владимир не мог побороть себя, спросить, что и о чем ома пишет из Ташкента, и всякий раз Илья, передалял с усмешной: «Представляещь, они еще за партами решают задачки по геометрии. Восторг, умиление, птичий щебет в садах! Ну что ей отвечать?» «А мы, змешь ли, Маша, дорогая, стреляем по танкам!» Лучше ответь ты, хочешь?»

В его отношении к ее письмам была синссходительная досада взрослого человека на детские слояа школьницы, с которой вроде бы вскользь выделся много лет назад, а теперь не вполне хотел утруждаться регулярной перепиской. Владимир могито писал ей, вернее, отвечал за движ, но письма по-прежнемени. Надо было, оченидно, не вспомнить се часто, пора было относиться к тому наживому, школьному так, как относится к тому наживиера, помявшего на войне горазда больше, ера, помявшего на войне горазда больше, рийском училище и за двенества фотмер рийском училище и за двенества фотмера двим и разлучанись лишь изредка, поддерживая отнем разные батальомы.

К командованно батареей Илья был готов давно по складу своей натуры. Бывшего комбата старшего лейгенанта Дробышева, человека немолодого, тугодумного, неповоротивого, призванного в армине из запаса вгражденского тюфика», Илья не принимал всерьез, однако выполняя его приказания с той искусственной старательностью, какая помогала ему скрать личное нерасположение.

«Теперь в батарее он заставит всех слушать собя,— думал Владимир, реаморенный дремотой, лежа на плащ-платке под кроной сосны.—Он заставит всех выполнять свои обязанности и не потерпит инчего лишнего».

Вверху за широкой зеленой вершиной высоко таяли неикнейшим дымом закруплений насыщенные светом облака, и ему чудилось, чтокогда-то зномным днем после купания он вот так же лежал в лодке, опустив веспа, слыша жлюпаные воды за заучными бортами, все чудеско пахло летней рекой, мокрым полотенцем, а мимо текли дачные берега Клязьмы, и плыли вдоль зарослей камыша опрокннутые в воду круглые облака.

И склозь дрему вспомнился конец лета в Моские, когда ночинали съезматъся к учебе, долгие августовские вечера во дворе, в переулках Замоскворечья огдавали тепло асфальта, в школьном соду на закате подымалась розоватая пъль над многолюдкой волеббольной площадкой, а когда он принимал мач, подянный Машей, то видел, как мотались се выгоревшие волосы, блестели удовольстваче съедом глаза от ощущения оной гибкости над теми, кто чересчур виниатсяльно поглядывал на ее зологисто-загореные плечи, почти шоколадиме в сумерках от морской воды и южного сольща.

Владимир пошевелился и сел, привалившись к стволу сосны, его окатывал, наплывая волнами, смолистый воздух, а вокруг все лежало в

Везделье (солдатский жаргон).

прокаленной сонной одури, усыпляемое треском кузнечиков. От орудия, из снарядной нипод брезента доходил солдатский храп, внушая чувство нерушимое, домашнее, точно позавчера и не был похоронен в братской могиле четвертый расчет. Калинкин с карабином на коленях, задремывая на станине, затяжно зевал, ворочал крас-ными белками, и, внезапно разбуженный толчком ноги Демина, отозвался обиженным вскриком:

Ты очумел, никак? Зачем толкаешь? Тогда Демин приподнял с земли красивую русоволосую голову, позвал не без юродству-

ющей вкрадчивости:

— Калинкин! — A?

— Дурака на!

 Опять свое? Чо я тебе сделал? Зачем на-смехаешься? Земляк ведь ты мне, Демин. Сколько нас тут воронежских: раз-два — и обчелся, — заговорил голосом тихой укоризны Калинкин, и верхняя рассеченная осколком гу-Калинкин, и верхняя рассеченная ослагися ту-ба его, похожая на заячью, съежилась винова-то.— Не обижай ты меня, за ради бога... Двое нас из земляков осталось. Позавчера Макеро-нае свалило... из Малых Двориков. Осколком так грудь и разворотило. Последние мы с тобой

А Демин, потягиваясь на земле молодым телом, наслаждаясь ничегонеделанием, сытой истомой, снова позвал притворно озабоченно: — Калинкин! Слышь, Кали-инкин! Или как

глухарь оглох?

- Hy vero? A?

— гу чего: А:
 — Дурака на. Умный ты очень. Потому тебя на посту в храп тянет, Башка хитрит. Чего ты хитрый такой?

Ну, для какой нужды пристаешь ты, Де-мині — жалобно спросил Калинкин, и подобие улыбки сморщило его изуродованную верх-

нюю губу.
— Мда-а!.. Как не думаешь, так не думаешь, а как подумаешь, так что ты думаешь? — проговорил Демин, преисполненный напускного ликования, и просторной грудью выдохнул ликования, и просторнои грудоко выдольтуль воздух.— Сундукам из вашей деревни везет завсегда. Особенно ежели ухи лопухами,— продолжал с издевательской растяжкой слов продолжен с издевательской ростажностью демин, радостно следя за изменением обла-ков в небе.— А у вас лопухастых за каждым плетнем. И полдеревни Калинкиных. Надо же! Куда ни плюнь — все в какого-нибудь Калин-кина попадешь. И все коровы Дуньки, а соба-

ки — Шарики. От дуроломы несусветные!.. — Чем же мы тебе не по душе-то? — роб-ко забормотал Калинкин.— Деревня наша маленькая, всего пятнадцать дворов, люди хорошие, работящие. В вашем-то Михайловском парни дерутся, бывало, а у нас в Двориках тихо, гармошка играет, девки поют. Мы тихие, у нас садов и пасек много. Мы никого не за-бижали.

 Я тебе и говорю — святой ты дворицкий, будешь сто лет после войны на гармошке наяривать, а потом на небеса вознесешься - и прямо в рай,— сказал Демин, колыхнув сме-хом грудь, и через минуту позвал скучающим голосом: — Калинкин!

— Ну чо?

Оглобля через плечо!

- Опять свое? Ну, чо я тебе сделал, Демин?

— А я тебя спрашиваю сурьезным русским языком, Калинкин, почему у вас в колхозе все собаки — Шарики?

сооаки — шарики: Были беззаботно-праздными эти часы июль-ского дня, который запомнился Владимиру, как жгучий солнечный блеск перед чернотой...

Продолжение следиет

M CHOBA «MAKEET»

Игорь ДОЛГОПОЛОВ, заслуженный деятель искусств РСФСР

Большой театр... Рождение балета.

Май. Яркое солнце струится в просторные окна репетиционной. Зал пуст. Почему-то слепо горят четыре люстры, но этот свет не

нужен. Кто-то гасит их.

Тишина. Большое пустое помещение. В углу медицинские весы. Рядом обыкновенная, прозаическая жестяная лейка. Вдоль голых белых стен натертые до блеска многими десятками рук деревянные поручки станка. Звучат гулкие шаги. Появилась Галина Сергеевна Уланова. Стройная, в сером костюме. Весеннее солнце зажигает легкий венчик светлых волос. Рядом с ней Владимир Васильев в черном трико, будто чеканный, со скульптурно ясными, мощными и одновременно тонкими линиями силуэта — широким разлетом плеч, выпуклым строением мышц. Пепельно-холодные тени неслышно скользнули по полу. Двое остановились, о чем-то беседуя. Доносятся отрывки фраз неясного для меня разговора. Слышу негромкое и ритмичное «па», «па-па-па»— и графически предельно очерченный жест руки Васильева, особенно образно читающийся на фоне окна. В огромном зеркаленой из стен зала — все повторяется. Этот второй мир фиксирует каждое движение танцовщика или танцовщицы. Строгое око — бессонное, сое. бескомпромиссное.

зоркое, оексмолиромисское.
К инструменту садится концертмейстер. В репетиционной уже четверо: Владимир Васклыев — балетмейстер и исполнитель роли Макбета, Нина Тимореваа — леди Макбет, Галина Улакова — репетитор и Кирил Молчанов — автор музыки балета «Макбет».
Первый аккорд. И вслед неспеционе касение клавиш рояля. Зыбкое

грустное эхо. В зал незаметно вошло средневековье.
— Все сначала, все сначала! — звучит негромкий голос Васильева. Хлопок руки.

Пыльные выгоревшие занавески, простой дощатый пол. Обыденность. Великая проза труда.

Может ли она отравить меня? В этом весь парадокс, — слышу я слова.— Я все время мечусь и скрываю свой страх. Она силька, и я боюсь,— произносит Макбет. В руках Васильева я вижу незри-мый кубок. Он пьет несуществующий напиток... Театр. Действо. Если

 Ты ее выпрями, а потом поверни,— говорит Уланова.
 Показывает сама движение. Вмиг становится иной. Неузнаваемой. - Не бери высоко. Следи за силуэтом.— Голос знаменитой балерины звучит мягко. Уланова стоит у голубого окна и будто растворяется в свете.

— Обойди Макбета еще раз, просит Галина Сергеевна. Нина мгновенно повторяет нужное движение. Ее шаги еле касаются пола,— крадущиеся, коварные. Она должна околдовать, зачаровать своего супруга. Заставить его понять неизбежность убийства короля Дункана. Репетиция продолжается. А где-то рядом глухо рокочет огромный город. Дварцатый вся

- Володя, мне кажется, ты взял ее слишком высоко.

Сложная поддержка не получается. Еще один раз. Еще и еще. Я теряю счет.

Тяжкое, прерывистое дыхание, неслышные шаги. Адская работа вот что такое повседневность балета.

Кто видел репетицию мастеров высшего класса, тот поймет, какая бездна усилий, самых невыносимых, вложена в эту — далеко светя-щуюся впереди — легкость движений на сцене. Неимоверно долгий, многолетний путь — от школы с юных лет до этих минут репетиции оказывается лишь мостиком для одоления все новых и новых высот.

- Володя, эта поддержка что-то не получается... «Какая же это плаха!» — думаю я.

Композитор молчит. Он сцепил руки. Чутко слушает мелодию. Гля-арителю, должен быть ясен любой диалог, монолог, сцена, в которой действуют, спорят, сражмоется десятии людей. Колдовство. Я не на-хожу другого слова, потому что ремесло, мастерство, тренаж—не все. Должно быть воплощение, проникновение, выразительность, таниственное «чуть-чуть». Это и есть истинный балет, где нет прозви-ческого, перечислительного разговора, а властвует безмолвная песия поэтического, лирически наполненного танца.

Поражает, что балет, этот наиболее зримо окрыленный вид искус-ства, в подготовке к спектаклю невыразимо тяжел и приземлен. Танцовщица в процессе репетиции, в классе, некоторое время пребывает в состоянии почти гусеницы — невзрачной, тусклой, беско-нечно измученной, чтобы потом, в отгях рампы, игновенно раскрыться, взлететь ярким, невесомым, легкокрыло порхающим мотыльком...

За окном полдень. Простой деревянный пол стал янтарным. Прошло уже три часа репетиции. А ведь были разработаны всего две ситуации, даже не сцены будущего спектакля... Потом, на генеральной, я заметил, что эти коллизии, сыгранные в предельно отточенном выражении, заняли... меньше минуты времени! Такова цена прекрасного. - Если бы зритель мог слышать ваши голоса...- говорит Уланова.— Но вы должны станцевать ваши чувства. Изобразить их. Поэтому повторим. Все должно быть ясно.

...Репетиция продолжалась.

Бушует пламя рукоплесканий, и тает, тает вековой иней истории, компраняют тысячлентине барьеры, восстает живая связь времен. «Мак-исть на сцене Большого театра. Балет?. Шекспир—грандиозное эхо, в котором хохот и стоны далеких эпох звучат как гулкое рож-дение непостижимого хаоса страстей, владеющих человеком и седение непостижнимого хаоса страстей, владеющих челозеком и се-годия. Потому так вечен, современен гений английского драматурга, Но чтобы заставить звучать голос Шекспира в балете — искусстве немой пластики, нужны были музыка и хореография, которые помогли бы раскрыть феномен трагедии бытия, столкновения любам и ненависти, сега и тъмы и, наконець очертить зловещий зов Рока, владеющего судьбами пюдскими. Так родились сцены по Вильяху Декспиру— «Амабст» Молнанова и Весиньева,— в которых сделала польятия во-мамабст» Молнанова и Весиньева,— в которых сделала польятия воплотить слово великого драматурга в форму музыкальную, пространственную. Шекспир, разворачивая сюжет трагедии, подчинялся зако-нам драматического театра. Перед авторами спектакля встал почти неодолимый барьер: борьба за Шекспира и «против него» — битва за параметры балета.

Перевести словесный строй в сложный язык иероглифов танца и все же сохранить обличительную этическую роль «Макбета», не потерять грандиозность накала страстей, бушующих в трагедии,— вот объем задач, представших перед композитором и балетмейстером-постановщиком. Особенно важно при всех этих невероятных сложностях было сохранить в ремя, в котором происходит действие, за всей современностью музыкального языка и пластики не потерять всен современностью музыкального завила и постоять на почительного чарующую патину далекой эпохи, составляющую суть характеров и столкиовений спектакия, Композитор Кирилл Молчанов, балегмей-стер-постановщик Владимир Васильев, художник Валерий Левенталь, дирижер Фуат Мансуров сделали все возможное, чтобы перед нами встала древняя Шотландия.

Владимир Васильев — ваятель. Только вместо податливой глины, гордого мрамора или чеканной бронзы перед ним живая плоть танца. Безумно трудна задача воплощения трагедии Шекспира в балете, ибо логика танца, несмотря на всю свободу, все же связана земным тяготением, пределом мышечной энергии и, наконец, условностями хореографии, которые, конечно, не могут соперничать с разящим свообнаженной раскованностью словом гениального драматурга.

...Улица Неждановой. Сиреневый вечер. Снег. Мягкие, теплые блики света фонарей. Где-то в двух шагах—центр Москвы. Толчея машин. Поток спешащих, озабоченных людей. Здесь тишина. Ветхая маленькая церковь. Фасады старых домов, на них мемориальные доски. Имена великих русских актеров. ...Хлопнула дверь лифта. Звонок. Маленькая комната.

приглушенном теплом сиянии абажура — черный рояль. Ему тесно и просторно. Инструмент живет в кобинете композитора. На лакиро-ванной спине рояля кипа нот. Рядом столик у окна. Кресло. Шкаф

Аккорд. Густые печальные звуки рушат тишину. В комнатку входит древность, «Можете себе представить, - проговорил Кирилл нов, — что я ощущал, когда стоял у подножия «Макбета». Страшный омут страстей людских. История, далекая и вечно новая, стояла передо мною, начертанная гениальным пером. Не знаю, решился бы я на этот свой опыт музыкального прочтения трагедии Шекспира, если бы Прокофьев не проторил первую тропу из двадцатого века в тьму и в свет «Ромео и Джульетты». И я дерзнул...»

И снова прозвучал аккорд. Я вспомнил голоса гобоя, английского рожка, кларнета, мягкий человеческий лепет деревянных духовых, рассказывающих легенду. Увидел сцену Большого театра. Глухие, душные своды старинного замка Инвернес, в стенах которого вот-вот разыгра-

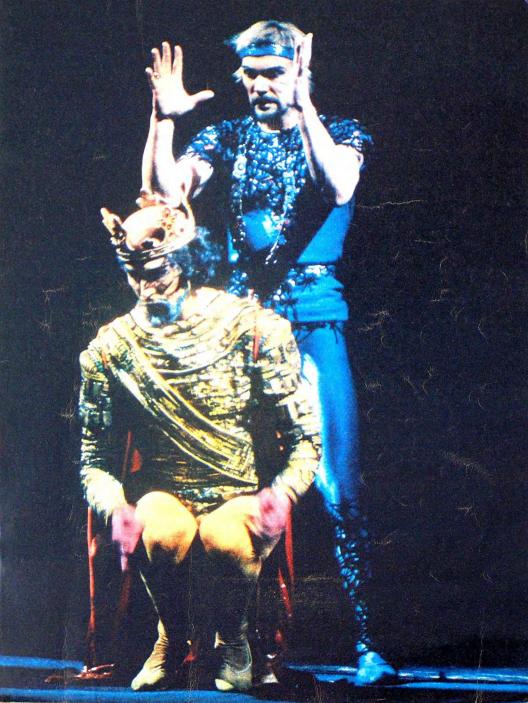
ется дьявольская история предательства. Прольется кровь. Шекспир...

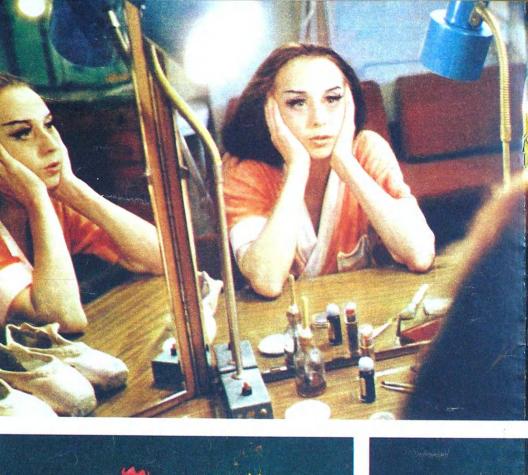
Музыка «Макбета» сурова и проста. Зловещие страсти, сжигающие сердца героев балета, вся атмосфера мистерии возникает перед нами еных музыкальных формах, лишенных какой-либо манерности или вичурности. Смелые гармонические построения четки и ритмически

Балет «Макбет» на сцене ГАБТа. В ролях: Макбет — народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, премии Ленинского комсомола Владимир Васильев, балетмейстер-постанощик спектакля. Король Дункан — заслуженный артист РСФСР Сергей Рад-

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Дважды Герой Социалистическо-го Труда, народная артистих СССР, лауреат Ленинской т Государст-венных промий СССР Галина Сергеена Уланова и народная артистия СССР Нина Тимофеева перед спектаклем № Фрагменты балета «Мак-бет» в исполнении Н. Тимофеевой и В. Васильева.

COTO A HATPARISHA

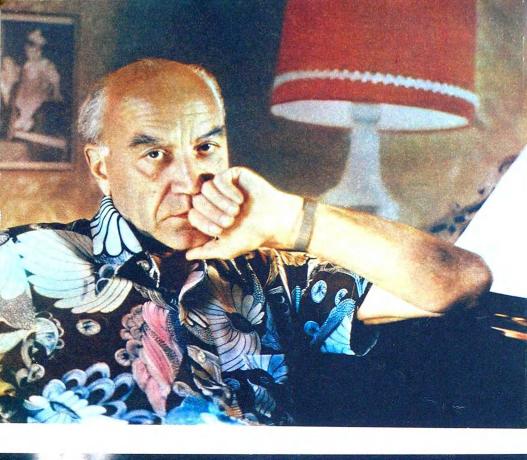

розрачны. Мелос балета, берущий начало в народных напевах старой Шотландни, решен в современном духе. Оркестровая палитра Кирил-ла Молчанова красочна, и она, несмотря на весь демонизм трагедийного тона балета, глубоко реалистична.

...Зал Большого театра. Огромная люстра погасла. Электрический "Зал Большого театра. Отромная люстра погасла. Электрическим сает нас помитул. Таниственный луч из далекого далека озарил темную бездну шекспировской трагедии, и я забыл, что это всего лишь сияние софитов. Гром... Приглушенное пение бархатных густых голосов контрабасов, виолончелей. Стоны труб. Плач скрипок. Матущесся багровое небо. Низкие грозовые тучи задевяют за острые убрым древних башен. Звенит медь. Копья сомкнуты. Колючий силуэт эпохи.

Балет «Макбет». Сцены из трагедии Шекспира. Фрагменты великой шелет в положеть. Сцены на тратедии шекспира, шрагменты великой орески. Перед нами лики ведьм-перорочиц. Апокалиптические стерухи вещают Макбету и Банко о граздущем. Впереди мерцает корона и смерть... Злобны гримасы вещуний. Немой их хохот, Странные прык-ки, равные лохмотья одежд. Хромающая— на пуантах—походка... Поворот, и мы видим вместо лиц колдуний зияющие глазницы, оскал

черепов... Видение исчезает.

Кричат фанфары. Войска короля Дункана победили. Один из ге-роев триужфа — Макбет. Его появление в первой картине чарует: сильный, открытый, мужественный, он олицетворение твердости, честности. Владимир Васильев сумел найти пластический язык сложного образа. На наших глазах герой, смелый рыцарь, превращается в пре-ступника. Этот страшный процесс перевоплощения осмыслен, выражен в скульптурно ясных формах. От движения-полета человека-птицы-к судорожному комку поверженного тела элодея.

к судорожному комку поверженного теле злодея;

"Презожный грозовой ритм не покудеет сцену. Летят пущенные на пука боевые стрелы. Симкоп времени, сотрясенного битвами, подченнут в мужественных групповых тенцках воннов в первой картине. Но не срожения—основа действия. Неодоликая силе Рока—покумости в повтиготих спостакогы. Для контраста во вторую кортнуе зведены маленькая сцена-пауза. Трогательная идиллическая история о судьбе не-счастной-принцессы. Звучит простая шотландская народная песня, льются мягкие голоса деревянных духовых инструментов. В эту грустную глубоко человеческую мелодию вдруг врываются гнусавые вздохи саксофона, и перед нами возникает демонический облик леди Макбет — хозяйки этой душной тьмы.

В кресле партера рядом — Уланова. Я понимаю, что буквально каждое данжение танцующих как бы проходит через нее самов. И еще раз чувствую то напряжение, внимание, тот большой труд, который вкладывает великий художник балета в каждое па, в каждый нюанс. В обеспечение логического невидимого строя непрерывности, кантиленности танца, не позволяющего ни на секунду потерять образ,

силуэт, очерчивающий все до единого характеры трагедии.
Адажио... Макбет очарован коварной и жестокой женщиной, не останавливающейся ни перед чем в борьбе за призрак власти. Лучшие чувства принесены в жертву стремлению обрести корону. Когда порфироносный владыка наконец назван и придворные приветствуют короля Макбета, осью этой блистательной карусели становится торжествующая первая леди королевства. Приглушенное звучание оркестра подчеркивает фальшь этой круговерти лжи, притворства, коварных,

пустых интриг.

Действие все убыстряется. Гибнет Банко — Андрей Кондратов — от Макбета, убирающего с дороги свидетеля пророчества веди Но больная совесть преступника рождает призрак убитого: Макбет вдруг видит труп Банко на своем троне. Страх овладевает им... И вновь вирут внумт груп волко не своем гроне. страх овлодевает им... и вновь возникает зловещее трио. Вещуны с посохами продолжают свое ин-кое завораживающее движение, и вы невольно угадываете в этом роковом ритме неминуемый исход трагедии. Когда последний раз возносится, как темное облако, вверх занавес, на одиноком троне— Макбет один как перст. Он духовно опустошен. Разбит... Владимиру Васильеву удается с фантастической силой создать сложнейшую форму этой финальной сцены, где отражен леденящий ужас столкновения человека с самим собой. Макбет отшатывается от трона, Каскад его угасающих движений рисует роковую борьбу страстей, разрывающих преступную душу. Жажда власти отступает перед мраком свершенно-

Среди самых блистательных учеников Галины Сергеевны Улановой Владимир Васильев, Екатерина Максимова, Малика Сабирова, Светлана Адырхаева, Людмила Семеняка, Нина Тимофеева.

Нина Тимофеева...

Представьте хоть на миг ту лавину оваций, цветов, восторга, кото-рая обрушивается на прима-балерину Большого театра. И это из года в год... Как тут не поддаться эйфории славы. Не уступить сладкому желанию отдохнуть от поистине каторжной ежедневной школы, возвращающей тебя каждое утро на землю, заставляющей слушать не всегда лицеприятные речи. Но тот, кто шагнул однажды на тернистый путь танцовщицы, знает, что без труда, штудии, без тяжкой работы, на одном лишь однажды достигнутом успехе, даже имея недюжинный на одном лишь однавды достинутом устаже, демога може може може тапант, не промивешь. Это закон: И, помалукі, мало кто из завезда Большого теагра так упорно, ф а н а т и ч н о исполняет этот завет. Ни одног репетцин беспрининно не пропустила Инна Тимофевав. Ча-сами в Москве или во время тастрольных поездок она неустанно заим-меется в классе. И с ней мало хто может сравниться в этом благород-

ном упорстве, осознанном, вдохновенном служении искусству, «Если бы не ленинградская школа, если бы не Галина Сергеевна, то...—смущенио говорит Нина.—Наверно, меня бы не было».

Но она есты И в этом, конечно, заслуга и огромный труд ее учителен, репетиторов, балетмейстеров. Но признаемся, что та глубина раскрытия сложных драматических партий, которой достигла Тимефеева— Мехмену Бану в «Ягегида о любян», Этина в «Спартаке» и особенно в роли леди Макбат,—это плоды ее лично вдохновенного, трепетного проинкновения в истинирую бездну сценических образов. Здесь без культуры, темперамента и, повторяю, фанатизма, подвига съставляни ничего бы не состоялось. Искусство — тайна!

Только поэтому возможно, что вечно сомневающаяся в себе, старающаяся быть почти незаметной, трепетная Нина Тимофеева, как ни-кто, создает в нашем балете характеры властные, гордые, непреклонные, порою жестокие. Парадокс! Возможно. Но творчество, чем оно значительнее, тем

многосложнее, и истоки его неоднозначны.

Тимофеева создала свою леди Макбет настолько тонко и мощно, психологически объемно и в то же время кристаллически прозрачно, что хочется верить—эта ее роль войдет в галерею классических образов нашего театра.

В «Макбете» мы увидели молодую Нину Семизорову. Талант отвый, ликующий, сочетающий выякологийные внешине данные с огром-ным желанием постччь все тейны мастерства такца. Интервеен, орги-лаен образ веди макебе, очерченный ериод.
Виктор Барыкинь. Его Макбет— нервый, реакий. Может, исполне-ние еще пором скованно, но это его первая большая трагическая роль,

и в ней уже проглядывают истинная артистичность, тонкость, такт. Впереди годы работы, штудии. .И снова я невольно слышу тихий голос Улановой на репетиции

в просторном пустом зале: «Нина, пожалуйста, повтори...»

Памятники культуры - гордость человечества. Не всем и не всегда это было ясно. Ныне мы эрим огромные усилия нашей страны со-хранить эти бесценные ценности. Каменные плиты сегодия гово-рят: «Охраниется государством». И это прекрасно! На диях мне довелось видеть пятисотый спектакль «Жизели» Ада-

на. Это один из последних оставшихся на сцене Большого театра

почти в первозданной чистоте шедевров классического балета.

"В заколдованной роще движутся в завороженном ритме, подобно ожившим мраморным ботиням античности, величественные и бессмертные души некогда живых, любящих, счастливых и несчастных дея, обретшие реальное сценическое воплощение. Что-то непередавае-мое, неотразимое заключено в этом волнообразном, повторяющемся перемещении озаренных таинственным светом белоснежных виллиснепреклонных, гордых.

менрешлиямы, что волшебные огни, загорающиеся в глубине нари-сованной рощи, суть электрические лампочин; что Жизаль, летя-щая в озаренных луном облажау, лесто лишь статистка: почти заметен стапьной трос, удеркивающий ее в воздухе. Но ты не ви-дишь, не хочешь видеть и замечеть всю эту бутафорню, потому что тебя покорили чары прекрасного— музыка, балет! Ворожба такце-вальной кантилены самоб Жизели— меперрывкого движения, растворенного, протянутого в пространстве. Да, это магия: таково истинное

искусство, где стерта грень реального, таниственного, мечты, будней. Казалось бы, бесспорна истина, что Рафазля или Рембрандта не надо да и нельзя «перелисывать». Если есть желание сказать новое слово, необходимы новые усилия, чтобы создать новую красоту. Это аксиома. Почему же считается хорошим тоном в балете не беэто акснома, почему же считается хорошим тоном в балете не бе-речь класких, переписывать заново шедевры, существующие на пла-нете как вехи прекрасного? Это не означает, что не надо идит вперед, класти. Рубенса или Брюплова? Неужели музыка Ватнера или Рахма-нинова надойливо заставляет нас забыть звуки творений Баха или Глинки! Ведь «театр Островского» никак не исключает «театр Чехова»...

Недо идти вперед, искать силуэты нови, но при этом нет нужды вызывать Эрмитажи или Лувр. Так же, как не надо отнимать у людей радость общения с шедеврами классического «белого балета»

Палитра современного искусства многоцветна и многозвучна. Особенно это ощущается в нашей стране — поистине сокровищнице, овенно это ощущается в нашен стране—поистине сокровищинце, творческой купели народов, принесших в общую культуру Земли свои краски, свои слова, свои ритмы. Сохраним же достойно жемчужины классического балета, давшего своей родине непреходящую мировую

Небольшая комнатка. Два трельяжа, умывальник, в углу старомодное трюмо. На нем, до самого потолка—ворох балетных пачек. Пустые сте-ны... Свет плафона дробится в зеркалах.

Лифт. Коридоры, каменные ступени. Проход. Брезжит свет. За поро-Лифт, Коридоры, каменные ступени, проход, ореазмит свет, зе почуж-гом сцены, радом с первом кулисой, къваратива дощечка с насы-панной канифолью. Черный пужтам, Красныю киюпки: «пускя и жстол». На бетонной стем курпеным бужтами: «Курить воспрещается». Только что кончили стучать молотки, утмога спешка. Привычные нервные будим. Пустыния сцена большого газгра. Мит чуткой тишены. Откудаето

Пустынна сцена Большого театра. Миг чуткой тишины. Откуда-то сверку, из темного хося ползут неслышно декорации. Занавис закрыт. За ими мелечет огромный зрительный зал. На сером, гладком как лед нолу—балерина. Одна. На зобие плеч наброшен калат. Леди Месбет... Варут тенцовщица встала на пуенты, склюнила голозу, вскинула тонкую руку. Замерла. Синий холодиный свет остро блеснул по гладко уложенной прическе. Отбросил колкую тень на стинку буте-форксого роны Встымкум, металь. Продъямит ладони занавестраторию. Тех тико, металь продъямит ладони занавестраторию. Тех тико, мях бывает перед грозой, когде камется, что слышны замус обственного своды.

шишь звук собственного сердца. Театр...

Композитор Кирилл Молчанов ★ Ведьмы — Владимир Деревянко, Сергей Соловьев, Сергей Громов.

ΑΛΕΚΟΑΗΔΡ ΠΡΟΚΟ

Дм. МОЛДАВСКИЙ

Я знал его очень долго, с моих детских лет: он дружил с монми родителями. Много раз я писал о нем — были книги и статьи; пришлось писать некролог, потом вос-поминания... И только сейчас, когда о поэте говорим уже в прош-лом, а о юности его — в далеком прошлом, начинаем понимать масштабы его работы.

Убежден: рядом с нами ходил очень большой поэт. Подлинный. Глубокий. Новатор и человек, свя-то чтущий историей данные ему

традиции. Его жизнь началась на берегу Ладожского озера — Ладоги, в рыбацком селе Кобона. Помните?

О Ладога-малина, Малинова вода, О Ладога, вели нам Закинуть невода.

Лес, лодки, вода и небо. Детство было суровым, впрогодетство облю суровым, впрого-лодь. Но звучали песни, попевки, частушки. Любовь к ним поэт со-хранил навсегда. В Питер он пошел учиться... Сотни, тысячи книг прочитал в учительской семина-рии— на всю жизнь запомнил стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова... Но узнал и другое — идеи революции носились в воздухе.

А потом:

Шеп Октябрь. Небо тучами черными хмурил... Лес раздел, обнажил, оставляя

Революция — ветер. Революция — буря. Революция — сердце мое!

Новые песни, новые стихи. Молодой коммунист Александр Прокофьев впервые идет на фронт. На защиту Красного Петрограда, на Юденича. Читая его стихи тех далеких лет, скромные газетные строки, вспоминаешь то песни Демьяна Бедного, то «Окна

РОСТА» Маяковского. И приходят на память строки «Песни о баяне»— знаменитой песни А. Прокофьева: «По лесам, долинам и полянам, вдоль прикам-ских, волжских берегов все с баяном, ой, да все с баяном мы ходили, ходили на врагов. Покрыва-ли нашу землю росы, и под вет-ром в милом нам краю завивались ленточки матросов, и летели конники в строю».

Но это потом — спустя много

А через несколько лет после гражданской войны он вспоми-

В семнадцатом (глохии, ремантика мира!) мы бились, как черти, в доск Изжлый безусым пошел на френт, а там бородой

Мы — миллионы людей осстрашных, те, что разрушили гнет.

По всем иноземным морям и странам слава о нас идет. На тысячу тысяч верст знамена— красный бархат и шелк,

Огонь, и воду, и медные трубы каждый из нас прошел.

Потом он учился, потом стал некистом. Гордился доверием на-

Первых стихов Александра Прокофьева читатель при его жизни не знал. К таланту своему поэт относился осторожно, ранних стихов не перепечатывал, не вспоминал. Уже после смерти Александра Андреевича были найдены их

Среди них был набросок лирического стихотворения, видимо, экспромт. Нет, конечно, это не лучшее из написанного поэтом, но как пример школьной подражательной разработки темы («под Есенина»), того, что впоследствии было преодолено А. Прокофьевым, это, пожалуй, интересно: «Я отдам любимой сердце с кровью, но зачем подчас бываю груб? А теперь припал бы к изголовью. И теперь припал оы к изголовью. И искал бы мягких, сладких губ. И просил бы ласки и участья. И бы-ла б не просьба, а мольба. Крик о капле маленького счастья для худого скверного раба. Разрешн смиренному смириться (я прошу участья твоего). И позволь немножко наклониться к изголовью солнца моего. Я отдам любимой сердце с кровью. И теперь не бу-ду больше груб. И припал, припал бы к изголовью. И искал бы мягких, сладких губ». (Публику-

ется впервые.) Очень слабы подражательные строки про «худого скверного ра-ба» или «И позволь немножко на-клониться» и др. Но есть и силь-ные — о том, что «была б не просьба, а мольба» или об «изголовье солнца моего».

ловье солнца моего».
Период ученичества у А. Про-кофьева был достаточно долгим.
Но читатель, поразившийся силе его «первых» стихов—«Песен о Ладоге», «Незнакомки» и др., вошедших в коллективный сборния «Разбег», а потом в его первую остоятельную книгу «Полдень» (1931), о них, разумеется, ничего не знал... А вот стихи из первого сборника запомнил:

И головой со мною вровень Неясная, но хороша. Она идет пунцовей крови И легковесней камыша.

...И, в сердце радостное скомкав, Туманный облик стерегу:

Я много слышал, незнакомка, О вас на дальнем берегу. Прекрасные стихи, в блоковской

Безусловно, у раннего Александра Прокофьева мы найдем влияние и Александра Блока и Владимира Маяковского; где-то по касательной прикоснулись еще и Николай Клюев, и Николай Асеев, и другие поэты, имена ко-торых он так щедро вспоминал под старость в своих стихотворе-

Но это одна традиция, традиция современной литературы, внутрилитературных влияний.

Но была и традиция иная — традиция народного творчества, традиция фольклора, самовитого, трепетного и взрывного народного слова, традиция, окутывающая Александра Прокофьева. Мне приходилось рассказывать ему о поездках по далеким странам, по неблизким краям. Но по-настоящему заинтересовывался Александр Андреевич и слушал уже не «вполуха» (как он сам говорил), а с полнейшим вниманием, когда

речь шла о народном творчестве. Он и сам прекрасно пел народ-ные песни. Он хорошо знал былины и причитания. И обожал частушки, не всегда подходящие для цитирования в юбилейной статье, но, могу заверить читателя, блистательные. И обожал, когда собеседник «выдавал» заряд частушек, которых он, Александр Андреевич, еще не знал.

Еще в начале тридцатых он был гостем заводов, строек, воинских частей — об этом можно прочесть

Он был делегатом Первого съез-

да советских писателей. Его стихи о Родине и родном го-роде завоевывали сердца, порой становились песнями: «Коль жить да любить — все печали растают, как тают весною снега... Звени, золотая, шуми, золотая, моя зо-лотая тайга!»

С первого часа, с первого взрыва Отечественной войны он ощу-тил себя мобилизованным. Поэтическая публицистика, стихотвор-ный репортаж — все было взято на вооружение А. Прокофьевым:

Умрем, но не допустим (Нам воля дорога) (Нам воля дорога) К Невы широкой устью Проилятого врага!

Всегда, разговаривая с Алек-сандром Андреевичем, я пора-жался его знаниям— и поэзии и русского фольклора. У него была даже игра такая: выбирается какое-то слово, ну, скажем «ле-бедь». И каждый из присутствующих должен сложить на это слово частушку. Великолепное знание фольклора проявилось в прекрасной его поэме «Россия», написанной в годы Отечественной войны.

ой в годы Отек.

Сколько звезд голубых, сколько синих, сколько синих, сколько синих, сколько гроз, сколько гроз, сколько гроз, сколько гроз, сколько гроз, сколько гроз, сколько голько голько голько голько голько голько Соловьиное горло — Белоногие пущи берез.

Да широкая русская песня, Вдруг с каких-то дорожек Сразу брызнувшая в поднебесье По-родному, по-русски

Он был художником слова, на-турой целостной, могучей. И в поэзии и в жизни.

«Придумывать» стихи Александр Андреевич не любил. Хитроспле тения сюжетов ему были беско-нечно чужды. Он любил простоту, не ту, как он сам говорил, «которая хуже воровства», а просто-ту мастерства. Сам он был мастером в полном смысле этого сло-ва. И стихи его рождались из сложных, порой ассоциативных связей, начало которых возникало в увиденном клене, весеннем цветке или в цветовой гамме дня, а продолжение приходило из фольклора (причем, разумеется, не только из того, что он слышал и запомнил когда-то в детстве, но и из того, который он вниматель-нейшим образом изучал всю свою жизнь), а потом возникали сложные ходы движения стиха:

Я точно знаю, кто впервые Давным-давно сказал: «Не трусы!» Тогда сказала так Россия, Россия... Если кратко — Русь. «Смотри! Потом ведь

Если кратко — Русь. «Смотри Потом ведь кто-то спосокт. Не трусь, а значит — спосокт. Тогда дружав в бедь коросит и побоятся бить враги». Коросит и побоятся бить враги». Кодил немало по Руси, Ес надутствию поверия, кот см верей — сам спороси; у кто и верей — сам спороси; у кто домоя с нолькое должным должным

Книга «Приглашение к путешествию» показала подлинную народность поэта, его глубокое знание песен, присказок, легенд, живущих в памяти России.

Он был настоящим поэтом. И стихи были его жизнью. Была да-

ФЫ-В

же какая-то магия стиха у этого человека. Я незадолго до его смерти посетил Александра Андреевича в Комарове. Мы сидели недалеко от ворот, так что он мог видеть движение на улице. Только, по-моему, он мало что видел — был он выключенный, сонный, уставший. И слушал меня невнимательно, вполуха. А за воротами проходили какие-то люди дачники. И вдруг мы одновременно увидели женщину с кувшином в руках. И Александр Андреевич процитировал: «С кувшином охтенка спешит, под ней снег утренний хрустит».

Прочитал и будто очнулся! И заговорил живо и заинтересованно, будто глотнул животворный напиток. Помню, о чем говорили, — о литературе начала тридцатых годов, рапповской критике... Потом Александр Андреевич устал и будто снова начал впадать в сон.

Глоток Пушкина на какое-то время оживил его. Я, может быть, н сам бы не поверил, если бы не был тому свидетель!..

Я кончаю свой рассказ о поэте. За окном ветер поздней осени, колышутся вершины сосен. Стынет вода залива.

И вот уже, взрезая волны, бегущие ровными рядами, белый теп-лоход идет к порту. Ритм волны все ощутимее, яснее. Вдали купола, башни, краны, гранитные стены, как скалы. Ритм подхватывают двигатели машинного отделения, ритм в далекой портовой музыке. Это ритм стиха. Волны у носа корабля омывают надпись «Александр Прокофьев». И вот уже из и стуков рождаются стихотворные строки:

«Как живешь ты? Были штормы?»— «Выли!

леко я в море уходил. кеан. что конь, по шею в мыле, олько пену сбрасывал с удил!>

Это строки из стихов Александ-ра Прокофьева. Есть там и такие

Слава о тебе прошла, ликуя, И вблизи и в далях боевых. О тебе молва прошла, тоскуя, Прогремев, что нет тебя в живых! Нет, живой!

И мизе.
Ты идешь, задорен и упрям.
Нет, живой ты!
Ибо всем известно— И мимо скал отвесных

не ходят по морям!

Будем думать о человеке, н чавшем свой путь солдатом революции и ставшем ее поэтом, о тонком лирике, мастере русского стиха, певце родной природы.

Будем думать о поэте-Социалистического Труда, лауреа-те Ленинской и Государственной

Будем думать о живом Алек-

Л. НАТОЧАННАЯ

Мороз стоял крепкий, так и скрипел под ногами снег. А в до ме было тепло и уютно: жар шел от расписной изразцовой печи. Захотелось подойти и отогреть руки, да заодно рассмотреть, как она изукрашена. И впрямь на ди-зо хорошо: на каждой кафле берег морской. Невиданное дере во раскинуло свою зеленую кро-ну. Бьются у его подножия изумрудные волны. Вдали темнеет за-мок. Тучи набежали на светлое небо. И происходят на том берегу

события невероятные...
Что эта печь! В стародавние вреена в каждом здании были «печи в пестрых изразцах», как скачи в пестрых изразцах», как ска-зал А. С. Пушкин, и одна краше другой. А как же иначе! Какой русский дом мог обойтись без нее! Ну и старались умельцы угодить своим заказчикам: что только не изображалось — родная фло-ра и фауна, нужедальние страны и народы, диковинные звери и птицы, библейские сказания, картинки русской жизни, сюжетные сценки — либо комические, искрящиеся юмором, либо поучительные, даже душевное состояние человека отражено было. Вплетали в рисунок надписи: одна, с изображением грустной птицы, вещала, что «поет печально», другая сообщала, что персонаж, на ней запечатленный, «собирает овощи», третья признавалась, что герой «показует себе путь дальний»,

РУССКИЙ ИЗРАЗЕЦ

иная свидетельствовала, что тут пристроились «олень дикий» либо «собака гончая»,

Выставка «Русский изразец» из собрания Государственного Исторического музея, на которой показаны образцы этого искусства, разместилась в приземистом здании бывшего певческого корпуса Новодевичьего монастыря. Подобставлена впервые. Вобрала она в себя около двух тысяч творений русских мастеров XII — начала XX века. Хронологический принцип расположения экспонатов дает возможность познакомиться с основными этапами развития русского изразцового дела, корнями своими уходящего во времена Киевской Руси.

Придя на смену белому резному камню, облицовочная керами-ка в XV веке стала широко использоваться для наружного декора зданий. Возобновилось производство цветных глезурей, за-частую с рельефным изображе-нием. Свидетельство высокого мастерства русских керамистов — панно «Распятие» XVI века из Борисоглебского собора города Старицы. Выполненное в теплых тонах, оно создает ощущение глубокой человеческой скорби и трагичности, которое чувствуется в согбенных фигурах героев, в безутешных ликах ангелов, парящих

С благородством и пониманием меры созданы терракотовые печные кафли XVI века, густой зеленью отливают «муравленые» — первой половины XVII, радуют глаз многоцветные рельефные «фряжские» (то есть на заграничный манер), покрытые эмалями,— второй половины XVII века, времени расцвета русского изразцового искусства.

Один из замечательных тогдашних керамистов, Степан Иванов сын, по прозвищу «Полубес», создал рельефные, выдержанные в палитре «пятицветки», фигуры евангелистов в человеческий рост. У Луки здесь хитровато прищурены глаза, нос «уточкой», глубокие горькие складки у рта. Борода черна, как смоль, оттого незащищенно-белой кажется шея. Хоть одеяние его и соответствует традидии и прижимает он к себе священное писание, так и кажется, что этот святой «списан» с натуры: встречались на Руси такие в меру плутоватые, в меру простоватые мужички. Уж не за колдовское ли умение прозвали Степана

Полубесом? XVIII век внес новшество: / лась архитектура, и ненужной ста-ла наружная облицовка керами-кой. Зато повезло печам — только их и стали декорировать каф-лями. Камерность применения из-менила характер самого изразца: он становится гладким - рельеф уходит. Роспись на исконно русский образец прасочна и жизнера-достна. От восемнадцатого века старается не отстать и девятнаизготовление керамической продукции, она технически совершенна и по-своему оригинальна: например, красочными панно и кафлями славился завод М. С. Куз-

В конце прошлого столетия попытались было возродить само-бытную русскую керамику. Многое для этого сделала Абра ская мастерская, особенно М. А. Врубель. И поныне любуемся мы работой содружества дожников и керамистов: майоли ковым панно на фасаде гостиницы «Метрополь», чудесными каминами в музее-усадьбе «Абрамцево». Еще одна артель художниковгончаров, «Мурава», горячо под-держала это начинание. Они превратили в сказочный терем один из домов в Соймоновском проезде в Москве, изготовив для него великолепное керамическое уб-

...Бродишь по залам и удивляешься тонкому умению известных и безымянных русских искусников, запечатлевших в глине сказочную красоту. Щедро знакомит выставка с творчеством русских изразечников. Экспозиция дополнена интерьерами, в центре копечи или камины. Здесь же предметы обихода соответствующей эпохи: мебель, светец, кованый секири ий замок, медный рукомой, бра и многое другое, что передает дух и атмосферу вре-

ПРОДАТЬ ВСЕХ. ПРОДАТЬ СЕБЯ...

Действие трехсерийного телеви-зионного фильма «Рафферти» , по-ставленного по одноименному ро-

«Рафферти», «Ленфильм», 1980

ману Лайонела Уайта, перемосит нас в современную Америку. Главный герой фильма Дмек "Раффернии — предстает в качество свидетеля перед момиссией по расслядонии — предстает в качество свидетеля перед момиссией по расслядоно у «обычного чиновинка» сетакора дела он станет румовыственного искора дела он станет румовыственного истел, что озамычает деньеги и власты.
И мы с вами наблюдаем не процесс
и моме обычного чиновинка сетапоризовлю с том даленом-даленом
прошлом. Мы видим последствия,
кривается чудовищия, почти невероятная глубина человеческого
падентя.

крывается чудовина человеческого падения.

— Ты же знаешь, — говорит Раф-ферти одному из своих коллег, — если мне что нужно, я на все пой-

ду. И он действительно идет на все И он действительно идет на все. Выгораживая себя, дает поназания против старого друга, деводя его тем самым до самоўбиства; любящую его женщину отправля-ег в наложинцы к одному из проф-союзных боссов в обмен на буду-щие «толоса избирателей». А перед тем, нак совершить очередное пре-дательство, лицемерно задыхает: А. СОКОЛОВ

К. РАШ Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Кто на нас не помнит с детства эти странные географические на-звания — Кума и Маныч, рек, по звапах—минам которых проходит гра-ница между Азией и Европой на Северном Кавказе—«по Кума-Манычской впадине», как пишут в учебниках. Впадину проезжий че-ловек не увидит, вокруг, насколько охватить можно глазом, бескрайняя равнина под куполом си-него неба. Серебрится ковыль на склонах балок, низины устилает душистый чебрец, над головой заливается жаворонок, да кружат ястребы в поднебесье, и бежит по степи Кума-хлопотунья. Речка с виду неказистая, но важная. Воды ее не просто мутны. Они поразительно мутны. Кажется, это не вода, а глина во взвешенном состочнии

Но даже такая энергичная река еще недавно, не добегая до Каспия, терялась, обессиленная, в пе-сках за Нефтекумском. Теперь ее, сках за Нефтекумском, тегоро-куму, как под руки, каналами бережно до моря доводят. Вода здесь так нужна, что маленькая река не только делит части света, но и дает название четырем районам — Нефтекумскому, Левокумскому, Зеленокумскому и При-кумскому. Последний, впрочем, теперь вновь переименован в Буденновский район. Он расположен на востоке Ставропольского края. Буденновск до революции назы-вался Святой Крест. Заштатный сонный городишко, основанный во времена Павла, в гражданскую войну оказался в центре револю-ционных бурь. На площади Святого Креста белые казнили героя гражданской войны Ивана Кочубея. Там теперь памятник знам нитому комбригу. Город освобо-дила прославленная Святокрестовская дивизия

Последние пять лет Буденновск сходит со страниц центральных и особенно местных газет. Он стал популярен. Сюда идут потоки грузов со всей страны и из-за границы. Спешат командированные, едут стройотряды, пылят самосвалы, заседают штабы. Сло-вом, кипит стройка на окраине Бу-денновска. У самого берега озера Буйвола в степи вырос заводгигант.

Пять лет назад молодой дирекгор новополоцкого производственного объединения «Полимир» Дмитрий Михайлович Лукин был назначен директором не существовавшего еще Прикумского завода пластмасс в городе Буденновске. Отрасль отдавала стройке свои лучшие командные кадры. Ставропольский край сделал то же самое. Сам Буденновск послал на стройку тысячи людей. Специалистов подбирали опытных, не теряющихся в нестан-дартных обстоятельствах,— ценились опыт и решительность.

В 1975 году Д. Лукин вместе со

своим водителем Николаем Шуровым, уроженцем Буденновска, приехали на пустырь у озера Буйвола и без свидетелей и музыки забили первый колышек в основание будущего завода. Потом этот колышек превратился в 770 тысяч свай под различные сооружения. И какне сван!

В этих краях ветры ураганные не редкость. Город и его ок рестности покоятся на тридцатиметровой подушке из прессован-ной пыли, тончайшей, как пудра. Это без всякой метафоры тысячелетий, неутомимая работа ветров. Чтобы загнать сваю на двадцатиметровую глубину, сначала бурят шахту. Туда вставляют каркас из металлической арматуры, потом под давлением в шахту загоняют бетон. Сто пятьдесят километров труб разного сечения из металла, керамики, чугуна, стали и пластмасс идут к заводу под землей. Столько же труб под са-

Зам. управляющего трестом «Промстрой-2» Н. П. Кавтеладзе.

мим заводом, а сколько их над Что тут творилось горячей лет-

ней порой — и не передаты Гул механизмов, рев самосвалов, вспышки сварки, мелькание тысяч касок, пыль столбом. Пятьсот ставропольских студентов за лето ос-ваивали миллион рублей. В пико-вые периоды число строителей доходило до десяти тысяч. И это в районе, где, по словам руково-дителя треста «Промстрой-2» Стедителя треста и променров - опана Геворковича Махмуряна, еще недавно даже захудалого СМУ не было. Здесь трудились люди со всех концов края.

Степь тут не любит шуток и ничего не делает наполовину. Коли жара, то под сорок - горит и трещит земля, высыхают реки, опаленные зноем; коли мороз, то тоже под сорок, и те же бедные реки промерзают до дна. А коли задует черная буря, то пиши про-пало. Вой, стон над землей, мрак кромешный, не то чтобы солнца, а пальцев вытянутой руки не видно. Строители это пережили.

Пока строился завод, его будущие специалисты, начальники цехов, смен, аппаратчики обучались на родственных предприятиях в Союзе и за рубежом. Завод установил контакты со многими научно-исследовательскими института-

ми. Особенно крепкие узы связывали его с Институтом катализа Сибирского отделения АН СССР. И все это во имя того, чтобы возвести крупнейший в Европе завод, который обеспечит стране почти треть прироста производства попизтипона

По существу, это завод-полуавятия сам равен солидному предизводство. Каждый день оно будет потреблять эшелон бензина нз Грозного. Намечается протянуть нитку бензопровода из Нефтекумска — это за 80 километров от Буденновска. Из бензина тут от руденновска, из оензина тут будут получать не только поли-этилен. Бензин пройдет через огонь, воду и трубы, его будут кидать то в жар, то в холод, сжи-мать и вновь отпускать, то доводо газообразного состояния, то вновь превращать в жид-KOCTh.

В процессе полимеризации жидкий этилен кипит в реакторе, опускается вниз во взвешенном состоянии и выходит на свет божий чистым белым порошком. В другом цехе его вновь разогреют и, выдавливая, как макароны, разрежут на гранулы, потом ссыплют в мешки, запакуют — и на платформы. Всеми операциями управляет ЭВМ. Но даже на этом автоматизированном заводе будет забочих, причем рабочих очень высокого класса, ибо завод - поспелнее спово химической инлустрии.

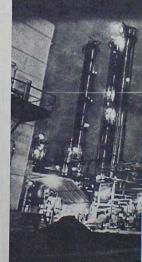
Разглядывая грушевидные реакторы-великаны, невольно задумываешься: как их доставили сюда? Ты можешь и не запавать этот вопрос. Все равно тебе расскажут про эту эпопею — столь же сложную, сколь и смелую операцию перевозки реакторов из Ленинграда в прикумские степи.

Лукин со своей командой оказались при этом на высоте. После тщательного анализа всех возможных вариантов доставки реактора из Ленинграда и через Каспий и через Черное море грушевидный великан весом шевидным великан весом в 210 тони поехал по Онеге, Ладо-ге, Волге, Дону в озеро Маныч-Гудило, а там от села Дивное посуху до Буденновска. Каждая разгрузка и погрузка — целое событие. Речники никогда с такими махинами дела не имели. Лукин появлялся на пути реактора при самых драматических ситуациях, казавшихся безвыходными. Опыт, упорство, смелость выход подсказывали. Реактор вев более двести тонн был пронесен по воде и по степи бе-

режно, как янчко. К каким только хитростям, уловкам не прибегали в пути. Под мо-стами притапливали баржу с контейнером, приподнимали провода электропередач. Озеро Маныч не судоходное — не беда. Чтобы под килем было хотя бы 20 сантиметров, подкачали из соседнего Пролетарского водохранилища воду в озеро Маныч. Два тягача,

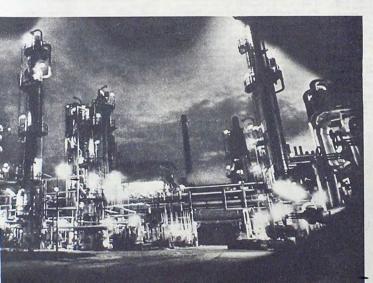
Зажгансь отни нового запола

BCTEMM

Один из лучших аппаратчиков завода, Николай Батухтин.

«Ураганы», тацили реактор спареди, а третий придерживал сади на стусках. Малые мосты обходили. Насилали новые дорогк и обхедные путн. Самые большие испытания выпали на суще. Скорость 8—10 километров в час. Десяток машин сопровождения. Могуние «Ураганы» реаут. Медленно поляет по степи груша в 25 метров длиной. Картина как из фантастического фильма. Реактор собрал тысячи любопытных буденбыла торисетемной, можит так потрясены виром. можит так потрясены виром. можити и положены, чтобы сфотографироветься у реактора.

ваться у реактора. Кончили строить первую очередь завода, а уже забивают сваи для втором. Оча даст винилацетат для пластиков и эмульсию для лаков и красок. Здесь будут получать и полипролилен для всевозможных отделочных материалов и труб.

Прикумский завод пластьнаества для зарешних гстроителей и руководителей еще одини и потаганием на прочность, деловитость, мобильность. Но все начиналось не задесь, в Буденновске, а на берегу Кубани, в Невиниомыстем, четерть вена назад, когда там был заложен гигант нефтехими. Невинка — старт большой химин Ставропольз. Потом был Чермесск, а теперь Буденновер.

Стоит лишь вспомнить Невинку, беседуя с ветераном стройки, и сразу же твой собеседник настраивается на лирическую ноту. «О, Невинка!.. Так то же моя моло-дость». Это молодость и заместителя начальника «Промстроя-2» Нодари Платоновича Кавтеладзе, и годари глагоновича кавтеладзе, и секретаря крайкома партии Ве-ниамина Георгиевича Афонина. Когда шла стройка в Буденнов-ске, Афонин был заведующим отделом строительства крайкома партии. Вениамин Георгиевич знает завод пластмасс вдоль и поперек. А спросите его: «Как это было в Невинке?..» Там он начинал инженером, стал секретарем горкома партии. Невинка теперь целая школа в нефтехимин. Она поставляет кадры другим городам. Станет ли такой же школой Буденновск? Покажет будущее. Сейчас коллектив завода органично включается в многогранную жизнь города. Хоть и принято говорить, что завод построен на пустом месте, но это не совсем точно. Он строился в тяжелейших условиях, без строительной базы, но не на пустом метом одзы, но не на пустом ме-сте. Привязка к местности была безупречной. Рядом сырье. Бу-денновск на ветке железной дороги, и к тому же дальше поезда не идут. К нему тяготеют пять соседних районов. Сюда они везут на элеватор зерно. Отсювезут на элеватор зерню. Отсю-да развозят по районам товары с базы потребсоюза. Здесь лучшие медицинские учреждения на во-стоке края. Тут крупнейшая лен-тоткацкая фабрика и, наконец, трест «Прикумскводстрой» с пятью тысячами рабочих дает воду, а значит — жизнь. В районе треть дипомы утимския строи. треть миллиона тонкорунных овец. Буденновск знаменит своим виноградом. Разве это «пустое место»?

И все-таки в этой бескрайней степи между Европой и Азней, где летом кружат лениво ястребы в энойном мареве, ничто так не порамает, как возинкций сверхсовременный химический гигант. POMAH

Рисунки М. ПЕТРОВОВ

7

Осторожно, словно бы все здесь было хру-стальным, и стены и любые отдельные пред-меты, Даша передвигалась по мастерской. Ей хотелось и все сразу охватить одним взглядом и вникнуть в каждую подробность. Она знала, что все эти сотни и сотни полотен, натянутые на подрамники или вставленные в багетные рамы, а теперь небрежно приставленные к стене и тыльной стороной повернутые к челове-- все эти неисчислимые стопы рисунков на бумаге, уложенные в папки или попросту крест-накрест связанные крученым шпагатом и взгроможденные на плотницкой рукой сделанные стеллажи.- только малая часть труда художника за двадцать лет. Что-то передано в музеи, что-то подарено или продано, а больше всего — выброшено в мусорную корзину или предано огню. Мастерская Андрея Арсентьевича была оборудована центральным водяным отоплением, но по согласованию с пожарной охраной в зимнюю пору он устраивал большие аутодафе в просторном, заснеженном дворе. Иначе ему и повернуться было бы негде.

Даша первый раз в жизни была в местерской жудожника. Она любила бродить по картинным галереям, только времени мало было для этого, любиле читать кинги и смотреть кинофильмы о великих мастерах кисти. Но это было все равно что рассматривать гербарий вместо живых цветов, растущих на тихой лесной поляные. Покулать в магазине душестую спедить мысленно путь зерна с момента, когда его бросят в эемлю, загем заботливо вырастят из него на поле тучные колоска, сожнут их, обмолотат, смелот, просезот, заквастя дрожками

и превратят в хлеб.

Оне видела результаты труда художника, была зачарована ими, но она не видела самого живого груда художника, не вливалась в его душу, которую он вкладывает в свой груд. Все это для нее было загадочным и священным. Оне остро, хотя и неосознанно, чувствовала, где подлинное вдохновенне, а где бескрылое

ремесло.

И вот она ходила по мастерской художника, перед картинами и рисунками которого всегда испытывала потаенный восторг. Почему? Она не сумела бы объяснить этого. Это был е е художник, частица ее духовного видения мира. А может быть, она сама была такой частицей в понимании мира этим художником Все равно. Важно, что они совпадали. Любая картина, отделенная от ее создателя, жила собственной, независимой жизнью. Она могла быть величайшим произведением искусства, но все-таки для Даши она оставалась только картиной, свидетельством степени одаренности художника. В мастерской же Андрея Арсентьевича его работы были продолжением его личности, его жизни. Вот потому здесь все и было хрустальным. И на самого художника Даша смотрела с таким же внутренним трепетом, как и на его картины.

Ей очень хотелось понять, увидеть самой, как это делается, как замысел художника

Продолжение. См. «Огонек» №№ 34-48.

превращается в линии и краски, единственные линии и краски, способные о жить под рукой мастера. Рисовать и сама Даша умела, в школе получала патерии. Но это была просто добросовестной, высокой и даже высточайшей техникой произаны были работы многих профессиональных художников, жинописцев и графиков, которые доводилось ей видеть на выставиях и в повседневности,— иллосторации в кингах, кортины и эстамлы на стенах квертир и учреждениеских ломещений.

и учрежденческих помещений. Смотреть на эти произведения искусства было приятно, порой они будили какие-то далекме ассоцнации, создавали мастрение, но остаться с ними и поговорить неарине, как с живым человечемом, как с собственной совестью, хотелось с немногими. Избраниыми. Работы Андрея Арсентвения для Даши все были из бран и ыми, даже те, которые не обладали особо высокой техничестью своего исполнения. Его рисунки и картины жи ли, советоваться, споры и преню расговарявать, словетоваться, споры и преню расговарявать, сладая на иих. Даша чувствовале себя внутренне оскорбленной, когда при ней кто-то равнодущно перелистывал мину с иллюстрациями художника А. Путинцева.

Она много раз пыталась представить себе, как же выгладит внешие сам этот Путинцев. И не могла представить. Он как бы по размерам своим не въмецался в рамки ее воображения. И не потому, что он был гигантом, нет, а потому, что ее рамки для него были тесны. Ясно ей было только одио: этому тесны. Ясно ей было только одио: этому стовеку можно верить. Как невъзя не верить и

его искусству.

И когда он апервые появился в их лаборьторин и спросип, ен называя себя, может ин он видеть Герьанна Петровича Широколама, даша баз колебаний, почит автомогисский исворила: «Да. Андрей Арсентъевич, даша И уилвилась тому, что на его пице, в свою очерець, отразилось удивление: откуда она его знеят А как же начечето? Но это был немой обмен ватлядами. Очень быстрый, потому что Даша, зарревшись тут же вскочила и открыла ему дверь в кабинет своего начальника.

Монечно, не так уж совсем неожиданным было появление Андрея Арсентывачна. О нем не раз говория Даше Гомен Гемен Семен баз говория Даше Гомен Гемен Семен баз говория Даше Гомен Гемен Семен баз говория Даше которым для него интересем в двух отношениях Во-первых, как знаток горной сибирской тайги, с которым можно было бы скооперировать нункую для собственной научной работы Германа Петровича поездку в тубь этой тайги; во-вторых, как илиостратор и оформитель книги, давно готовящейся к пуб-ликации по тематическом глани должно потрат в том поездку в том поездку в тубь этой тайги; во-вторых, как илиостратор и оформитель книги, давно готовящейся к пуб-ликации по тематическом глани должно поездку в тубожного поездку в тубожного поездку и укрожника есть и свой интерес—обещенные ему извлеченые страиных изданий из бабушкиных сундучков,— встречи с ним будут желаным и половны.

Герман Петрович даже сказал доверительно даше, что на данном этапе количество этих астрем важнее их качества, то есть это может выть и пустой болтовней. Главное — в ходе быть и пустой болтовней. Главное — в ходе этих частых бесед приучить Путинцева к мысти, что их соммествый покод по сибирской тайге — дело твердо решенное. И приказал Даше постепенно и негороливо — время есть и его можно еще подрастянуть — обойти всех сотрудников НИИ и в частном порядке выяснить, кто и какими богатствами для Путинцев — располагает. Все собрать, сконцентрировать здесь, а выдвать художнику малыми порицямы

Даше и тогда этот заговорщический топ не поправняся. Художникя Путинцева опи сполобная по его рисункам прежде, чем услащала что-лябо о нем от Германы Петрозиче, не приказания начальника выполнять немо, не приказания начальника выполнять немо. Нем отправилась в обход по всему институт. Ей повезло. Кой-что быстро, уже через ческолько дней, оказалось у нее в руках кой-ито быстро, ока в пообещали поискать в квартирных гомых кладовушках и на дачах, а нейболяе отзычивые и радетельные согласились постращивать еще и своих закомых.

Коль схоро определениях часть собранных Дашей стариных кладаний уже могла быть по редана по назначению, акконерен был и приход Путинцева за ними. И Даше дала. Но день за днем возникал перад бинетом Широколапе размые посетители, а Путинцевым инкто из них не назывался. Да если и назвался бы, Даше ему не поверила бы, Когда же вошел Он, ему называться не было надобности.

Рэтовор за закрытой дверью показался Даше недолгим. Тренькнул звоночек, и она поднялась, перед зеркальцем поправила волосы

и пошла на вызов.

Герман Петрович сидел не за начальническим своим столом, а на диване, рядом с художником, и что-то энергично ему рассказывал. — Знакомътесь,— предложил он, широко распахивая руки.— Андрей Арсентьевич Путинцев.

— Я знаю,— сказала Даша, опять совсем автоматически, не дав закончить фразу Герману Петровичу.

 Откуда? — невольно выговорил и Андрей Арсентьевич.

— Не знаю...
Она смутильсь совершенно, понимая, что действительно ей этого двумя словами никам не объяснить. Интунция, что ли, подсказала! Но это годилось бы в непринужденной беседе, а не здесь, в офрицальном кабинеге, хотя начальник вполуразвалочку и сидит на диване. Но так он частенько сидит и в своем креспе.

 Не знаю, в растерянности проговорила Даша, видя, что Андрей Арсентьевич поднимается с дивана, чтобы подать ей руку.
 Герман Петрович нехотя тоже встал, хлоп-

нул Дашу по плечу покровительственно.

— Мож научная энщиклюпедия— щедро сказал он,— мож типография и мой великий виры. Дария Ивановых Лариненова. Хотя почему она Дария, а не Дарыя, решительном понять не могу. Поэтому, для удобства и краткости именуется просто Дашей. Поскольку на бущиее, дорогой Андрей Арсентьевым, вам

временами придется прибегать к ее посредничеству, прошу иметь это в виду.
— Дария Ивановна...— начал Андрей Арсентьевич, неловко делая нажим на букву «и» в ее имени.

 Называйте Дашей, умоляюще попросила она.
 Спасибо...

И Даша заметила в его устапых глазах теплый, дружеский огонек. Андрей Арсентович стап ее расспрацивать, когда и кок он смог бы ознакомиться с рукописымым материальми той кинги, которую сейчас он согласился иллюстрировать, и когда он смог бы получить уже для собственной своей работы стериниме из-

дания. Застигнутая врасплох, Даша не знала, как

ему ответить.

— Там еще очень большая перепечатка...—
ненятно сказала она. И прямо-таки съежилась, представив себе, какую адову работу,
прежде чем начать перепечатку, должна про-

СВИНЦОВЫЙ МОНУМЕНТ

делать она по приведению рукописи в порядок, по выверке фактов, цифр и научной тер-минологии, по выправлению стиля и устране-нию грамматических нелепостей и ошибок. Львиная доля рукописи принадлежала перу Широколапа. А она ведь была его «энциклопедией» и «великим визирем», не считая «типо-

графии»— пишущей машинки.
— Созвонимся, обо всем созвонимся,— то-ропливо включился Герман Петрович, боясь, чтобы Даша по наивности не раскрыла некото-рые задужанные им ходы.— Можно ведь и по частям знакомиться с материалом? Заходите, Андрей Арсентьевич, почаще. Путь к нам от вас нетрудный, на метро всего три остановки.

И Андрей Арсентьевич и звонить и захо-дить к ним согласился. Его очень интересовали старинные издания. В меньшей степени - грандиозная рукопись Широхолапа. Но волею Германа Петровича все это было некоторым обра-зом соединено вместе. И волею Германа Петровича Даша выдавала Андрею Арсентьевичу старинные издания небольшими порциями, внутренне страдая от своего соучастия в тайном заговоре, в который она вложила и еще одну, неведомую Широколапу, собственную долю. Она стала аккуратнейшим читателем Ленинской библиотеки и библиотеки иностранной литературы по разделам, интересовавшим Андрея Арсентьевича, записывала на свое имя нуж-ные ему книги, альбомы и атласы и приносила ему. Добывала многое и по межбиблиотечному абонементу.

Она, возможно, и открыла бы Андрею Арсентьевичу всю превду, рискуя при этом потерять служебное расположение Германа Петровича, а вместе с ним и рабочее место, которым по семейным обстоятельствам очень дорожила, она бы это сделала, если бы заметила хотя малейшее недовольство или сомнение со стороны Андрея Арсентьевича.

Но он звонил и спрашивал: «Дашенька?»почему-то легче это выговаривая, нежели «Да-ша». Она радостно ему отвечала: «Да-а, Анд-рей Арсентьевич, да...» И не дожидаясь второго вопроса: «Мне можно прийти?» — добавля-ла: «Приходите, Андрей Арсентьевич, прихо-дите! Кое-что новое есть для вас».

Его сразу же в своем кабинете принимал Герман Петрович, иногда приглашая и «великого визиря», а чаще один. Вел не особенно долгие разговоры, а потом Андрей Арсентьевич подсаживался к столику Даши и вместе с нею просматривал приготовленные для него материалы. Этот совместный просмотр ему очень нравился, потому что Даша-«энциклопедия» тут же давала очень важные и необходимые справки и разъяснения, ею для такого разговора заранее тщательно выверенные и проработанные по первоисточникам. Иначе она не могла.

Бывало, и он что-нибудь ей рассказывал о своей работе, о хождениях по тайге. Даша слу-шала его, замирая, ей казалось, что это самые счастливые минуты в ее жизни, она приобщается к великому таинству искусства через одного из создателей прекрасного, она душой входит в тот мир образов и мыслей, которым наполнен художник. Таежные побывальщины Андрея Арсентьевича только усиливали эти ощущения. Жизнь этого человека в ее понимании неразъединимо сливалась с искусством.

О себе говорить ей было нечего. Вот тут вся она. А дома... Зачем знать Андрею Ар-сентьевичу, что у нее дома?..

Она ему во всем доверяла. Но именно поэтому не хотела ничем огорчать, не предполагая даже, что Герман Петрович уже давно посвятил Андрея Арсентьевича во все житейские невзгоды, с достаточно развязными комментариями насчет неумения Даши находить ключи к их решению.

«Не чувствует мой великий визирь времени, - завершил Герман Петронашего вич.— Но, между прочим, она совсем на по-роге той поздневесенней поры, когда может оказаться не девушкой, а... девой. Старой, как в старину и говаривали. Видите ли, десять лет она не может свалить со своей шеи параличную мать. Будто мы живем не в соцналистическом государстве, где существуют для безнадежных инвалидов разные пансионаты, дома для престарелых или как их еще там, дома эти, называют. Любовь к родной матедома эти, называют. Люсовь к родной мате-ри! Извините, да эта же «родная» для нее сделалась давным-давно жестоким тираном! А к тирану какая любовь? Ей кажется, сложилась проблема неразрешимая. Но это же вовсе не «квадратура круга», это «гордиев узел», и нужен для его рассечения самый обыкновенный меч самого обыкновенного Александра Македонского».

Александра македонского».
И не могла догадаться Даша, что этот гру-бый рассказ Германа Петровича, наоборот, в особенности расположил к ней Андрея Ар-сентьевича. С такой же доверительностью, как обо всем, кроме грустных домашних дел своих, разговаривала с ним Даша, он поде-лился с нею творческими замыслами, упомянул и свою «квадратуру круга». Пригласил взглянуть вообще на некоторые свои работы. Законченные и незаконченные. Именно поэтому Даша и очутклась в «хрустальных» стенах его мастерской.

Андрей Арсентьевич не любил писать порт-Андреи Арсентьевич не люомл писать порт-реты. Они ему не удавались. Кроме четырех: Ирины, Ольги, Зыбина и Юрия Алексеевича. Любой из них он и сам не знал, как возни-кали на листах бумаги или полотне. И остались жить навсегда. Но только для него. И не для показа посторонним.

дия показа посторонним.
Его «по доброму знакомству» просил
Широколап. Просили Зенцовы.
«Ну что вам стоит, Андрей Арсентьевич, потратить на нас всего несколько часиков! Право, так приятно в доме иметь собственный живописный портрет, да еще принадлежащий кисти известного художника».

При этом Зенцовы намекали, что в их доме бывает много именитых зарубежных гостей, и кто знает, если им понравится работа Андрея Арсентьевича...

Широколап туманных далей перед Андреем широколап туманных дален перед Андреем Арсентьевичем не открывал. Он просто убеж-денно считал, раз у него есть знакомый ху-дожник, этот художник не может не написать его портрета. Это же совершенно ясно. Аз-

бучно. И все-таки Андрей решительно отказался. Заявил, даже с некоторым раздражением, что

устал повторять: портретная живопись — не его жанр. А заниматься грубой мазней он по-зволить себе не может. И тут же, чтобы по оюво атичтям итроижомерв подарил им несколько превосходных этюдов.

Виды сибирской тайги.

Он отказался выполнить просьбы Широколапа и Зенцовых, но между тем начал тайно набрасывать портрет Даши. Тайно — потому, что этот портрет лишь медленно зрел в его воображении и еще настойчиво не просился на бумагу или полотно. Андрей знал, что если он его и напишет, то не иначе как в если он его и нати ше, то не иначе как в таком же не поддающемся рассудочному осмыслению порыве, который его охватил, когда он в одну ночь создал жи в ую Ири-ну. Портрет Даши мог быть только «пятым», живым или же никаким.

В зрительную память Андрея постепенно или Дашины глаза, темно-серые, чуть с голубизной, всегда внимательные, немного усталые и враз точно бы вспыхивающие внутренним огоньком, когда ей доводилось слышать что-то радостное, приятное. Тогда она открыто, от всей души хохотала, тут же стараясь себя остановить, тянулась рукой к губам, прикрывала их, а глаза приобретали ви-новатое выражение. Вот, мол, какая ты не-управляемая—что подумают люди? Однако ж эта робость, стеснительность не превращали Дашу в простушку, они лишь хорошие черты ее характера, незлобного, по-кладистого человека.

Даша была умна, и броское словечко Широколапа «энциклопедия» принадлежало ей по праву, оно точно соответствовало всему ее облику, но не резко подчеркивая это, а как бы смягчая тем же внутренним светом. Даша не блистала красотой, ее лицо было самым обыкновенным и даже несколько неправиль-ным в своих пропорциях. Широковаты скулы, ным в своих прогородиях широкована сулья, но узок подбородок, отчего и губы казались припухшими. Брови потому особо притягива-ли взгляд Андрея, что в одну из них — левпивался зазубренный короткий шрам, след глубокого пореза или ожога. О таком простом, некрасивом лице уважительно говорят — милое. Оно милое еще и потому, что его нельзя назвать нежным, девичьим, но нельзя и сказать, что оно женской зрелости.

Самым примечательным был Дашин голос. И Андрей не раз ловил себя на мысли: ах, если бы можно было его нарисовать! Снимая телефонную трубку и слыша ее удивленнорадостное и вопросительно-утвердительное: «Да-а, Андрей Арсентьевич, да...» — он уже видел Дашу. Как она, тряхнув головой, откидывает волосы и словно бы не телефонную трубку прижимает к щеке, а голову склоняет к трубке. Видел ее губы, полные, слегка шевелящиеся и тогда, когда она сама не говорит, а только слушает своего собеседника. Она порою придыхает, опускаясь на низких тонах в беззвучие. Но тут же голос обретает прежнюю силу и чистоту и потерянные было слоги удивительным образом становятся на

свое место, не разрушая цельности ее речи. Каждый раз, уходя из лаборатории Широко-лапа, Андрей Арсентьевич уносил с собой и ее голос. Он звучал потом долго-долго, не мешая ему ходить по улицам, читать книги, сидеть над своими рисунками. Более того, он помогал ему, подсказывал лучшие художественные решения. Он не заменял точных и властных требований Ирины, он просто тон-ким лучиком света бежал перед его собст-

венной мыслью.

Однажды Андрей Арсентьевич впрямую попытался спросить Дашу, какого она мнения о прихваченном им с собой эскизе оформлео призвеченном имя стором налага суром ния одной детской книги. Даша отшатнулась испуганно: «Андрей Арсентьевич, я не знаю. Мне все ваши работы очень нравятся». Это не было лестью. И не было вежливым притворством. Даша обладала достаточно выпритворством. Даша обладала достаточно вып

соким вкусом, чтобы отличить удачу любого художника от его неудачи. В работах, выполненных Андреем, она искренне и никогда не видела неудач. Суровая критика Ирины Андголос Даши тоже очень помогала. Добрый голос Даши тоже очень ему помогал. То, что он мог с нею легко разговаривать, особенно по телефону. было очень по телефону. рею Арсентьевичу очень помогала. Добрый

особенно по телефону, было уже хорошо. Потом свободнее двигалась рука.

И вот Даша впервые ходила по его мастерской. Она разглядывала картины, этюды, готовые рисунки и карандашные наброски. Андрей Арсентьевич, в свою очередь, издалека разглядывал Дашу, с расстояния уточняя мысленный ее портрет, во многом не совпадавший — если бы оно было сделано с ее фотографическим изображением. И внутс ее фотографическим изооражением. И внут-ренне тормествовал: ему, кудожнику, под-властно то, что недоступно инкакому фото-графу. А ему, Андрею Путинцеву, сейчас ви-димо то, что осталось бы невидимым для любого другого художника.

ца бережно перебирала упругие листы ватмана, приготовленные для сдачи редколле-гии «Атласа фауны и флоры СССР». На них были изображены колонки, ласочки, горностан, сибирские белки — краснохвостки, нохвостки, летяги. Все это было в увеличенном размере перерисовано с какого-то ном размере перерисовано с кокого-то по-желтевшего от времени альбома, добытого ею у своих сослуживцев. Этот альбом, рас-крытый, лежал тут же, рядом. И Даша не могла оторвать взгляда от рисунков, иногда

чуть скашивая глаза на альбом. — Андрей Арсентьевич — наконец проговорила она,- вы простите меня. Там, в этом альбоме, все зверушки выписаны таким же тонким пером, как и ваше. Но там это рисун-ки, а у вас они, ну, совершенно живые. Я вижу, как они шевелят усиками, горностай дергает хвостиком, а ласочка ползет на животе. Неужели, когда их напечатают, ваших зверушек, они тоже умрут, станут только картинками? Это же страшно.

 Не знаю, Дашенька, не знаю,— сказал Андрей, несколько озадаченный ее вопро-сом.— Машины типографские, конечно, даже самые лучшие, в какой-то степени уб перо и краски художника, но вы в самом деле видите, что мои зверушки сейчас живые?

А вы? Разве вы не видите этого? Андрей задумался.

мидреи задумался.

— Для меня это все представляется как-то иначе,—проговорил он.— Когда для худож-ника — для меня — заходит речь о живых существах, исчезают понятия — живое и неживое. Есть законченная работа и незаконченная. Если белка шевелит усиками, значит, этот мой рисунок просто закончен. И только. сидит и грызет кедровую шишку, стало быть, она живая и должна шевелить

- Почему? А если она притаилась или задумалась?

 Тогда у нее в глазках должен быть дру-гой блеск. Или по-другому изогнута шейка. Но не может живая белочка выглядеть наби-

— А почему на старом рисунке, в альбоме, она набитое чучело? И вот эта летяга у вас. Не подумаешь, что она и вправду может

— На чужом рисунке не знаю, Дашенька. А эта летяга вот почему...— Он взял угольный карандаш и жирно, из угла в угол, перечеркнул свой рисунок.

Даша отчаянно вскрикнула.

— Что я наделала, Андрей Арсентьевич! Зачем я это сказала? Такой прекрасный рису-

нок, столько работы, и вы...
— Только та работа чего-нибудь стоит, когда эта работа закончена. Спасибо, что вы

— Нет, нет, я не должна была говорить! Какое я на это имею право? Мне так показалось, а вы уже сразу... Не сразу. У меня было время для оцен-

ки. И больше, чем у летяги, для того, чтобы ей слететь с этого дерева. А вас я прошу говорить все, что вы думаете. Зачем же я пригласил вас в свою мастерскую?

Андрей Арсентьевич понимал, что Даша очень расстроена, волнуется. Как успокоить ее? Он подвел Дашу к натянутому на подрамник большому полотну, стоящему у стены и прикрытому бязевым покрывалом. Сдернул

— Не тревожьтесь, эта вещь была уже много раз перечеркнута и заново переписана,— сказал он.— Что с ней будет дальше, не знаю. Но при вас я ее не трону. Скажите, как бы вы назвали ее?

Даша, зачарованная, долго разглядывала картину. Потом сказала умоляюще:

- Андрей Арсентьевич...

— Говорите, Дашенька, говорите! Смелее. — Н-ну, я назвала бы... «Падает лист». Нет,

это неправильно... Такая большая картина. А листик березовый всего один... Нет... Не могу. Все так прекрасно! А вы сами как ее назвали?

- Для других никак не назвал. Потому что она не закончена. А для себя, помните, я вам рассказывал...

— Эта? Эта... еще не закончена? — В глазах Даши отразилось нскреннее недоумение. И вдруг новая мысль еще больше привела ее в смятение.- Вы же говорили мне... о «квадв смление.— вы же говорили мие... о «квад-ратуре круга». И не рассказывали о ее содер-жании. А здесь... Какая же здесь «квадратура круга»? Даже иносказательно.

Только в нерешенности задачи. И, боюсь, ее действительной неразрешимости, Дашенька. -- Андрей Арсентьевич поднял покрывало и вновь набросил на картину.- Вот вы назвали ее: «Падает лист». А заходил ко мне на днях товарищ мой фронтовой, генерал, человек, в искусстве весьма понимающий, он «После бури». Потом подумал немного и поправил себя: «Перед бурей». И принялся нахваливать мою работу. Я его спрашиваю: «Послушай, Альфред Кристапович, как можно говорить добрые слова о кар-тине, в которой даже не поймешь, что про-исходит?» А Яниш мне отвечает: «Почему «не поймешь»? Падает одинокий березовый лист (это и ваши слова, Дашенька), тайга замерла в неподвижности. Так бывает и перед бурей и после бури. Вот и выбирай сам, что тебе больше иравится». Я ему снова: «Но какая-то определенная разница в приро-де есть: «перед» или «после»? И тогда все же что там, на полотне?» Яниш: «Когда я смотрю на тебя, Андрей, меня мало интересует, ты еще не позавтракал или уже по-завтракал. Я вижу: художник работает. И это для меня главное. На твоей картине работает березовый лист. А состояние тайги... это меня не касается». Спрашиваю: «Значит, тайга на картине вообще не нужна?» Он: «Нет, почему же! Нужна. Без нее и этот лист падать не будет». Я: «А причина? Отчего же он падает? Зеленый, свеженький. Это не осень...» Яниш: «Стоп! Ты мне очень помог, Андрей. Спасибо. Зеленый, крепкий лист, конечно, перед бурей не мог оторваться! Значит, картина «После бури». Теперь я спра-

иваю вас, Дашенька, вы с этим согласны? — Андрей Арсентьевич в обласны? HIMBAIO должна ответить?

— Прошу... Только прошу. Даша тихо переступила с ноги на ногу, точ-

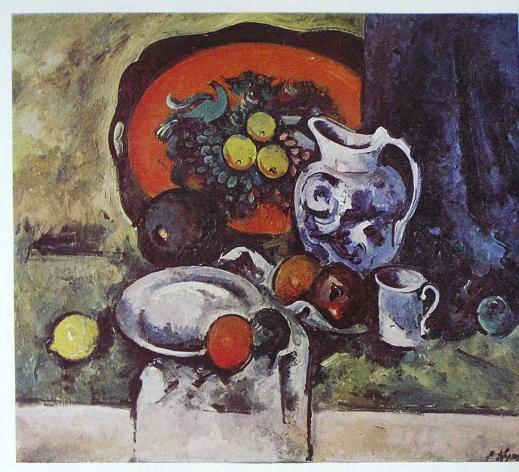
но школьник перед учителем. Андрей Арсентьевич, с рассуждениями вашего товарища я согласна,— наконец сказала она.— А с самой картиной... Нет, не могу... Я видела ее очень мало.

- Разглядывайте, сколько захочется. Андрей Арсентьевич с готовностью сдернул покрывало с картины и ушел в дальний угол мастерской к рабочему столу. Чтобы не смущать Дашу, он принялся просматривать газеты, лежавшие с утра непрочитанными. Разты, лежавшие с утра непрочитанными. Раз-вернул одну, другую, и взгляд его упал на скромную рубрику на последней странице «Известий». Там напечатано было сообщение: «Президнум Верховного Совета СССР назначил т. Седельникова Алексея Павловича чрез-

вычайным и полномочным послом...х

Рука Андрея Арсентьевича упала. Он даже не дочитал, в какую именно страну — куда-то в Африку — назначен Алексей послом Советского Союза. Вот так, с далекого Севера сразу в жаркие тропики. Теперь с ним не встретишься, не поговоришь, как бывало, пока он работал в обкоме партии. Сколько раз в год ни приводили бы его деловые обстоятельства в Москву, он всегда находил часок-другой повидаться со старым другом. Приглашал погостить у него: хорошая область, хорошие люди, и дела, в общем, идут хорошо. Алек-сей — такой же быстрый, неугомонный, ре-шительный. А все же что-то в нем надломилось после гибели Ирины, избегает говорить о ней, щека начинает подергиваться. И вторую жену свою в разговорах редко называет Зиной, чаще — Зинаидой Варфоломеевной. рую жего динаидой варфоломет зиной, чаще — Зинаидой варфоломет и никогда очень уважительно называет и никогда бывало, рассказывал с с той простотой, как, бывало, рассказывал об Ирине. Поздравить бы его с новым назначе-нием. Только на какой адрес посылать ему

Даша стояла перед Андреем Арсентьеви-

А. Куприн. НАТЮРМОРТ С КРАСНЫМ ПОДНОСОМ. 1950.

А. Куприн. ТОПОЛЯ. 1927.

Государствениая Третьяковская галевся.

чем опять как ученица перед строгим преподавателем. И он видел по лицу Даши: ей страшно выговорить то, что она должна сказать. Не надо вынуждать человека. Андрей зать. пе надо вынуждать человека. Андреи Арсентьевич молче наклонил голову. Взял кисть Дашиной руки в свою руку— какие у нее тонкие, маленькие пальцы!— похлопал сверху ладошкой.
— Да,— сказал он,— Дашенька, да. Это

белка-летяга. Ваши слова: «Не подумаешь, что она и вправду может летать».

Она выдернула руку, спросила встрево-

— И вы эту свою «квадратуру круга», свою жестокую муку, опять начнете решать зано-во? Зная, что решить ее невозможно?

Но вам ведь картина понравилась?
 Понравилась. Очень.—И на губах Даши промелькнула недоверчивая улыбка.—Вы ее

не будете трогать?
— Я ее буду трогать,— твердо сказал Андрей Арсентьевич.— Еще много раз стану заново переписывать. Но, кроме вас, пока я над нею работаю, больше ее никто не увидит. Нет, нет,— поспешил он добавить, заметив отчаяние на лице Даши, — в этих моих словах нет никакой символики, всю тяжесть решения возлагающей на вас. Работать и дальше над этой картиной — просто потребность моей души. Я не могу оставить ее незаконченной, а она не закончена, вы и сами в этом убедились, значит, я должен продолжать работу. Закончить ее невозможно...

- Оставить так! — вскрикнула Даша. — Андрей Арсентьевич, умоляю, оставьте так. Она

прекрасна

- ...закончить ее невозможно, потому что это квадратура круга. А еще в восемна-дцатом веке Парижская академия вынесла постановление: не рассматривать никаких проектов вечного двигателя и решения задач о квадратуре круга, трисекции угла и удвоении куба. Отсюда любое мое решение «насъратуры круга» никем не должно быть принято. Зачем же я буду показывать — опять ваши слова — эту мою «жестокую мух», что от мух вальной видемий Тем бо-Парижской академии? лее зная, что в решении задачи скрыт ложный ход. Но Яниш, как всегда, упрям. А вы, Да-шенька, спасибо вам, пересмотрели свое отношение...
- Я ничего не пересматривала, в ужасе сказала Даша. И раскинула руки: Я стану вот так и от вас буду защищать вашу картину. — Даже при том обстоятельстве, что тайга на ней, как белка, задумалась, не шевелит

усиками, а в глазах у нее — у живой! — живого блеска нет? — Мне все равно, есть этот блеск или нет.

Там все живое!

Андрей Арсентьевич покачал головой. Нет, Дашенька, живой там только па-дающий лист. Один-единственный. И вы это видели. И вам стало страшно, что нет в кар-

тине гармонии движения...

— Есть оно, это движение! Вокруг земли не может двигаться солн-це и весь небосвод. Это доказали еще Галилей и Коперник.

— Ну вот, и не должна двигаться ваша тайга! И пусть один листок только и падает.

— Это иллюзия движения. Движения падающего листка. Он не мог начать своего падения, когда у меня весь лес написан так, как написан. А рука художника, моя рука, давно уже умеет — как, я не знаю,— умеет застав-лять нарисованных черных тараканов бегать по бумаге.

 Каких тараканов? — растерянно спросила Даша.

— Когда-нибудь при случае расскажу.— Андрей Арсентьевич рассмеялся.— Это было очень давно и к делу не относится. Хотя и очень давно и к делу не отполнить, когда вы поняли, что на моей картине солице и все звездное небо вращаются вокруг земли!

— Мне стало страшно, да, Андрей Ар-сентьевич, да! Но я испугалась, что вы начтете кортину исправлять. А исправлять ее не иедо. Сама земля ведь и тогда была прекрас-на, когда, по убеждению древних, она поком-лось на трех китах. Немножечко сказки, не-множечко необыкновенного и неправильно-то—в искусстве это ведь лучше, чем таблица

- Хорошие слова. И мне легко. Значит, вы

поняли, почему я сказал, что, кроме вас, никто картину эту больше не увидит.
— Не поняла,— ошеломленная, ответила

- Мне нужно, чтобы кто-то иногда защи-

И запнулся, Как он не подумал, что его слова ведь можно истолковать и так, что он обращается к Даше с просьбой стать для него... Кем? Советчиком? Другом? Помощницей? Он не посмел продолжить эту мысль. Но почему же он хочет выделить Дашу наособицу? Разве Яниш при всем его упрямстве плохой для него советчик? А Яниш — великолепный знаток искусства. Разве товарищи по профессии, другие художники, которых он хотя и дичится, но общается с ними все-таки повседневно, меньше помогут ему, чем это сумеет сделать Даша, в «защите его от себя

CAMOTON? Пока он в первый раз не появился в лаборатории Широколапа и Даша, увидевшая его в первый раз, не сказала уверенно: «Да, Андв первыи раз, не сказыва уверовного зад, эпа-рей Арсентъевич, да...» — разве до этого она, ему совершенно неведомая, имела какое-то значение в его жизни и для его работы! И если она сейчас уйдет из его мастерской и вообще уйдет, что-нибудь от этого изи если она сеччас ундет из его мастерской и вообще уйдет, что-нибудь от этого из-менится? Он перестанет работать так, как работал? Ирина приучила его быть к себе беспощадным. А теперь он ищет от самого себя чьей-то защиты. Устал? Может быть, и

— Андрей Арсентьевич,—услышал он сквозь суматошность своих мыслей озабоченный го-лос Даши и понял, что она по-прежнему во власти иной тревоги,- почему вы не хотите оставить все так, как есть? Зачем вам нужна какая-то всеохватная гармония движения? Тогда ведь этот одинокий лист не будет выделяться. А от него сейчас я взгляда своего оторвать не могу. Как раз потому, что он один. И движется, падает. Андрей Арсентьевич, я, наверно, глупая, но скажите мне— я как-то, балуясь, ладонью прикрыла улыбку Джоконды, и, знаете, она глазами не смеется. Улыбка на губах и глаза у нее чужие, разные. Это два человека. А руку уберешь — Мона Лиза одна. Со своей улыбкой и со своими глазами.

- Дашенька, в том-то и беда, что на моей картине все наоборот. Чтобы добиться в ней единства, мне надо прикрывать рукой все, кроме падающего листа. А что тогда останется

- Но вы же сами сказали, Андрей Арсентьевич, что ваша «квадратура круга», как и геометрическая квадратура круга, никогда не будет разрешима. Так зачем же тогда ее

— Чтобы искать чудо. Если хотите, улыбку Джоконды. Она под кистью великого Лео-нардо возникла сама. Это не было позой Моны Лизы. А в искусстве оказалось чудом.

У вас тоже белки шевелят усиками.
 А летяга не хочет летать. И березовый

лист падает без причины. Даша вздохнула.

 Никогда я не думала, что художником быть так тяжело. Мне казалось, если талант, у него сразу все хорошо получается. И жизнеописаниям художников, особенно в рома-нах, не очень верила. Считала, что там драматизм искусственно, для интереса, нагне-тается. Я пойду, Андрей Арсентьевич? Мне

как-то даже жутко становится, что я в такую тайну вашу забралась. Извините, пожалуйста. — Это не тайна, Дашенька, это работа. И проводил ее до двери, спросил, не очень и проводил ее до двери, спросил, не очень ли она угомилась от долгого и, наверно, скучного разговора. Пообещал, что в другой раз станет показывать рисунки, не вызываю-щие никаких сомнений и споров, и с внутренним удовлетворением услышал Дашин ответ, что сегодняшний спор для нее был охном совсем в другой мир и что она этот день-

в мастерской художника — долго не забудет. Андрей Арсентьевич вернулся, сел к столу, взялся читать газеты. Смотрел на крупные заголовки, а смысла их не улавливал. Он видел Дашино лицо. Ее то недоверчивую к садел дашино лицо, се то недоверчивую к се-мой себе, то радостно-счастливую улыбку. И всегда в отличие от Моны Лизы совпадав-шую с ее взглядом. Скорей, скорей лист бу-маги, көрандаш... Смахнул газеты на пол. И не оторвался от работы, не разогнул спины, пока в десятом, пятнадцатом, пятидесятом вапока в десятом, пятнадцатом, пятидесятом ва-римите—он не считал, конечно,— не появи-лась Дашина улыбка. Такой, какая она есть и какой ему хотелось ее видеть. Улыбка— только, а на остальное сил у него уже не

Разминая плечи, Андрей Арсентьевич встал. И лишь теперь заметил, что вместе с газета-ми сбросил на пол и тоненькую, почти квадратную бандероль. На ней был обозначен обратный адрес: Светлогорск, от Н. Г. Алихановой. Кто такая?

новои, кто такая; Разорвал оберточную бумагу бандероли. Сборничек стихов некой Надежды Алихановой, изданный в Светлогорске. Оформлена книжка старательно и все-таки провинциально. Обязательная кедровая ветка над контурами далеких гор. И золотом понизу вытисненное название книжки: «Течет река време-ни». Нечто грустное. И философическое. Вер-

нее, претенциозное?
Он приподнял твердую корочку переплета. На белом форзаце, очень мелким, четким почерком было сделано авторское посвяще-Андрею Арсентьевичу Путинцеву

Надежда, как Татьяна, письма не слала к Вам. Поэт ведь знает сам: стихи не без изъяна И все ж перо бежит (не будьте слишком строги!). рука моя дрожит, слагая эти строки пусть в смехе или плаче.я не могу иначе. Не побоясь молвы, я спрашиваю прямо: счастливы ль Вы? A s? Teneps -

селая дама.

Подпись: Н. Алиханова. И постскриптум: «Мне очень тяжело. Простите. Но почему-то я вспомнила Вас».

Андрей Арсентьевич тоже вспомнил: «я марка невест» у Седельниковых, Надя, Намерке невесть у Седельниковых, Надя, На-дежда Григорьевна, враж, канадиат изук, бу-дущий доитор меациинских наук, «исследова-тель» его электрокердиограмм и реитгенов-ских снимков... Только почему Аликановай Гогда у Нади фаммлия, камется, была другая. На обороте титульного листа в издательской аннотации он прочел: «Это третий сборник

стихов светлогорской поэтессы, удачно сочетающей свое творчество с основной работой: она профессор медицинского института главный врач...»

И тогда прорезался в памяти драматический рассказ Серафимы Степановны Зенцовой, которая после санатория поддерживала переписку с Ольгой. Зенцовы, как это бывало частенько, оказались у Широколапа одновременно с Андреем.

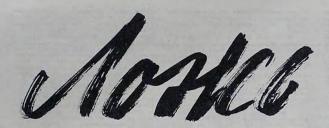
Он тогда не очень вслушивался в этот рассказ, а Серафима Степановна говорила о некой женщине, хорошем докторе, вышедшей замуж за вылеченного ею превосходного человека, в долгой и трудной борьбе прямотаки отнятого у смерти. А счастье их корот-кое подстерег случай. Пошли вдвоем весной на прогулку за реку. Цветы, птички поют, светлая радость по всей природе разлита. светлая радость по всей природе разлита. Вернулась же черной ночью одна. У мужа внезапный приступ сердечный, а патрончик с нитроглицерином остался дома в другом джаке. Жена не проверила, жена-докт Каково-то ей было там, на цветущей поляне, закрывать мужу глаза?

Конечно, это Надежда Григорьевна.

Что написать ей в ответ? Счастлив ли он? Андрей Арсентьевич обвел взглядом свою мастерскую, кипы связанных папок, отдельные листы бумаги с рисунками, разбросан-ные где попало, полку с выстроенными в ряд ста сорока двумя проиллюстрированными книгами, «квадратуру круга» с лежащим на полу возле нее бязевым покрывалом.

Рука его нечаянно коснулась Дашиного лица. Он не отвел ее, но побоялся пальцами дотронуться до ее губ, таких живых, кощундогромуться до ее гуо, тама живава, кошутьственно погасить светлую, недоверчиво-радо-стную улыбку. Что ответить Надежде Гри-горьевне? Далекой и давней «Татьяне», тогда не приславшей к нему письма...

Продолжение следует.

Цезарь СОЛОДАРЬ. специальный корреспондент «Огонька»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСПУТ У СТАНЦИИ СЕН-ПОЛЬ-МАРЭ

Поглощенным неусыпными заботами о спешном издании антисоветской стряпни. сионистам, естественно, не до забот о просмонистам, естественно, не до забот о про-изведениях замечатслымых мастеров еврей-ской демократической литературы во фран-нузских переводах. Подчернивая—во фран-цузских, я прекіде всего имею в виду шите-ресы читателей-евреев. Не владея языком идиш, они могут получить представление о творчестве Шполом-Алекма, Менделе Мойтворчестве шолож-гленкема, инпедел положер-Сформма, Ицхона-Лейбуша Переца только на том языке, на каком слышали с колыбельных дией на французской земле материнскую речь, на каком учились и общаются с окружающими.

Когда вышло последнее издание, скажем, Шолом-Алейхема во французском переводе? На этот вопрос я не мог получить точного ответа даже в парижской библиотеке сионистского «культурного центра». Моло-дой сотрудник и пожилая сотрудница биб-лиотеки сначала затеяли спор, а затем солиотеки свачала затемли спор, а затем со-гласились, что давненько не видели нового издания, А можно ли рассчитывать в бли-жайшие годы на новое издание? Вот этого

уж в Париже никто не знает.

Многие вспомнили там о Шолом-Алейхеме, возможно, только после торжественной церемонии вручения Советским Союзом в дар ЮНЕСКО живописного панно известного художника Ильи Глазунова «Вклад народов Советского Союза в миро-«вылад народов советского союза в мися-вую культуру и цивилизацию». Сред нов-дающихся деятелей культуры конца XIX— начала XX века наряду с Чеховым, Чай-ковским, Блоком, Шаляпиным, Чюрлёни-сом изображен и Шолом-Алейкем, Что побудило талантянвого русского ху-дожиния Илью Глазунюва изобразить на своей сложной многофитурной композиции

замечательного еврейского писателя-демо-крата? «Советский Союз населяет множест-во наций, народов, больших и малых народ-ностей, этических групп,— сказал худож-ник журналистам.— Каждая из них — но-

ник журпалистам.— Каждая из них — но-ситель самобытой, оригивальной куль-туры, уходящей кориями в толщу веков». Как не сопоставить такое подлинию ин-тернационалистское убеждение русского художника с укоренившимол в среде меж-дулеродного сноизэма оскорбительным предународного сионизма оскорбительным пре-небрежением к творчеству еврейского писа-теля-демократа! Сколь бы демагогически им твердили они, что «некоторые сочние-ния ППолом-Алейкема длот повод к вы-сменяванию евреев другими народами», та-мое сопоставление не в пользу сионистов! Моя встреча с библютекарими «культур-ного центра» проходила на глазах трех просматривавших жураналь посетителей — женщимы и двух мужчин. Когда я вышел из библиотеки, они на улице, близ станции метро Сен-Поль-Марэ, заговорили со мной.

Окончание, См. «Огонек» №№ 46-48.

Отрекомендовались членами «интеллекту-альной сионистской организации». Не по-желав назвать ее, немолодой дантист, наи-более словоохотливый, заверил меня: — Нашу организацию гораздо больше

волнует еврейская культура, чем то, на ка-кую точно сумму Америка даст оружие Израилю. Теперь вы понимаете, почему нас так возмутили вопросы, которые вы зада-вали библиотекарям? Можно подумать, что в ваших библиотеках так легко прочитать Шолом-Алейхема на русском!

Не только на русском. На украин-ском и белорусском. На языках других

советских народов.
— Скажите честно: вы лично часто берете в библиотеке Шолом-Алейхема?
— Зачем в библиотеке. У меня есть много его книг в различных изданиях. Чаще всего я обращаюсь к шеститомнику.

выпущенному к столетию писателя. Целых шесть томиков?

 Не томиков, а объемистых томов.
 В редакционную коллегию этого издания входили хорошо мне знакомые люди.
— Например? — последовал недоверчи-

вый вопрос.

— Например, известные русские писа-тели Всеволод Иванов и Борис Полевой. — Наверно, ови уж постарались,— под-кватил дантист,— чтобы ни в один том не вошло то, что у Шолом-Алейхема написано только для евреев!

У писателя не могло быть и не было

ни единой строчки, написанной только для евреев. Это бредовая выдумка.
— Что вы все о Шолом-Алейхеме? вмешался в разговор спутник дантиста — молодой, но уже лысоватый человек в спортивной куртке. — Боже мой, разве еврейская литература ограничивается только им одним!

 Конечно, есть немало других талант-ливых еврейских писателей, — согласился я. — Скажите, пожалуйста, кто из них особенно популярен у вас и чаще других из-

Лантист пошептался со своими спутниками и запальчиво ответил вопросом на во-

— А кто, по-вашему, заслуживает этого? Я вспомнил прозаика Давида Бергельсо-на, справедливо названного советским поз-Ароном Вергелисом продолжателем лучших традиций классической литературы на еврейском языке, возглавившим после смерти Шолом-Алейхема реалистическую

смерти шолом-глениема реалистическую школу в еврейской прозе.
— Бер-гель-сон? — насмешливо пере-спросила женщина.— Готова поспорить на что угодно, что в Западной Европе ни одим еврей не зиает, кто он такой, ваш Бергель-

сон, и что он написал!

- Если вы такой тонкий знаток Бергельсона, — задумал поддеть меня молодой человек, — то, надеюсь, хоть одно его про-изведение запечатлелось в вашей памят! Следовало бы, вероятно, назвать широко Следовало ом, вероятно, назвать широко известный советским читателём роман «На Диепре», неоднократно издававшийся на многих язывах народов Советской страим. Но я, не раздумывая, назвал расская «Дикир-Дикиро», запоминацийся мне, отвендию, еще и благодаря отличному русскому переводу И. Бабеля.

 О чем же этот рассказ? — испытующе спросили меня.

О потерявшей мать маленькой италь- О потернящем мать маленьком италь-явской девочке. Отец, полуниций офици-ант, увез ее за границу. Тяжело ей на чуж-бине. И только распевая итальянские пес-ни, девочка забывает о голоде, о подтачивающем ее туберкулезе, о страшной жизни в трущобах Нью-Йорка...

Ясно: чистая политика! — всиричал пантист

дантист.
— Ваш Бергельсон призывает ненави-деть Штаты, — обдала меня ледяным взгля-дом женщина. — А заодно и друзей Шта-TOR

тов. — А про то, как ужасный президент Картер прислушивается к еще более ужас-ному голосу еврейской общины, в рассказе не говорится? — съязвил лысоватый юнец. Сказать своим разъяренным оппонентам, что проиналиный человеколюбием рассказ «Джиро-Джиро» написан полвека тому, я счел налишини. Да и они, ревностные эра-чители» еврейской лигратуры, потеряли всякую охоту продолжать разговор. Правла женщина выботомнась, на меня с

Правда, женщина набросилась на меня с криком:

 Вы бы хотели увидеть у нас вашу пропагандиетскую литературу! Не надей-тесь на это!! Мы не будем издавать никого из ваших!!!

из ваших!! — Да, они наши! — Я, покаюсь, тоже взорвался и продолжал еще громче: — И Шолом-Алейхем наш, и его последователя! Мы, советские люди гордимся ими. Они гуманисты. Демократы. Интернационалисты. Слышите, интернационалисты, а не

шовинисты!

Ни один из прохожих не обратил внимани один из прохожих не ооратил винма-ния на мою горячность, ибо, как верно про-светил меня как-то знакомый сотрудник «Юманите», спешащего парижанина на улице могут остановить только выстрел или взрыв. И никто из торопившихся в метили взрыв, и никто из торопившихся в мет-ро даже глазом не моргнул, когда дантист с угрожающим видом подбежал ко мне и сделал движение руками, словно хотел ухватить меня за ворот. Вплотную прибли-зившись, он вымолвил... нет, прошипел:

— Вы сказали так, как мог бы сказать

знаменитый антисемит, а для вас знамени-тый писатель Илья Эренбург!

Читатель мне, конечно, поверит, что более лестных слов по своему адресу я никогда и нигде от сионистов не слышал.

«МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛАСС» ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ МАДЕМУАЗЕЛЬ

Покамест господа руководящие провоз-глашали сионистское «межсезонье», рядо-вые продолжали трудиться в поте лица своего. К таковым относится Мари Джозеф Стербо из провинциального Безансона, студентка медицинского колледжа.

Назови я в Париже это имя руководитепазови и в париже это ими руководить лям французских сионистов, они, пожа-луй, недоуменно развели бы руками. И я искренне поверил бы, что им действитель-но неведома эта заурядная единомышленница, незаметный шпунтик сионистской ма-

шины.

пины.
Однако на фактах практической деятель-ности мадемуазель Стербо можно воочию увидеть, сколь усердно «маленькие» фран-цузские сионисты выполняют обязательстцузские сионесты выполняют сооздательст-ва, данные их именитыми руководителями органам международного сионизма. И в первую очередь— неуклонное обязательст-во любыми способами провоцировать советских граждан еврейской национальности с тем, чтобы склонить их к переезду в Из-раиль. Причем делается это в деловом конраиль, причем делается это в деловом кон-такте с сионистами других западных страп, следовательно, в полном соответствии с планами руковсдящих органов международ-ного сионизма.

«Почерк» молодой медички из Безансона, как увидит читатель, выдает ее при-частность к «ассоциации молодых друзей алии». Ведь сия ассоциация открыто заявила, что успех ее работы определяется только одним — «возвращением из страны рас-сеяния в страну отцов (отъезд с родины на чужбину именуется «возвращением».— и. С.) хотя бы еще одного человека, хотя ц. с.) хоги оы еще одного человета, хоги бы дрихлого старика, но лучше сильного оноши». Важно, впрочем, не то, какую именно сноинстскую организацию представ-ляет Мари Джозеф. Важны мотивы, по которым она вдруг так серьезно заинтересовалась жителем Самарканда Амнуном Гадаевым, далеко не «сильным юношей», а пожилым отцом трех детей.

Снонистская агентура сочла самарканд-ского точильщика «созревшим» для подачи заявления о переезде в Израиль. И это послужило сигналом к непрестанным атакам многочисленных иностранных «туристов» на Гадаева. Одновременно начали поступать на его имя письма и посылки от сио-нистских «попечителей» из США, Англии, Мексики, Дании, Бельгии, Израиля — подумексики, даним, резьгим, гарамия—поду-мать только, какую поистине международ-ную популярность вдруг приобрел самар-кандский житель, все реже и реже выкри-кивавший: «Ножи точить, бритвы пра-вить!»— и все чаще и чаще участвовавший

виты»— и все чаще и чаще участвовавшии в спекулятивных комбинациях.

Гадаев вроде бы возмущался визитами «туристов» в его дом и непрошеной благо-творительностью зарубежных «филантропов», присылавших ему подержанную одеж-ду самых неожиданных размеров. Обращалду самых неожиданных размеров. Ооращал-ся даже по этому поводу с письмом проте-ста в местную газету. Однако вещички с чужого плеча принимал и тут же сбывал их втридорога, умело играя на пристрастни некоторых земляков к тряпкам с импорт-

ным клеймом. Зарубежные опекуны и наставники Газаруоежные опекумы и наставники га-даева обрадовались, когда их «подопечный» подал заявление о выезде в Израиль. Но вскоре он явился в ОВИР и попросил вернуть ему заявление о желании выехать в Израиль. Такой нежданный поворот застасионистских попечителей Гадаева с бе шеной энергией усилить нажим на него. На смену письмам пошли в ход телеграммы. А наведывавшиеся в Узбекистан «туристы» от словесных увещеваний перешли к агитации печатным словом с помощью лживых книжонок и брошюрок. Это совпало с большими изменениями в семейной жизни до зарезу нужного «земле отцов» точильщика, забросившего точильный камень и окон-чательно отдавшегося призванию спекулянта и картежника. Оставив на попечение брошенной жены трех детей, в том числе безнадежного инвалида, он женился вто-

И сразу же в одной из картотек, заве-денных единомышленниками мадемуазель менных единомыпленниками мадемуазель Стербо на провоцируемых ими иностранных граждан, появилась новая запись: отец вто-рой жены Гадева проживает с такого-то времени по такому-то адресу в Израиле.

Вот тут-то и обрушился на самаркандско-Вот тут-то и оорушился на самаркандско-го «дорогого друга» поток почтовых от-правлений из Безансона. По количеству посланых Гадаеву писем Мари Джозеф постаралась превзойти всю сионистскую агентру из многих западных стран, ранее «Мари Джозеф постарабатываниую очно и заочно сыва-вандского точильщика. Мадемуазель сули-мандского точильщика. Мадемуазель сулила адресату самые отборные блага израильского рая. Она жаждала ответа на любом

языке, пусть даже ей незнакомом.
И Гадаев, вконец запутавшийся в сионистских тенетах и изолгавшийся в отноше-ниях с родными и земляками, ответил на страстные увещевания своей безансоиской «подруги» подачей заявления в ОВИР. Он

уехал в Израиль.

Не уверен, находится ли Гадаев там ныне, ибо на третий месяц своего пребывания в стране он принял участие в осужденной а стране он приним участие в осужденном сионистскими властями демонстрации перед зданием министерства абсорбции. Демонст-ранты протестовали против того, что их, выходцев из стран Средней Азии, так называемых бухарских евреев, сотрудники ми-нистерства и работники «Сохнута» относят к второсортным. Их отправляют на жительтво премущественно в отдаленные райо-ны и предлагают селиться в домах, где ка-тегорически отназываются жить переселен-цы более высоких категорий, «Не создавай-те для нас черты оседлости!» — скандиро-вали демонстранты. Накануне иммиграционные власти вышвырнули на улицу семью

прикованного болезнью к постели Мурчиприкованного облезные и постели мурчи-баева, которого Гадаев знал по Узбениста-ну. Сравнительно сносную квартиру в Абу-Кабире, где недолго проживал Мурчибаев, сочли чересчур роскошной для «какого-то» бухарского еврея.

Характерный для израильской жизни штрих: против демонстрантов резко выступили не только местные снонисты, но и заправилы объединения новоприбывших — выходцев из Грузии. С точки зрения руко водителей объединения, такие «неполноценводителей объединения, такие «неполноцен-ные» евреи, как Амину Гадаев, не вправе претендовать на то, чтобы их в Израиле ставили на одиу доску с евреями грузин-скими. Вероятно, Гадаеву и его обманутым землякам уже известно, что и грузинские евреи не смеют на «исторической родине» претендовать на то, чтобы к ним относипретендовать на 10, чновы к ным отностратись так же, как, скажем, к высокопородным ашкенази — уроженцам западноевропейских стран. Слабое, впрочем, утешение для «жалкого бухарца» Гадаева!

дли «жалкого оухарца» гадаева:
Но если он уже и бежал нз Израиля, на карьере мадемуазель Мари Джозеф Стербо никак это не отразится. Она внесла свой практический вклад в дело алии, она попрактический вклад в дело вали, ова по-могла спровоцировать одну «единицу» на переезд в Израиль. И, несомненно, гордит-ся этим. Ей и в голову не может прийти, что организация, в которую она входит, рекламирует свою «интеллектуальную» отрешенность от повседневных грязных дел сионизма, а значит, открещивается и от всего, что делает заурядная сионистка из французского города Безансона.

На первый взгляд вроде и не стоило бы уделять ей столько внимания. Подумаешь, бомбардировала лживыми цидулнами тем-ную личность. Да сам Гадаев, возможно, уже с тревогой в мелкой душонке предвидел, что спекулятивные делишки в конце

дел, то спекультивые дельшки в концов приведут его к уголовной ответственности, так что лучше, мол, заблаговременно покинуть предель Советской страны. Нет, я должен был все же рассказать о мадемузаель Стербо. Ведь она, французская сионистка, включилась в акцию, начатую в Самарканде американскими «туритую в Самарканде американскими «тури-стами»— профессором Менделем Верне-ром, студентами Калифорияйского универ-ситета Наумом и Джопуа Рубинами, ньо-йорксиями жителями Самюэлем Кохэном и Бернардом Каменецки, аз и другими их со-отечественниками, «забывавшими» в ра-нах местах Самарканда (от синатоги до... пыл местал самарканда (от синатоги дол-туалета) сионистские книжонки антисовет-ского направления. Эту акцию, представ-лявшую собой прямую антисоветскую аги-тацию жителей Самарканда на отъезд в тацию жителей Самарканда на отъезд в Израиль, продолжили затем (и тоже под прикрытием туристских паспортов) жители Англии Дашей Роуз и Рей Граит, а вместе с ними функционеры всех американских, английских, датских, мескизанских и про-чих служб сноизма, присылавших самар-нандиам нежданные письма и непроценые посылки. И потребовалось в конце концов от посылки. И потребовалось в конце от посылки. И потребовалось в посылки от посылки. И потребовалось в конце от посылки. И потребовалось в от посылки. И потребовалось от посылки еще участие в этой акции и французской

Вот вам, читатель, нагляднейший пример того, как даже в самых обычных своих провокациях тесно взаимодействуют, оперативно сотрудничают и взаимно поддерживают друг друга разные отряды **международного** снонизма. Одни у них цели, одна у них указка, один у них заокеанский хозяин!

МОНОЛОГ СТУДЕНТКИ БАЛЬЗАКОВСКОГО ВОЗРАСТА

То ли по оплошности какого-либо функционера, то ли по другой причине, но ру-ководители «французской лиги студентов-евреев» не были своевременно извещены. что им тоже надлежит пребывать в каран-тинном состоянии «межсезонья». Только по-этому, очевидно, в офисе этой лиги на аве-ню Клементин, 68, со мной согласились по-

беседовать.
Мне так и не удалось установить, какой точно пост занимает в молодежной органия воздежения воздежной воздежного выпуска в полодежной постанования в полодежного выпуска в полодежного в полодежного выпуска в полодежного в полодежного в полодежного выпуска в полодежного выпуска в полодежного в полодеж точно пост занимает в молоделию.
зации давно вошедшая в бальзаковский возраст авантажная мадам Аннет. Но более юные сотрудники и посетители обращались

к ней на моих глазах почтительно и лаже подобострастно. Следовательно, давно вышедшая из студенческого возраста дама не последняя спица в колеснице второй по численности молодежной сионистской организации в Париже

Мадам разговаривала со мной так, словно не слышала моих вопросов. Если же я настоятельно повторял вопрос, она любезно улыбалась, кивком головы давала по-нять. что готова немедленно мне ответить, но тут же невозмутимо продолжала свой монолог. Вела она себя в офисе как наставмонолог. Вела она себя в офисе как настав-ник, как куратор, как пастърь, и это напом-нило мне, что лига студентов-евреев, во-первых, подчинела непосредственно руково-дителям Союза сионистов Франции и, во-вторых, требовательно опекается лидерами Скоинстского движения Франции. Потом мне сказали, что моя собеседищид даже входит в состав бюро лиги.

С первой же фразы нетрудно было заме-тить, с какой старательностью избегает мадам Аннет термина «снонизм» и всех производных от него слов. Не менее десятка заменителей использовала она в своем мо-нологе. И «еврейское самосознание», и нологе. И «еврейское самосознание», и «наш национальный дух», и «опущение своего еврейства», и «моральная верность интересам всемирной части еврейской пация, и «сплоченность молодой части еврейских общин», и «пробуждение интереса к национальным традициям предков», и «осознание долга в отношении неокрепшего государства Израиль», и даже «международные заботы евреев».

Орудуя этой терминологией, мадам Ан-Орудуя этой терминологиев, мадам ды-нет испытывала, видимо, уверенность, что ей удалось внушить мие, насколько чужда представляемая ею махрово споинстская лита. сноимаму. В доказательство того, что лита имобы не исповедет экстремительно-национальная, преводносияся такой, с поз-такой, спора-

 Воления сначать; довод;
 Раз мы преследуем цель — укрепить географически далекое нам, но по общественному пониманию и пробуждающемуся венному пониманию и прооуждающемуся чувству долга близкое нам (поди разберись в этих словесных дебрях! — Ц, С.) еврейское государство, тем самым мы заботимся о благе всех стран, где проживают евреи.

о облаге всех страи, где проживают евреи. Не так, возможню, деликатно, нак следо-вало бы в диалоге с представительницей прекрасного пола, но мне все-таки удалось прервать увлекшуюся мадам и напомнить ей, что мы, советские евреи, хорошо знаем, какова на деле она, эта сионистская «забо-та», и сколько клеветы, провокаций, вме-шательства в нашу жизнь и посягательств на наши права вобрала она в себя.

Выслушав меня с закрытыми - в самом рямом смысле слова — глазами, моя собеседница с прежним упоением продол-

Да, наша лига помнит о каждом еврее, где бы он ни жил! А применительно к молодежным проблемам это означает, что молодежным проолемам это означает, что мы призываем крепить узы молодых изра-ильтян с молодыми евреями всех стран. И, конечно, мы во Франции гордимся тем, что помогли молодежным организациям Израипомогли молодежным организациям израи-ля создать почти два десятка своих пред-ставительств в Париже. Так следовало бы сделать во всех столицах Западной Европы и Америки. Это поднимает авторитет израильской общественности и укрепляет ее свя-зи с еврейской молодемью других стран. Такую нашу точку зрения разделяет и фронт евреев-студентов Франции. Вам могут насплетничать, что в методах решения некоторых проблем мы расходимся с фроннекотолых проолем мы расходимся с фрон-том. Нас даже иногда называют конкурен-тами. Не буду уточиять, какая доля исти-ны есть в этом. Но могу вас заверить: ког-да решаются проблемы связей с израиль-ской молодежью, мы с фронтом абсолютно елины!

И без пылких заверений мадам Аннет вполне представляю себе, что в осу-ществлении главных задач международного сионизма обе организации сту-дентов-сионистов стопроцентно едины. Вероятно, венужные заверения мадам Аннет мне повторили бы и в офисе фронта евре-ев-студентов Франции. Но там, на бульва-ре Страсбург, 54, знали о провозглашенном межсезонье. Заглянуть туда я, следо-

вательно, не мог.

... И все же несколько слов о нем обя-зан сказать. Меня в Париже ознакомили с зан сказать, меня в париже ознакомили не некоторыми документами о деятельности этой сстуденческой» организации, и я мог уловить главную подробность, обнажаю-щую ее ненасытный антисоветский аппетит. Именно на ее сборищах заговорили во весь голос о долге сионистов «катализиро-вать осознанные разными народами Советского Союза причины катаклизмов между ними, в действительности порожденных их неравноправным положением в стране». Понятно? Сеять национальную рознь между советскими народами, натравливать их друг на друга, внушать им, что они якобы не равны в нашей стране,— вот что означает эта сионистская сентенция, если снять с нее туманную словесную шелуху... А монолог мадам Аннет все продолжал-

ГАЛИЛЕИСКИЕ РАСТИНЬЯКИ

И вдруг она с извинительной, правда, улыбкой стала называть сионизм сионизмом, а снонистов снонистами. Вернее, не вдруг, а с того самого момента, когда перешла к жалобам. Да, самым настоящим, полным слезливого откровения, жалобам на наводняющих Париж молодых израильтян. Попадая во Францию туристами, они превращаются то в абитурнентов, то в дельцов, то в женихов французских девушек. Сло-вом, создают для себя благовидный предлог не возвращаться в Израиль, где одних ждет армия, других — чиновничья работа на оккупированных палестинских терриго-риях, третьих — неотложные поручения сиоистских организаций. Причем речь идет о юношах и девушках совсем не из семей, недавно переселившихся в Израиль и почувствовавших себя обманутыми, не о тех, кого израильская пропаганда называет «порлим» — «изменниками». В Париже оседают отпрыски семей коренных израильтян-сабров и старожилов-ватиков, принадлежащих преимущественно к привилегированным и состоятельным кругам израиль-ского населения.

Скорбные стенания мадам Аннет вполне отражают, должен сказать, недовольство французских сионистов и сочувствующих им кругов нашествием молодых беглецов из им кругов нашествием молодых оеглецов из «страны огцов», которые предпочли парик-ски мизнь пребыванию на родине, хрониче-ски находящейся в состоянии «ни войны, ни мира». Я уже рассказывал об этом в кни-ге «Темная завеса», адресованной молодым читателям и повествующей преимущественчитателям и повествующей преимущественно о грязной хохте международного споиязма на молодые души. Здесь же касаюсь этого — больного для французских сионистов — явления для того лишь, чтобы чубедиться как мых доперствых фактах убедиться, как мых до должной комперстых фактах убедиться, как мых должной комперстых фактах убедиться, нам мых должной комперсты на правия в Кастегов, на тодько новество из Израиля. Бегство не только новоприбывших, не успевших осесть в стране. но и молодежи из среды коренных израильтян, на которую делают главную ставку сионисты и клерикалы.

 Осевшие у нас молодые израильтяне у себя дома говорят, что едут во Францию туристами, посмотреть мир, — обличает бег-лецов мадам Аннет. — Их не пугает ни полецов мадам дликт. — их не путаст ил их вышение цен на билеты, ни астрономиче-ский налог при выезде — они, слава богу, из состоятельных семей. В Париже сначала острят, что им надоело коптеть в Израиле — стране, поездка внутри которой на иле — страме, поездка внутри которои на каних-инбудь сорок иклометров, неажно в каком направлении, может привести либо на пляж, либо в соседнюю арабскую страну. Потом серьезно заявляют, что учиться в израньъских университетах до-рого и неинтерено. Проходит месяцы, годы, а они по-прежнему заверяют парижских ды, а они по-премнему заверяют парижских севреев (будь великовозраствая «студент-ка» правциюй, что не собираются сионаство — Ц. С.), что не собираются стать «нордим», то есть покинуть Израиль. Назовите их бетлецами или коти бы эмиг-рантами, они на вас обидится и обзовут ан-тисскитом. Нь окозращаться в Израиль и

не помышляют, их вполне устраивает полуне помышилит, их внолие устравает полу-законный статус «хуц ли арец» — это озна-чает «вне страны». Мы знаем, что в Со-единенных Штатах «застряло» еще больше молодых израильтян, уклоняющихся от обязанности строить свое государство. Но французским друзьям Изранля от этого не легче,— тоскливо вздыхает моя собесед-

Паралокс! Активная сионистка одна из кураторов большой молодежной организации, жалуется советскому писателю на недостаточную политическую закалку молодых израильтян и признает, что ошибалась, когда наивно думала, что каждый из них

когда наивно думала, что каждым из инс во сне видит себя актичным сионистом. Однако мадам Аннет рассказывала мне все это неспроста, не из дамского стремле-нии поболгать. Подтекст был такой: запач-ноевропейские сионисты выпулдены усилен-но развивать контакты с израильскими со-оратьмым, а уж на плечи французских сно-братьмым, а уж на плечи французских снонистов, по природе своей «теоретиков» и «интеллектуалов», ложится святая обязанность помочь Израилю вернуть в лоно снонизма свихнувшуюся с пути истинного молодежь. И не случайно моя собеседница всячески напирала на то, что сотрудники многочисленных представительств из ранльских молодежных организаций много почерпнут в Париже и вернутся домой идейно и организационно обогащенными, более

по и организационно обогащенными, оолее подготовленными для работы в Израиле. Сочтя, видимо, что я не до конца осо-знал, почему она так гневается на «полулегальную израильскую колонию в Париже», мадам Аннет вручила мне экземпляр франкоязычной просионистской «Арш» («Ковчег»):

 Прочтите статью «Израильтяне в Па-риже». И вы поймете, как осуждают непатриотичную израильскую молодежь парижа-

Парижане?

Явно не желая уточнять, о каких именно парижанах идет речь, «студентка» ответила мне подчеркнуто патетически и на весьма повышенной ноте:

А вы не знаете, что в Париже живут люди, близко принимающие к сердцу судьбу Израиля? Гораздо ближе, чем вы думаете! Думаете, если мы не говорим по-еврейски, то забыли о своей исторической родине?.. Нет, врагам снонизма молодежь мы не отдадим, нет!

«Если ты сионист и ты молод, твое место на Голанах! Остающиеся за границей — об-

Так обращается к «подрабатывающим, стажирующимся, привыкающим, притворя-ющимся» в Париже молодым израильтинам журналистка Ан-Елизабет Мутэ со страниц «Арша». И напоминает тем, кто «не упу-скает возможности «сделать дело» в Па-риже», к чему привел подпольный бизнес многих молодых израильти в Западной Германии — к преступному миру, к тюрь-ме. Толкает их на это нужда?—Нет, жела-ние «красиво» жить. Таковы, скажем, Бени и Дани, которых встретила журналистка в парижском кафе: «Одеты они были как боги с ног до головы; рубиновое коль-цо у одного из них стоило шикарной квартиры в богатом северном нвартале Тель-Авива, и они знали, что такие квартиры их ЖЛVТ».

По этим деталям мы окончательно убеждаемся, что бегство из страны охватило и самые привилегированные слои израильской молодежи. Они предпочитают полулегально околачиваться в Париже, Нью-Йорке, Бон-не, нежели благоденствовать, как положено представителям элиты, на «родине отцов», каждодневно угрожающей им призывом в воннские части для очередной карательной экспедиции.

В Париже, по наблюдениям Ан-Елизабет Мутэ, эти «галилейские Растиньяки» в Па-риже «цинично упрекают местных евреев в недостаточном внимании к Израилю, чуть что бросаются кличкой «антисемит». сами, к негодованию парижских сионистов, сводят на нет их пропагандистскую брехню об израильском рае своими признаниями о том, что в действительности творится в покинутой ими стране.

А рассказывают-то они правду. И чем горше она, тем суровей месть французских

сионистов за «клевету». Двадцатидвухлетняя девушка из Беэр-Шевы, прочно обосновавшаяся в Париже с согласия и при денежной поддержке отца, владельца обувного магазина, рассказала за столиком кафе в компании:

На задворках нашего дома поселилась семья приехавшего из Белоруссии техника по холодильным установкам. Но у нас он почему-то работает подсобным рабочим в мебельной мастерской. Жена начала было работать ночной сиделкой по разовым при-глашениям, но профсоюз объявил ей бойкот за антиизраильские настроения. И вот эту чету пришли приглашать на собрание общества защиты евреев в Советском Сою-зе. И муж ответил: «Нечего нам делать на таком собрании. Вот когда будет создано наконец общество защиты евреев из СССР в Израиле, я первым прибегу!>

В кафе посмеялись, но девушке стало не до смеха. За распространение «антиизра-ильского злобного анекдота» со следующего же дня ее подвергли организованному остракизму. До того организованному, что вынуждена была переехать не то в Мар-

сель, не то в Лион.

Девушка клялась и божилась, что рассказала анекдот, а не быль. Ей, увы, не по-

вынужденные признания

А ведь попадись мне в Париже на глаза тель-авивский журнал «Шалом» № 41, я, пожалуй, мог бы выручить девушку. Но, к сожалению, уже только впоследствии я прочитал на пятой странице этого «независимого» журнала письмо недавнего израиль-тянина, выступившего от имени «хорошо все обдумавшей» группы переехавших в Израиль советских граждан. Все они ищут средств обороны «от обмана, надувательства, пропагандистских посулов, игры на чувствах», которым подвергают новоприбывших сионистские партни, особенно во время избирательной кампании. Автор письма выражает мнение людей, «изголодавшихся в Израиле по социальной справедливости, по избавлению от уничижительного нера-венства». И приходит к выводу:

«Для борьбы с местной бюрократией и защиты интересов русских евреев (они самые бедные и самые робкие) нужна «Лига

защиты репатриантов из СССР».

Название набрано прописными буквами, ибо мотивированный призыв к созданию в Израиле организации для защиты бывших граждан составляет существо письма. Этот призыв варьируется на все лады, рассматривается с разных сторон, аргументируется, обосновывается, доказы-

Кем, однако?

Не написал ли столь невыгодное для израильских властей письмо убежденный антисионист, до конца разочаровавшийся в Израиле и окончательно решивший бежать? его ли невзгодами объясняются бескомпромиссно точные оценки трагического положения бывших советских граждан на израильской чужбине? Не дошел ли он до полного отчании и перестав владеть собой? Нет, нет и нет. Еще задолго до обраще-

ния в журнал «Шалом» автор письма успел сделать в Израиле необычайную карьеру, ибо сразу же по приезде стал ретивым со-трудником одной из сионистских служб, специально созданных для заманивания советских граждан в «страну обетованную». Руководители службы превозносят изобретательность и инициативность нового агента, подчеркнутую неразборчивость в выбо-ре провокационных средств. По той же причине этого человека проклинают и многие еще не вырвавшиеся из Израиля олим и иногочисленные беженцы, которых он продолжает преследовать в Риме и Вене, Проклинает Якова Сусленского и родив-

пая его мать. Бросив ее, больную и пре-старелую, в Бендерах, сынок укатил за рубеж, туда, где так высоко ценится пре-

дательская клевета на Советскую страну. И, как видите, даже такой отпетый из менник, сразу же завоевавший признание сионистских кругов, вынужден был высту-пить с предложением создать в Израиле организацию для защиты тех, кого он же и его дружки заманивают туда, лживо именуя репатриантами. Чтобы окончательно не нуя ренатриантами. Чтобы окончательно не потерять остатии доверия обманутых им людей, Сусленский счел выгодным для се-бя публично сквазать то, о чем уме давно и много говорат с волнением бывшие со-ветские граждане, в польой мере ощутив-шие свое бесправне в Израиле. Дезушка из Беср-Исева, выходит, пове-дения из Беср-Исева, выходит, пове-тить и пределением в Израиле. Правду, ко-торую с хорошей миной при плохой игре

торую с хорошей миной при плохой игре приходится признать и сионистским аген-

исповедующие ложь

По мысли Маяковского, важно знать до-статочно мало, чтобы не упустить из виду

Мы с вами узнали, читатель, о повсе-пневных делах французских сионистов сравдневных делах французских сионистов срав-нительно много, но, к счастью, достаточно мало, чтобы не упустить главного: сионист-ские организации во Франции, как и в лю-бой капиталистической стране, ощущают себя составной действующей частью международного сионизма и покорно подчиняются решениям находящихся в США и Израиле центров своего движения. Попытки представить французских сионистов этакими ро зовенькими чистоплюями «не от мира се-го», якобы погруженными в эйфорическую интеллектуальную атмосферу высокой теорни, столь же лицемерны, как и разглагольствования сионистов Великобритании о том, что они работают-де «в белых перчатках» или «под сурдинку».

Знакомые перепевы камуфляжных мотивов! Время от времени, как я говорил в самом начале этих очерков, они доносятся из любой западной страны.

Французские сионисты, однако, особенно любят патетически провозглашать:

Да разве же мы позволим себе то, на что способны штурмовые отряды, создан-

ные раввином Каханэ в Америке!
— Да разве же можно найти среди нас хотя бы одного, кто действует по примеру израильских экстремистов из «Гуш-Эмуним», идущих к палестинцам на оккупиро-

ных землях с автоматами и бомбами! — Да разве же не очевидно, что мы ниванных когда не переступаем грани, за которой начинаются принуждение, провокации, диверсии

Увы, очевидно совершенно противопо-

ложное.

Конечно, мне трудно из числа французских сионистов поименно назвать практических последователей Меира Каханэ или эмиссаров, лично исповедующих канин-бальские взгляды карателей из «Гуш-Эму-ним». И не в этом суть! Важно другое: вся без исключений практическая деятельность сионистов Франции, подобно делам их со-братьев в других западных странах, подо-гревает террористов из кахановских банд, вдохновляет душегубов из «Гуш-Эмуним», способствует осуществлению всех акций, намеченных Всемирной сионистской организацией, Всемирным еврейским конгрессом и Еврейским агентством для Израиля (Сох-

Эта деятельность, осуществляемая по заокеанскому сценарию, направлена на за-манивание в Израиль еврейской бедноты из западных стран и всех (ни более ни ме-нее! — Ц. С.) граждан еврейской национальности из стран социалистических. Она про-низана антикоммунизмом и ставит своей позава антикоммунизмом и ставит своеи целью безоговорочное оправдание любых карательных операций Израиля против па-лестиццев, любых его военных нападений на арабские страны, как бы ни выпирала коричневая подкладка таких разбойничьих коричневая подкладка таких разоолин-действий. Она укрепляет финансовую мощь международного сионизма, стоящего на страже классовых интересов капиталистических монополий и мирового империализма.

Она шовинистична, антидемократична и противонародна на каждом шагу, и это закономерно выдвигает ее в авангард анти-

советизма.

А если говорить о хронических попытках сионистов добиваться поддержки своих планов и поползновений от государств, где они действуют, то французские сионисты в этом отношении особенно разнузданны, наглы, нахраписты. Десятикратно таковы они в моменты, когда государственные деятели Франции демоистрируют свое справедливое понимание того, что творит Израиль под по-кровительством США на Ближием Востоке. Тут уж вздымается неистовая буря клеветы на правительство, на государство, на народ. Как их единомышленники во всем мире,

французские сионисты исповедуют ложь. А если расставить все по местам, они намноесли расставить все по местам, они намно-го ликивей большинства своих западных со-братьев. Хитроумней вуалируют свои на-мерения, мудреней камуфлируют свои пла-ны, лицемерней изрекают свои призывы.

Скажем, в Англии к съездам правящих партий регулярно публикуются документы, не только раскрывающие, но и хвастливо рекламирующие деятельность сионистского лобби. А попробуйте спросить французского сиониста о лоббистах, он взглянет на

вас, как на инопланетянина.

В Голландии, например, открыто стыдят неаккуратных шекеледателей, публично шельмуют злостных неплательщиков регулярных и внеочередных «пожертвований». во французских сионистских кругах о м во французских сионистских кругах о «шекеле» лицемерно рассуждают с отвле-ченным видом как о чем-то стародавнем, арханчном и неведомом, хотя прекрасно ведомо, что в сионистскую кассу дерут с французского еврея более увесистую дань, нежели с голланиского

Сионистские организации во многих западноевропейских странах допустим, в Бельгии, открыто призывают своих членов не протягивать руку помощи бежавшим из Израиля бывшим гражданам социалистичеизраиля обышим гражданам социалистиче-ских стран. Инструкции французских сио-нистов на сей счет более жестки и безжа-лостны (в них фигурирует зловещее слово «депортация»), но заго засекречены. И; наконец, Америка. Если там сионист-

ские организации любого оттенка шумно и без стеснения поддерживают на всех перекрестках бесчеловечную расправу израиль-тян с арабским населением оккупированных земель, то во Франции точно такие же взгляды сионисты высказывают шепотком и только среди своих. Но вполне убежден-

Вот какой густой паутиной изощренной лжи опутали свою каждодневную деятельность, свои крупные операции и мелкие де-лишки французские сионисты. Это делает их особенно опасными врагами демократии и прогресса. Это таит для их жертв повы-шенную угрозу. Ведь, по справедливому утверждению талантливого писателя Юрия Бондарева, у всего человечества один и тот

Вопдарсва, у всего человечества одил и 197 же враг — ложь. Ложь! Слышите, господа «теоретики»? "Часа за полтора до отъезда на аэро-дром «Шарль де Голль» узнал я одикой выходке молодого сиониста, студента одной из высших школ Парижа. На занятиях он публично обвинил равнодушную к снонизму туранти объяти разводунную к сионаму студентку еврейского происхождения в предательском забвении «общенациональ-ных интересов Израиля». Самое невероятное: сионист воспользовался для своих нападок выступлением на семинаре, посвященном... творчеству выдающегося французского драматурга XVIII века Жана Франсуа Реньяра.

Реньяр! В юности, робко начиная свои драматургические опыты, я зачитывался его талантливыми сатирическими комедияего талантинвыми сатирическими комедия-ми и восхищенно повторял слова Вольтера: «Кому не нравится Реньяр, тот не достони восхищаться Мольером». И в самолете, уно-сищем меня из Парижа, депомили немало острых, разящих, беспощадных реньяровских строк, как нельзя более приложимых к сегодняшнему сионизму. Строк о цинич-ной власти денег, крайнем бесстыдстве, лживых сердцах и делах. К 75-ЛЕТИЮ со дня РОЖДЕНИЯ F TPOFFORECKOTO

САМАЯ БОЛЬШАЯ ПРАВДА

Даже если бы Гавринл Троепольский не налисал после «Записок агронома» не вдиной строки, его ими осталось бы в интературе настольим, его ими осталось бы в интературе настольки, его ими осталось бы в интературе настользов. Мудро, замитересование в втлянул Троепольский на заботы и тревог и свъского трунее своим творичетови, правду и беролся за
не поръвбета на своим голе, размител в
не правду и деле предоста на своим голе, размител в
не правду и деле предоста на своим голе, размител в
не предоста предоста предоста на предоста на своим голе, разме нет
не на его рассиазов и очерков сохраниют акдень Троепольским в повести «Кандидат на
день Троепольским в повести «Кандидат на
день Тавесь межно статель у своим соле, разме нет
день Троепольским в повести «Кандидат на
день Тавесь можно статель у чето передоста на
день Троепольским в повести «Кандидат на
день Тавесь можно статель у чето не

месть можно отметить, что писатель уделим могот сыл научной работе. Премяе чем выглу могот сыл научной работе. Премяе чем выглу могот сыл научной работе. Премяе чем выглу могот сыл научной работель самента на премяет премяет на премяет премяет премяет на премяет премяе

Феликс МЕДВЕДЕВ

и гонят БРАК

Так совпало, что и второе писменения и томит браке — относится к Министерству лесной, целмолозно-бумажной и дерезообрапоминия, что читательница «Огоньна» (томит браке — относится к Министерству лесной, целмолозно-бумажной и дерезообрапоминия, что читательница «Огоньна» (томительной предакционнем к 39 за 1980 год) говориян о
изкном качестве ленты для пнишуминим «Сооз», Эта публикация раскомотрема в Государственном комитете СССР по стандартамговорится— в статье подняты айтуальные вопроси, связанные с кашения наместая и утушения
шения наместая и утушение
деи стандарт эленты и утверждеи стандарт эленты и утверждеи стандарт за пред пред пред пред
осного камества и утвержним стандарт за пред
осного каместая для утвержним тото стандарта СЗВ вмесены в
ГОСТ и введены в действие. При
ини этого стандарта СЗВ вмесены в
ГОСТ и введены в действие. При
ини этого стандарта СЗВ вмесены в
ГОСТ и введены в действие. При
ини этого стандарта СЗВ вмесены в
ГОСТ и введены в действие. При
ини этого стандарта СЗВ вмесены в
ГОСТ и введены в действие. При
ини этого стандарта СЗВ вмесены в
ГОСТ и введены в действие. При
ини этого стандарта СЗВ вмесены в
ГОСТ и введены в действие. При
ини этого стандарта СЗВ вмесены в
госудорственного стандарта

и технологии производства лент для пишущих и вычислительных машин на мосновской фабрине технических бумаг «Союз».

технических бумаг «Союз». В связи с этим Госстандарт дал устандартизации и метрологии про-вести провернующего при вести провернующего про-вести провернующего при шини, соблюдения технологии и тре-бований и принять соответствую-щие меры».

ниформирует, что Госснабом СССР объединению «Союз» выделено сесто 2,2 милямова метров основы хлогичатобумалной ткани при потребности на полимый объем прочазовдства 3,2 милямова метров». К сомалению, в письме обходится вопрос о производстве лен-

ты на снитетичесной основе, а такиме то обстоятельство, что выпускаемую продукцию далеко не сегда отминетами. По солионо в применения обращающим образцами ленты и конрин продукции объединения «Союз» заметно уступает.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Читателям «Огонька» будет, мы полагаем, интересно узнать, что наконец-то принимаются конкретные меры, направленные как на улуч-шение торговли изделиям орттехники, так и на выпуск всей гамы таких изделий. Надо сказать, что главторг Мосгорисполнома пытается таник изделян. Надо сказать, что Главторг мосгорисполнома пытается решить эту проблему — и делает это соновательно. Но все же в дейст-виях Главторга ощущается некал осторожность, иоторая обълсника, когда узнаешь, что промышленные министерства не спешат с выпуск, не тольно новинок, но и уже известных изделий. По-видимому, в Главне только новинок, но и уже известных изделям, по-видимому, в глав-торге рассуждают так: будет магазин, а где взять для него соответст-вующий томар? Опасения эти обоснованны— свидетельством тому ста-ло и письмо тов. Никольского, который вовсе инчего не говорит о ноло и письмо тов. (Никольсиого, которыи вовсе инчего не говоряг о вно вом магазите (об универсальном выгазиней, который всю аргумента-цыю твета и всю его информацию строит на уже открытом на Большой Дорогомиловской магазине беловых товаров; он, по сути, стал магазином фирмы «Восход», и в нем, что полнятию, нет и деслой доли выпускаемой в стране оргетскимки. Хорошо, номечно, что фирменный доли станов, что фирменный строит в пременный стране оргетскимки. Хорошо, номечно, что фирменный доли станов стране оргетскимки. Хорошо, номечно, что фирменный станов. выпускаемой в стране оргтехники. Хорошо, конечно, что фирменным магазын Оудет нзучать спорс и отзывым, но хотелось бы знать мнение Министерства лесной, целлиолозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности: наково его отношение к этому первому универмату оргтехники? «Огонек» вег разговор имению о магазиме универсальном (повторим это). Канне товары оно хотело бы и могло бы предложить именно для этого прилавка? Впрочем, с таним же вопросом слеаует образаться на министерства промениленным предоставления в пр следует обратиться и в другие ведомства: в Министерство промышленности средств связи с просьбой уснорить выпуск динтофонов; в Минприбор, в Министерство химической промышленности СССР, а также в министерства местной промышленности союзных республик.

БЫТЬ МАГАЗИНУ

В публикации «Быть магазину-систоненс № 33 в Тран год усло-ление торгови Мосторисполнома внесто в Исполном Московского помещения по умице Палка угол тиханской) для организации спе-даме товаро современной оргтех-ники. Площаль будущего магази-тора, Предполагается, что от будет первый крупный специализирован-ный магазин для пониущих, в ко-

тором можно будет не тольно при-обректи апручниту при обректи обрежения обрежения обрежения образования обра

ло о расширении выпуска изде-лия организационной техники. а съредств село на подго-товие к выпуску нассетного дик-товие к выпуску нассетного дик-реданция попросила такие и бывшее Министерство цоллопозно-номиться с публикацией, В полу-ченном нами лиське заместителя и т. Г. Никольского гово-ритств.

министра Н. Г. Никольского говорится:

— прителя правишенности рассмотвыми правышенности рассмотнепо статы в журнале обгонеквбудет ли фирменный магазин?» и
быть магазину» В целях улучшеров, вырабатываемых для орггехниц, осуществен рад мер, направленных на упущих машин, бумаги колировальной, разработамы
и выпускаются боле 150 артицулев бломногое, в том числе, в и дел-

вые блиноты, капендари, Карточ-ин искланомные и дв.
В 1980 году освоена технология производства бумаги моррентиру-сией, первал промышленыя паро-сией, первал промышленыя паро-га поступает в продаму.
Министерство целялосяно-бу-но с Минторгов СССР организова-по продаме бумамно-билому иси-но с Минторгов СССР организова-по продаме бумамно-билому иси-циольно-нациепристик. Товаров. Магания входит в Состав москов-ниторите и пред пред загот фирменный жагания на товаров, мялиона рубения пред затог фирменный жагания изучать спрос на товары и отзыва покучателей по каместву продучиня в центорите и пред ста товары и отзыва покучателей по каместву продучиня в центорите у доветорения спроса на сумажно-беловые товары».

CHOBA O KOHKYPCE

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЬНИЦЫ КОМ-МЕНТИРУЮТ СПЕЦИАЛИСТЫ, НО ВОПРОС ОСТАЕТСЯ ОТКРЫТЫМ.

С чего это началось и почему так получилось, что машинистин — представители такой массовой и такой нужной порфессии, оказатьсь обоїденными соренованием? Мы сейчас выясиять это не будем, письмо читательницы «Огонка-предполагал», что ответить на нето следует с возможно большей обстоятельностью. Сначала само письмо.

«В нюпьском (№ 28) номере жур-нала за 1979 год и прочитала о чемплонем мира по мыйнописи и чемплонем мира по мыйнописи и сом Соказе не проводител подоб-ском Соказе не проводител подоб-ском Соказе не проводител подоб-ском Соказе много жороших жишк-ством соказе много жороших жишк-ном много жороших жишк-чать с Гызелой Эберебах и други-чать с Гызелой Эберебах и други-ми победителями мировых чемпи-типропромесельстрой зав. маши-гипропромесельстрой за машк-пописным боро, печатам на ма-имприя и деятическом про-меня в машк-мина по простоя про-типропромесельстрой за машк-ногисным боро, печатам на ма-мунду 10 ударов.

Р. Г. ЖМАПЛОВА

Редация понтересвалась мис-тересвате по съедовору за-меститель заведующего отделом социалистического соревнования и социалистического соревнования и В. Т. Булов сообщает, что чвопрос об организации мониросо маши-вистом рассмотрен в отдело рассмотрен в отделом добные конкурсы целесообразно проводить в организациям, имею-ция сольшое число работающих

по данной профессии (в частности, в издательствах, где количество и процентов среднесписочного состава). В настоящее преднесписочного состава, В настоящее преднесписочного состава, В настоящее преднесписочного метером преднество п

фин, машинописи и депогротиводмощи соответствующим секциям
республиканских (АССР), ираевых
В Моские и местных отделения
в местных отделения
ристиру местных
в местных отделения
в местных отделения
в местных отделения
в местных отделения
в местных
в местн

TEATP для всех РЕБЯТ

— У вас, ребята, самая лучшая литература и самые лучшие театры, — сказал Сергей Владимирович Михалков, приветствуя всех

Выступает Анастасия Платоновна Зуева.

Сергей Владимирович Михалков с детьми.

собравшихся в зале московского детского музыкального театра на открытии первой всесоюзной и седьмой всероссийской недели «Театр — детям и юношеству».

Большое Большое театрализованное представление показали устроители «недели»: отрывки из лучших столичных спектаклей, кадры до-кументальной хроники. Выступали кументальной хроники, выступали мастера советской сцены — на-родные артисты РСФСР Ю. Каю-ров и Н. Подгорный, заслужен-ные артисты РСФСР Л. Семеняка, В. Анисимов... Бурными аплодисментами встретили народную артистку СССР Анастасию Платоновну Зуеву.

День открытия «недели» стал настоящим праздником для ребят всей нашей страны. Во всех больших городах в этот день - и всю неделю-в театрах шли лучшие детские спектакли. Многие театры приготовили к этому времени премьеры.

Т. НИКОЛАЕВА Фото А Бочинина

кубок «ОГОНЬКА» У Р. ЛАСАЕВА

страны. Реданция журнала «Огонен» желает своему лауреату новых боль-

Stapus

Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ

Нави Сергеевну Томин лежал на берету Средиземного моря и задумчиво загребал песои босыми погами, а не очень холоднаят, услышал он емень холоднаят, услышал он емень холоднаят, услышал он мень сертем и услушал образовать обернулся и увидел он него мень Он проем и загонном в згот миг набенего проем. Но в этот миг набеневы Он притивделся и узыял софинурой лучше, чего это она такая хомори. Но в этот миг набегеевнух холодом птим. — Черт, чего это она такая хомори. Но проемулся, он отдернул в момори. Но проемулся, он отдернул он оне образовать обра

— Какое там наводнение!— сер-дито сказала вошедшая в спальню

— Канов там наводнение!— серо тоща, рассекая волны вмогунии, нак линиор, телом.— Просто в выним том турка доличаю в примера в

— Туда я томе звонила. Они сказам, что рамьше деяти утра призам, что рамьше деяти утра привазъе в стране от техно в стране от техно

ни в критической ситуации за-привавот пробонну пложе вомо-томин поемкисл. Он том вомо-ну, прощавью помахал рукой де-тим и, броспвишесь и трубе, опу-тим и, броспвишесь и трубе, опу-сто тель, име всей тиместью сво-гото тель, име всей тиместью сво-гото тель, име в пробороже в круга и иссякла.

В это время теща включила на-нула и иссякла.

В это время теща включила на-нула и иссякла.

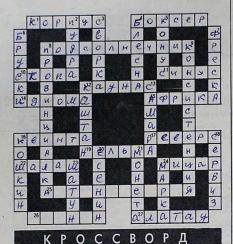
В это время теща включила на-помиваей, помивен и коми-ния, пределать и пределать и кутру сего воду вымерпали. Не-на насухо вытерла пол, теща по-сомала звоить в насрийную, в бомала звоить в насрийную, в нал, — тот демуримась менялся, а му-

обмала завинутеры пол. темы по ванную она вернулась растеряннал. Тот декурный сменияся, а невый сказат, что сегодня субота,
вый сказат, что сегодня субото,
вый сказат, что сегодня смения
— Оказывается, в суботу они
вывызмают. У них только одна
на жай серьемой вазрии,
май серьемой варии,
май серьемой варии,
май серьемой варии,
май серьемой серодня процер,
май серьемой варии,
май серьемой серодня
май серьемой
май с

ным мастер, которым и гламу чыровом обрасов и систем обрасов и систем обрасов и систем обрасов обрасо

дверь.— Хоть сегодия-то почините трубу?
— Сегодия некогда, мамаша!— огмажнулись ваврийщики.— Мы вам пока просто воду перекроем, а починим как-нибудь в другой раз. Не обессудьте, торолимся, Нам поручили срочно перебросить товарища Томина на более важный объект...

По горизонтави: 1. Войсковое соединение. 4. Порода собак. 8. Маслячию растение. 10. Основная ритмическая силница системомаслячию растение. 10. Основная ритмическая силница системостоловосочетации. свойственное только определенному языку. 15. Материк. 16. Музыкальный интервал. 17. Оборотная сторона медали,
коми. соломой. 24 Дюйная дведа в созведян Вольшой Меделеция.
25. Раздел геофизини. 26. Химический элемент. 27. Название ряда
хрестов в Средней Азии и Собори.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЯ В № 48

По горизонтали: 2. Саванна. 4. Прокофьев. 8. Квинтэссенция. 12. Виблютека. 14. Концертию. 15. Процюи. 16. Чудра. 17. Кислота. 18. Суматра. 20. Осмий. 21. «Контора». 25. Состязание. 26. «Гимназисты». 28. Вискозиметрия. 29. Нифинитив. 30. Ахундов.

По вертикали: 1. Задонск. 2. Спринтер. 3. Апеннины. 5. Автопогрузчик. 6. Нивелирование. 7. Глиэр. 9. Ноиет. 10. Плацкарта. 11. Столетник. 13. Алуксие. 14. Картинт. 19. Уголь. 22. Ратин. 23. Анакида. 24. Дмигриев. 27. Планино.

НА ПЕРВОЯ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мосива. Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖИИ: Печные израз-циях УИ вент и Торрамесскый карраец об москаз XVI вент и Торрамесскый карраец об москаз XVI вент и Торрамесскый карраец об москаз XVI вент и Торрамесского панно - Редспитием и з Борносого-Вского собора в городе Старица. XVI вент «Павлин». Фрагмент намина из дома М. С. Кузнецова в Моск-най изразец (из декора колокольки церкви Николы Явленного в Москво). XVII вен «Камин, Абрамцевская мастерская. Конец XX века. (См. в Комере материа» «Русский харааец».

Фото М. Савина

Главный редактор—А.В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕ-ЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦИИЯ (замеситель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответствен-ный секретары), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (замеситель глав-ного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы; Внутренией жизии — 250-56-88; Международный — 212-30-37; Сотделы; Внутренией жизии — 250-56-88; Международный — 212-30-93; Социальний стран — 250-24-38; Перементры — 212-36-89; Перементры — 212-36-89; Перементры — 212-31-38; Перементры — 212-31-38; Перементры — 212-31-31; Перемент

Сдано и набор 17.11.80. Подписано к печати 02.12.80. А 00463. Формат 70X/108/у. глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.няд. л. 11,55. Тираж 1 780 000 элз. Изд. № 2761. Заказ. № 3250.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

фото Ю. Щенникова и Ю. Белинского (ТАСС)

РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ

Пенниград — город, стоящий у моря. Но лишь недавно окнами новых
**кварталов, выросиих на берегу Финского залива, заглянул он в тужам
име балтийские дали. А в началя веча одал или от
мине балтийские дали. А в началя веча одал или от
отмуратили от
отмуратили о

о. ПЕТРИЧЕНКО

32

Кабинет А. Блока. Столовая в музее-квартире.

В музей пришла Елена Эрастовна Блок, родственница поэта.

Один из залов музел.

